

В. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

ЮЛЬКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

В. А Л Е К С А Н Д Р О В С К И Й

ЮЛКА

П О В Е С Т Ь

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1985

P2
A46

Второе издание

Рисунки Ю. Реброва

A $\frac{4803010102-070}{M101(03)85}$ 170—85

© Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1973 г. и 1985 г.

Глава первая

1

Тени прыгали по стене, скользили вниз, добираясь до самой кровати. Это от тополей, что в скверике перед общежитием. Вечерами, когда зажигался уличный фонарь и ветер шевелил голые деревья, в угловой комнате первого этажа начинали играть тени. Милые ночные зайчата. С ними можно поговорить и поплакать. Придет Лиза, включит свет, и их не станет. С Лизой не поговоришь — собой занята.

Но вдруг зайчата исчезли: неожиданно фонарь погас. Юлька, соскочив с кровати, подбежала к окну. Света не было во всем поселке. В синей бездонной мгле мерцали только точки семафоров: красные, зеленые...

Донесся грохот поезда. Луна высветила железнодорожную насыпь, корпуса депо, крыши домов, но вскоре в сиреневом лунном свете опять засверкали звезды — огни поселка: электростанция возобновила подачу тока.

Юлька глядела на эти звезды. Одни из них гасли, но загорались другие, и каждая такая звездочка — чей-то дом, чьи-то радости и счастье.

«Мамочка хотела, чтобы из нас вышли люди...» Юлька сунула руку в карман вязаной кофточки и стиснула письмо. Оно пришло еще в феврале, холодным вьюжным утром. Юлька хорошо помнит это утро, помнит радостные глаза Лизы: «Ну вот, Юлька, и дождалась... Приедет из армии твой братишка, и заживешь ты припеваючи».

Но пришел февраль, март, наступил апрель... Грише пора демобилизоваться, а он ни звука...

Тревожное предчувствие, давившее на нее все эти дни, вспыхнуло с новой силой. Юлька взобралась на подоконник и распахнула форточку.

Еще совсем девчонкой — ей не было и пятнадцати лет — провожала она брата в армию. На вокзале Юлька плакала, а брат сердился, но глаза его смотрели ласково и тревожно. «Вернусь, — успокаивал он. — А пока в общежитии поживешь — веселее будет».

Юлька почувствовала, как сильно дует из форточки. Она прыгнула с подоконника и легла на кровать.

«...Мамочка хотела, чтобы из нас вышли люди...» Милая мамочка, сухонькая, с большими испуганными глазами. Такою Юлька запомнила ее на всю жизнь. Когда была получена похоронная с фронта, она закутала их с Гришей потеплей и повела на вокзал. Душный, битком набитый вагон, бесконечные провода вдоль насыпи, снега и снега...

Однажды ранним утром — поезд стоял на полустанке — Юлька проснулась оттого, что за окном вагона какая-то женщина молодо спросила: «Куда едете?»

Сочный голос проводника, старого железнодорожника, неторопливо прозвучал: «К океану... к океану едем».

И столько было в этом голосе доброты, почти детской радости, что потом много дней и ночей Юлька слышала, как под дрожащим затоптанным полом вагона колеса выстукивали его голосом: «К оке-ану... к оке-ану».

И снова вокзал. Но уже не Брянск, а Владивосток... Скорбный взгляд бабушки, ее низенькая избушка. А мать по ночам кашляла все сильнее и звала отца... Вскоре она умерла.

— Что же мне с вами делать, сироты вы мои? Война... — Бабушка не плакала, а только чуть шевелила морщинистыми губами.

Тревожным мартовским вечером военного года на краю села Дмитровка у подъезда большого дома остановилась машина. Юльку с Гришей повели сначала на кухню и накормили борщом и гречневой кашей. Это были обыкновенные борщ да каша, но на всю жизнь Юлька запомнила их. И когда теперь захочется есть — вспоминается первый детдомовский борщ.

Долго не могла привыкнуть Юлька к детдому. На луг убегала — там трава высокая, никто не видит, — наплачется, наслушается кузнечиков и успокоится. Но однажды Вера

Андреевна, молоденькая воспитательница, нашла Юльку. Она обняла ее и, прижав к себе, тихо сказала: «Трудный ты у меня ребенок...» Потом они обе поплакали. И стали друзьями.

Когда Юльке исполнилось двенадцать лет, Гриша с бабушкой забрали ее из детского дома, и они снова зажили втроем. Гриша работал токарем на заводе. В свои восемнадцать лет он уже хорошо зарабатывал. Юлька училась в школе, увлекалась лыжами, гимнастикой, помогала бабушке по хозяйству. Но через два года бабушка умерла, Гришу забрали в армию.

Юлька должна была срочно решать, и она выбрала первое, что попало, — ремесленное училище.

Потом первая стычка с мастером Цыганковым, когда пришла работать в депо.

Прочитав Юлькино направление, он исподлобья оглядел ее щуплую фигурку.

— Ну какой из тебя токарь? Ты и болванку-то не поднимешь. Шла бы в пошивочную или в медсестры...

Юльке было неловко под колючим взглядом его острых глаз-буравчиков. Но ответила она дерзко:

— Я окончила ремесленное училище и направлена сюда с путевкой. Вы обязаны предоставить мне работу по специальности. А смогу ли я работать — время покажет.

— Ишь, — удивился Цыганков.

Он поставил ее на «семерку» — маленький, но вполне исправный станок. И вот уже второй год Юлька вытачивает болты и шпильки. А Цыганков по-прежнему не считает ее токарем.

— Зачем тебе, Гранина, инжекторный клапан? Деталь дорогая, запорешь — в брак пойдет. Милое дело — болты да шпильки, и нетяжелые — не надорвешься.

Наташа Березина, нормировщица, с которой подружилась Юлька, часто спорила с Цыганковым, но он только угрюмо усмехался: «Она же своими руками деталь как следует в станке не зажмет».

Наташина тетка — старая болезненная женщина — жалела Юльку, угощала чаем с печеньем и, пока Юлька пила, неслышно бродила по комнате, бормоча что-то свое.

...Снова донесся грохот поезда. И снова тишина. Потом где-то в глубине общежития глухо забренчала гитара:

Многое в жизни бывает,
Мир наш велик и широк...

Токарь-карусельщик Пашка Куракин... выпался после смены.

Но каждый из нас выбирает
Только одну из дорог...

Внезапно открылась дверь, и кто-то включил свет.

— Юлька! Спать в такую рань? — Обычно спокойная, Лиза на этот раз была какой-то взвинченной. — Поздравь меня, Юлька!

— С чем поздравить?..

Лиза протянула ей телеграмму.

«Выехал девятого пятнадцатым вагон пять билет тебе куплен Владимир...» — прочла Юлька и ничего не поняла. Владимир — это мичман, с которым Лиза познакомилась в прошлом году в санатории под Владивостоком. Но что значит «билет куплен»?

Юлька приподнялась и села на кровати.

— Не понимаешь? — Лиза помедлила. — Замуж выхожу.

Статная, рыжеволосая, с яркими, красиво очерченными губами, она была намного крупнее смуглой худенькой Юльки, казавшейся рядом с ней подростком.

«Как все странно, — подумала Юлька. — Гордая, недоступная Лиза могла вдруг так влюбиться».

— Тебе семнадцать, а мне уже двадцать два, — сказала Лиза. В ее больших карих глазах блеснули слезы. — Конечно, как-то вдруг... Но ведь окоротишь — не воротишь... — И тут же рассмеялась грустно и неловко: — В Ростове у него родные... А койку мою не разрешай никому занимать. Пока письма от меня не получишь. И доху тогда же вышлешь... Надеюсь на тебя, Юлька.

В общежитии по-прежнему бренчала гитара.

— Веселый парень Куракин... — Лиза помолчала, глядя перед собой, усмехнулась и стала собирать чемоданы.

Когда вышли из общежития, она остановилась у молодой яблоньки, тронула рукой тоненький ствол и несколько мгновений не отнимала руки, точно грела ладонь:

— Так и не дождалась, когда зацветет...

Курьерский Владивосток — Москва проходил в полночь. Оставалось полчаса.

К станции пошли узкой тропкой меж огородов, чтоб сократить путь. Отсюда было слышно, как там, в длинных высоких корпусах депо, протяжно ухали молоты и гулко лязгало железо.

— Прощайте! Не поминайте лихом! — помахала Лиза рукой и заторопилась.

Возле сортировочной горки поднялись на насыпь. Ветер раздувал полы Юлькиного пальто, косынка почти сползала с головы, но она ничего не замечала. «Неужели это и есть любовь? — думала Юлька. — Пять дней знакомства и полгода переписки... Разве можно узнать человека по письмам? Дружила-дружила с Пашкой Куракиным, а вернулась из санатория, даже работать в другую смену перешла. И Зинка Огнева тоже. Красивая, а в голове пусто, то и дело парней меняет. Сейчас с Андреем Малаховым... Парень видный, в армии отслужил, в институте учится. А она? Кукла раскрашенная...»

— Ты о чем думаешь? — прервала Юлькины мысли Лиза.

— О любви, которая с первого взгляда.

— А ты не смейся, я тоже не верила.

— Я бы ни за что не поехала с чужим черт знает куда, — помолчав, тихо сказала Юлька.

— Какой же он чужой? — отозвалась Лиза и резко добавила: — Не лезь ты мне в душу, не бреди. Все равно я уже решила...

— Восьмисотка! Восьмисотка!.. — раздался голос из ближнего репродуктора.

— С четвертой готовьте отправление! — откликнулся другой издалека.

Эти деловые голоса звучали в ночи над горкой, и была в них спокойная, уверенная властность. Ни загадочная «восьмисотка», ни таинственная «четверка» не могли ослушаться. Здесь, на горке, формировались поезда, которые пойдут во все концы страны.

Юлька остановилась. Остановилась и Лиза.

— Не забывай меня, Юлька, — тихо сказала она. — Пиши. А что я замуж вышла — пока никому.

— Ладно, — буркнула Юлька.

- ...Восьмисотка!.. Восьмисотка!
- С четвертой по второй маршрут готов!
- Я тоже готова,— сказала Лиза и вдруг разрыдалась.

3

На платформе станции было пустынно и холодно. Шелестел ветер, он дул с таежной стороны и был по-апрельски влажен. Под ногами похрустывал ледок.

Разговор не клеился. Юлька снова думала о брате, о Лизе, о том, как все в жизни сложно и запутанно.

Изредка, поскрипывая, не спеша двигались мимо автокары с грузом. Но вот суетливо зашмыгали носильщики в парусиновых фартуках с бляхами на груди. Захлопали двери вокзала, на перроне стал появляться народ...

Вагон номер пять остановился как раз напротив палисадника, и не нужно было бежать вдоль состава. Лиза почти со страхом вглядывалась в лица пассажиров. Наконец в освещенном тамбуре показался высокий стройный мичман. Он огляделся, увидел Лизу и, придерживая рукой фуражку, легко спрыгнул на платформу.

— Володя...— прошептала Лиза.

Моряк шагнул ей навстречу, притянул к себе... Лиза счастливо и растерянно припала к его груди...

Мичман взял чемодан из рук Юльки, даже не взглянув на нее. «Подумаешь, волк морской,— усмехнулась Юлька.— Пашка Куракин в сто раз лучше».

Лиза подбежала к ней, судорожно обняла:

— Юлька, милая, прощай!..

Дали отправление.

Когда за поворотом, мигнув красным огоньком, исчез последний вагон, Юлька застегнула на все пуговицы пальто, поправила косынку и, подгоняемая ветром, медленно побрела домой.

В общежитии стояла тишина. У столика сидя спала дежурная. В комнате валялись скомканные конверты, обрывки газет. Не снимая пальто, Юлька села, облокотившись на стол, и долго сидела не двигаясь. Потом вспомнила, что не ела с самого обеда. Она заглянула в тумбочку, но, кроме соли в блюде и пустой консервной банки, ничего не нашла. Пузатый будильник показывал час ночи. Может, на кухне девчата с ночной задержались?

Юлька пошла на второй этаж, на кухню, но там никого не оказалось. Только плита, чистая, побеленная, еще дышала теплом.

На обратном пути в полутемном коридоре Юлька обо что-то споткнулась. Нагнувшись, она пошарила рукой вдоль стены и обнаружила мешок с картошкой. Под ложечкой сосало. «Что, если немного взять?.. Отдам же...»

Она сходила в комнату за котелком, с трудом, помогая себе зубами, развязала туго затянутый мешок и положила в котелок несколько картофелин. И тут вспыхнул свет. У дверей своей комнаты стояла Зинка Огнева, табельщица депо. У нее было злое, заспанное лицо, на голове во все стороны торчали бигуди, ночная рубашка открывала шею и плечи.

— Ты что это здесь промышляешь среди ночи? — спросила она обомлевшую Юльку.

— А ты чего как привидение? — нашлась Юлька и нечаянно опрокинула ногой котелок. Картошка рассыпалась.

— Ворует помаленьку? — с издевкой спросила Зинка. — Да ты бери побольше... Не теряйся!

— Ты что?.. Ты что говоришь? — закричала Юлька, и от обиды и негодования у нее потемнело в глазах. — Ишь накрутила кудри, все парней увлекаешь?!

— За это я тебя проучу, гадина, — сказала Зинка.

Юлька почувствовала, как жесткие Зинкины пальцы вцепились ей в волосы. Юльке стало больно. Но она не отступила ни на шаг...

Они опомнились от дружного хохота. Из всех дверей выглядывали деповские. Внезапно мигнула вспышка магния, и Жорка Бармашов, редактор «Горячей промывки», торжественно произнес:

— Кадрик — блеск! «Ночной переполох...»

4

Всю ночь Юлька плакала, уснула только на рассвете и в цех пришла с опухшими глазами.

По-комариному гудела «семерка». Из-под резца, шипя, завитками ползла синяя стружка. Патрон, когда надо было вынуть очередной болт, упрямылся, с трудом отпуская кулачки.

«Черт сунул взять эту картошку», — невесело размышляла Юлька. Утром в умывальнике девчата шушукались и хихикали. В цехе, наверное, тоже все знали. «Не надо было мне про Андрея Малахова. — Юлька вздохнула. — А впрочем, все равно в депо все знают. Месяца нет, человек из армии, а она к нему, словно муха».

Юлька не успела остановить вовремя суппорт. Резец хрустнул, и победитовая пластинка, припаянная к стальному стержню, разлетелась на мелкие кусочки.

— Вот работничка бог послал, — раздался за ее спиной насмешливый голос Цыганкова. — Считай, больше года с тобой мучаюсь. — Черные злые глаза Цыганкова сверлили Юльку. — Хватит! За каждый сломанный резец теперь высчитывать буду, — добавил он и пошел дальше.

— Ну и высчитывайте! — крикнула ему вслед Юлька. — У меня зарплата большая, больше всех в цехе, есть из чего высчитывать!

Цыганков обернулся:

— Ни черта, без обеда полмесяца посидишь — научишься.

Юлька с ненавистью посмотрела на длинную, крепкую фигуру мастера, на его еще молодое, но какое-то безрадостное лицо под сплюсненной серой кепкой. Цыганков спокойно выдержал ее взгляд.

— Ты глазами не сверкай, — сказал он, прищурившись. — Мне план выполнять надо, а не с такими вот цацкаться!

Она хотела сказать ему прямо в глаза, что подло, несправедливо токарям высшего разряда Чекмареву, Куракину, тому же Малахову давать выгодную работу, а ей всегда подсовывать что попало, но мастер ушел.

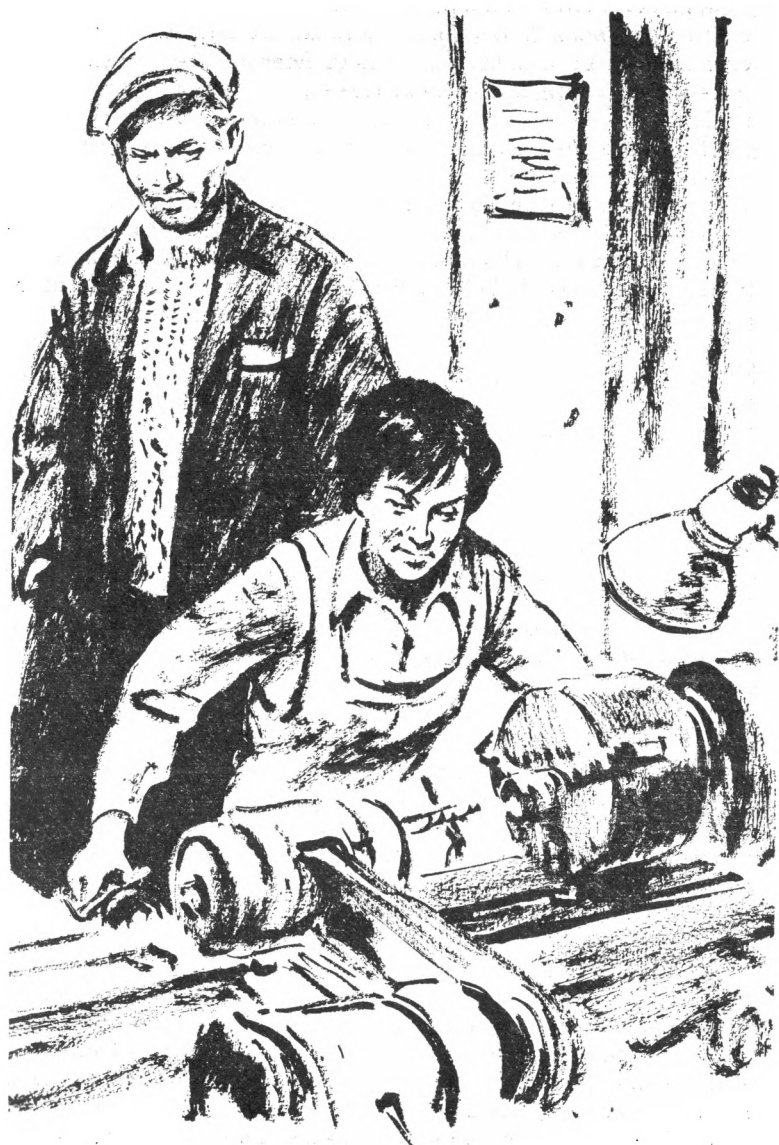
В обеденный перерыв у цеховых дверей, там, где Жорка на стенде вывешивал свою «Горячую промовку», столпился народ.

— Любителю картошки — наше с кисточкой! — дурашливо поклонился Юльке Пашка Куракин.

— Какой картошки?

Юлька протиснулась к стенду и на белом листе «колючки» увидела себя. На снимке она крепко вцепилась в бигуди Зинки Огневой. На полу — опрокинутый котелок и рассыпанная картошка. «Ночной переполох», — прочла Юлька яркую надпись.

— Из-за чего это они? — смеясь, спросили в толпе.

— Гранина знает, где взять,— раздался знакомый хрипловатый голос Гаврилы Чекмарева.

«Позор... Какой позор!» Горло вдруг сдавило, и дышать стало невыносимо трудно. Юлька рванулась, растолкала стоявших и побежала.

— Зря обидели человека,— раздался сочувственный возглас.

Кто-то крикнул:

— Гранина!

Но Юлька уже не видела и не слышала ничего...

Трудно сказать, сколько прошло времени, прежде чем Юлька осознала наконец, что она в общежитии, в своей комнате, что сидит на кровати и что в окно ярко светит апрельское солнце. О стекло билась ранняя муха.

«Ну почему мне так не везет? Все складывается против меня. И эта фотография! Позор! Но что делать? А если уехать? — И Юлька с радостью подумала еще раз: — Уехать. В Дмитровку, к Вере Андреевне, а там дальше видно будет».

Юлька всегда помнила слова Веры Андреевны: «Если тебе будет плохо, приезжай».

Она выдвинула из-под кровати небольшой фанерный чемодан и стала торопливо складывать в него свои вещи. В бабушкину шаль увязала цигейковую дошку, любимую подушку-думку и туфли, в которых бегала на танцы. Сунула на самое дно чемодана письмо Гриши, учебник алгебры за девятый класс. Среди вороха бумаг и газет в тумбочке ей попался старенький школьный альбом. Подумав, впихнула его поглубже в узел. «Наташе с дороги напишу»,— решила она.

Наконец все было готово. Надев пальто, повязавшись теплой косынкой, Юлька подхватила чемодан и узел, вышла из комнаты и, оглянувшись по сторонам, заперла дверь, стараясь не греметь ключом. Не задерживаясь, прошла по коридору, повесила ключ в деревянном ящичке над столом дежурной и направилась к выходу. Хотелось исчезнуть из этого дома так, чтобы никто не окликнул, никто не посочувствовал. Раз и навсегда.

Узенький тротуарчик часто прерывался грязными немоощенными въездами во дворы. Приходилось перепрыгивать через лужи, выбирать, где посуше. Чемодан оттягивал руку, узел чуть не волочился по земле.

Но сзади погрохатывал грузовичок. Юлька подняла руку. Машина остановилась.

— Куда тебе? — спросил ее шофер, молодой парень, высунувшись из кабины.

— На вокзал.

Парень подумал, оглядывая Юльку, и сказал:

— Ладно, садись.

Он открыл дверцу. Юлька закинула чемодан в кузов, а узел взяла с собой в кабину.

— Уезжаешь? — спросил парень.

— Во Владивосток, — коротко ответила Юлька.

— Что так?

— Учиться.

Больше он не спрашивал, вел машину, не отрывая глаз от дороги, и только когда Юлька завожилась, доставая деньги, презрительно усмехнулся. Юлька смутилась. У вокзала он помог ей достать чемодан.

Потом грузовик повернул в сторону Хасановки, а Юлька долго смотрела ему вслед.

Пронзительно свистнул приближавшийся паровоз. Волоча вещи, она миновала палисадник и очутилась на перроне. Вдоль платформы не спеша катился длинный товарный состав. На тормозную площадку предпоследнего вагона Юлька бросила узел, потом чемодан. Вскочила на подножку и только тут подумала: «Постой, а в какую сторону?» Но поезд шел правильно — к синим сопкам Хехцира, за которыми где-то далеко было ставшее ей родным село Дмитровка.

Паровоз прибавил ходу, обдало ветром, замелькали шпалы, закружились в хороводе поля, домики пригородных поселков, башенные краны, штабеля кирпичей... И снова, как в детстве, колеса застучали: «К о-ке-ану... к о-ке-ану...»

На полустанке в соседний вагон набились парни и девушки в телогрейках. Кто-то из ребят крикнул:

— Эй, чернявая, чего одна скучаешь?

Но Юлька не шевельнулась.

За полустанком был широкий, местами заснеженный луг, за лугом потянулся реденький лес, как в Дмитровке: там за лугом тоже начинался лес — реденький, тонкий. В апреле он был прозрачным и тихим. И Юлке казалось, что стволы берез и осинки легонько позванивают даже тогда, когда вовсе нет ветра.

Она любила лес и летом — шумный, зеленый, пахнущий

хвоей. Но такой вот реденький, накануне тепла, всегда был ей так дорог, что перехватывало горло. Наверно, у Юльки что-то общее было с ним.

Юлька вспомнила: давно, в Дмитровке, рисовала такой вот реденький лес. Потом она много рисовала. Вера Андреевна помогала ей. Но лес у нее так никогда и не получался.

Вера Андреевна... всегдашний спутник ребят в туристских походах. Никогда не забыть лета, проведенного в палатках, на берегу океана. Из Дмитровки они шли туда по таежной тропе. Устали, истомились. И как обрадовались, увидев бескрайнюю гладь воды! На скале, куда они поднялись, пекло солнце, раскаленный камень обжигал голые ступни, а внизу ласкала глаз зеленая равнина. «Здесь надо разводить виноград! — сказала тогда Юлька. — Вот там, в той долине!» — «А что, — подхватила Вера Андреевна, — вот вырастешь и приезжай сады разводить». — «И приеду, обязательно приеду», — ответила Юлька. Она представила себе, как однажды пройдет по их тропе усталый путник. Он взберется на раскаленные камни, и камни так же будут жечь ему ступни, но в долине он увидит виноградник.

А вышло совсем не так... Разводить виноград ей не удалось. Токаря из нее тоже не получилось...

Поезд остановился. Рабочие вышли из вагонов и с гамом, смехом, с шутками двинулись по дороге — вверх, к каменному карьеру.

Паровоз потащил состав назад. Юлька заметалась по тамбуру.

Она собралась прыгать. Это заметил старик стрелочник, стоявший у насыпи.

— Не смей! — крикнул он, грозя кулаком.

Но Юлька уже прыгнула. И напрасно, потому что поезд дальше не шел все равно. Об этом говорило и название остановки: «Карьер». Отсюда возили камень на стройки.

— Жить тебе, что ли, надоело? — напал на нее старик.

— Не сердитесь, дедушка, — примирительно заговорила Юлька, отряхиваясь. — Скажите лучше, сколько километров до ближайшей станции.

— А тебе куда?

— К океану.

— На Владивосток, значит. Да ты что, с вещичками... Туристка?

— Туристка,— безразлично ответила Юлька.

— Тогда вот по этой линии прямо,— показал он рукой.

Подхватив вещи, Юлька не спеша зашагала по шпалам. По обе стороны железнодорожного пути чернели обгорелые пни. В низинах местами лежал снег, а на кочках уже виднелась зеленая травка. Дальше, на сопках, начиналась тайга.

Шум поезда заставил ее сойти с полотна. Шел скорый Москва — Владивосток. В окнах вагонов замелькали лица. Кто-то махнул ей рукой. Удаляясь, поезд точно вытягивал рельсы в тонкие серебристые струны.

Хотелось пить. Она набрала веток, сложила их между кочек. Потом сунула туда пучок сухой травы, подожгла.

Проклюнулось маленькое пламя. Подымавшийся дым от костра походил на опенок: тоненькая ножка подпирала дымовое облако. Но ветер смял его, и Юльке снова стало грустно. Она достала альбом, перелистнула страницы:

Прошу альбом не пачкать,
Листов не вырывать...

За стихами шли рисунки. Все лес, лес... И до чего смешно выглядит ее лес, летний, зимний, весенний.

Дарю тебе собачку,
Прошу ее не бить...

«Фу, ерунда какая,— нахмурилась Юлька.— На что время тратила...» Она вырвала недописанную страницу, свернула ее конусообразным пакетиком, зачерпнула снегу и поднесла к огню. Однако напиться не удалось. «Растение — посредник между небом и землей»,— прочла она на пакетике. И вспомнила, что дальше должно быть так: «Оно истинный Прометей, похитивший огонь с неба...»

Юлька выбросила снег и развернула пакетик. «Поглощенный им луч солнца горит и в едва мерцающей лучине, и в ослепительной искре электричества...» Юлька осторожно расправила на коленях лист с уже подплывшими мокрыми буквами и снова прочтала: «Растение — посредник между небом и землей...» Пить расхотелось. Она посмотрела на костер, подхватила вещи и зашагала вдоль линии.

Глава вторая

1

— Девушка!..

Юльке показалось, что она ослышалась.

— Туристка, стой!

Юлька оглянулась: стрелочник с каменного карьера быстрым шагом догонял ее.

— Костры положено гасить,— окая, сказал старик и принялся сердито затапывать огонь.— Это тебе не город, а тайга!

— Я же снегом загасила...— попыталась оправдаться Юлька.

— Гасила, да не догасила! Кругом трава сухая, туда-сюда, а рядом линия. Хорошо — дымок заметил.

— Извините. Я пить хотела...

Старик поглядел на Юльку и, подхватив узел с чемоданом, решительно сказал:

— Пойдем. Чаем тебя напою. С лимонником. Пойдем, пойдем,— повторил он. И, не оглядываясь, пошел вдоль насыпи.

Юлька прошла с ним метров сто по линии. Потом они свернули направо к небольшому рубленому домику.

У калитки на Юльку кинулась лохматая с курым хвостом дворняжка.

— Казбек, назад! — сурово прикрикнул стрелочник и объяснил: — Не бойся, он не кусается.

В домике у старика все сияло: и крашенный светлой охрой пол, и беленые стены, и невысокий буфет с резной отделкой. И даже фотографии на стенах и те выглядели необычно: они были вделаны в тонкие овальные срезы берез.

— Раздевайся, проходи,— сказал старик.— Грешно со старым чайку не попить... И мне веселее будет. Ну, чего ты? Каллистратыч я, может, слыхала? Давно в этих местах работаю.

Юлька сняла пальто и косынку, прошла в комнату. «Теоретическая механика», «Сопромат»,— машинально прочла она, глядя на книжную полку.

— Внучек мой инженером хочет стать,— принялся объяснять Каллистратыч.— Когда в армию уходил, учебу в институте бросил, а вернулся, так третий курс одним махом.— Старик запнулся.— Эстерном... Сменится на рабо-

те, на мотоцикл — и ко мне. Тихо тут, сиди занимайся, а устал — ружьишко за плечо и айда в тайгу.

Разговаривая, он успел поставить на плиту чайник, сходить за перегородку и принести тарелку с ломтиками сала и холодным мясом, миску с солеными груздями, чашки, блюдца, бутыл с лимонником, березовый туесок с медом.

Скоро на плите зафыркал чайник. Старик уселся напротив Юльки и стал разливать по чашкам густой вишневого цвета сок лимонника. Потом подлил кипятку. Юлька отпила глоток.

— Что, может, медку добавить? — спросил старик. — Не стесняйся. — И он сам щедро положил ей меду. — Сальце ешь, буженину. Из дикого кабана готовлена. Андрюха подстрелил. — Старик прихлебнул из блюдца и спросил: — Зовут-то тебя как?

— Юлька... Гранина, — смущаясь под его пристальным взглядом, ответила Юлька.

— И чем ты, Юлька, занимаешься, кроме туризма?

Юлька назвала свою специальность. Старик довольно кивнул:

— Подходяще. Правда, не похожа ты на токаря, щуплая, хоть и под мальчишку острижена. А куда же ты следуешь, Юлька?

— Уволилась я.

— Уволилась?.. Почто?

Юлька пожала плечами и промолчала.

Старик больше не спрашивал.

За окном застрекотал мотоцикл.

— Андрюха, — обрадовался Каллистратыч.

В дом вошел высокий, лет двадцати трех парень, в коричневой куртке, с гладко зачесанными назад темными волосами. «Да это же Андрей Малахов, токарь-расточник, за которым Зинка бегаёт. Вот попалась!» — ахнула Юлька и торопливо встала из-за стола.

— Спасибо вам за привет, за угощение. Я пойду.

Андрей узнал ее.

— Вот, оказывается, где ты, у моего деда в гостях! Ну и наделала переполоху. Наташа Березина всех на ноги подняла. Жорку Бармашова ругает всюю. А «колючку» сняли.

— Сняли? — На глазах Юльки навернулись слезы. — Опозорили, а потом сняли.

— Не так все страшно, — улыбнулся Андрей, и от этой улыбки смуглое лицо его сделалось простым и приветливым.

— Ведь я же совсем не виновата, — сказала Юлька. Ей очень хотелось, чтобы Малахов поверил ей. Перескакивая с одного на другое, она принялась рассказывать.

Андрей не перебивал, и Юлька впервые за эти дни выговорила до конца. Она даже успела всплакнуть и, смешно швыряя носом, вспомнила и про сломанные резцы и про болты со шпильками. Худенькая, ожесточенная, с припухшими полудетскими губами, она сейчас выглядела моложе даже своих семнадцати.

— Вот она, история-то, — задумчиво протянул Каллистратыч, когда Юлька замолчала. — Не одна, стало быть, у тебя причина. Но ты, девка, духом не падай. Садись-ка на мотоцикл и с Андреем — обратно. Там сама разберешься!

Андрей разочарованно посмотрел в окно, но согласился:

— Что ж, можно, пока не стемнело.

2

Юлька впервые ехала на мотоцикле. От быстрой езды у нее захватывало дух, она крепко держалась за плечи Андрея, обтянутые кожаной курткой, и все время видела его руки. Без перчаток, сильные, загорелые, они удобно лежали на руле.

От встречного ветра у Юльки мерзли колени и лоб, она старалась спрятаться за спину Андрея, а он даже ни разу не отвернул от ветра лицо.

Быстрая езда, стремительно несущаяся навстречу дорога, и этот холод, и то, что она уже выговорила впервые и до конца, и то, что она наплакалась, — все это как-то отодвинуло Юлькину обиду.

В Хасановке возле углового дома Юлька попросила остановиться. Андрей, не сходя с мотоцикла, отвязал ее вещи от багажника, потом коротко тряхнул ей руку и уехал. Остался запах отработанной смеси, голубой дымок, который рассеялся у Юльки на глазах. Стрекот мотоцикла, удаляясь, растворялся в монотонном шуме поселка.

Юлька осталась одна. Ей нужно было пройти несколько шагов, открыть калитку, пересечь двор и постучать

в знакомую Наташину дверь. Сколько раз она легко делала это, а сейчас не могла: самое трудное — возвращаться вот так.

Она втайне надеялась, что Наташе Березиной что-нибудь понадобится во дворе, она выйдет, и их встреча произойдет сама собой.

Но Наташа не выходила, и Юлька приоткрыла калитку.

Потом помедлила, поправила косынку и постучала. Никто не отозвался. Юлька потянула на себя дверь.

Наташа сидела за кухонным столом, что-то писала.

— Здравствуй,— тихо сказала Юлька.

Наташа повернулась. У Юльки упало сердце: Наташа смотрела на нее не то чтобы строго, а всерьез, точно изучала ее. Юльке хотелось крикнуть: «Ну что же ты молчишь? Ты хочешь, чтобы я ушла? Да? Тебе надоело со мной возиться? Да?!»

— Здравствуй,— сказала Наташа. Она подошла к Юльке, молча отобрала у нее вещи.

Юлька брела за ней по вытертой ковровой дорожке в столовую и видела, как шевелятся голубые цветочки на Наташином халате. Из спальни за Юлькой следила исхудавшая тетя Маша.

Юлька остановилась. Ноги отказывались повиноваться. Она едва добралась до старенького с гудящими пружинами дивана, опустилась на него и закрыла лицо руками.

Кто-то тормозил ее, заставляя раздеваться, кто-то снимал с нее ботинки. И Юлька нелепо улыбалась, не открывая глаз, и сквозь забытие думала: «Наташка, это неправда, что я тебе надоела...»

Наташа сунула ей под голову прохладную подушку, сказала:

— Спи.

И Юлька уснула, глубоко, сразу, словно провалилась.

Когда она проснулась, в комнате горел свет. В кресле с высокой спинкой сидела тетя Маша. Она сказала:

— Спи, Юленька, спи...

Юлька спустила с дивана ноги.

Наташа спросила из кухни:

— Есть хочешь?

— Хочу,— ответила Юлька.

Они поужинали. Юлька окончательно успокоилась и повеселела.

— Ты понимаешь, Наташка, я шла, шла...

Но Наташа сказала:

— Потом. Ты все расскажешь потом. А сейчас собирайся. В клуб, на репетицию. Дорогой и поговорим. Если хочешь, конечно.

Конечно, Юльке хотелось. Она вспомнила, как шла по шпалам. «А ведь я же могла потерять ее. И у меня не было бы друга, Наташки».

Они долго шли молча по вечернему поселку. Наташа думала о чем-то своем. Юлька еще несколько минут назад готова была рассказать все, и ей казалось, что на это не хватит ночи, а тут вдруг оказалось, что рассказывать-то, собственно, нечего. Нечего совсем! От событий в общежитии, в цехе, от этого бесконечного дня остались только весенний прозрачный лес, ощущение быстрой езды, руки Андрея на руле мотоцикла, ожидание, что вот-вот он обернется (а он так и не обернулся), чувство одиночества на тротуаре перед Наташиным домом и пробуждение.

Юлька сказала:

— Все кончилось, Наташа. И никогда больше не повторится.

Наташа ответила не сразу:

— Я понимаю, Юлька. Ты хочешь, чтобы все началось по-другому. И это уже хорошо...— Потом она засмеялась и добавила: — А с Цыганковым тебе предстоит веселый разговорчик. От него-то ты не отвертишься.

3

Кружок деповской самодеятельности организовался месяц назад. Руководил им Миша Егоров, машинист маневрового паровоза. Местком намеревался пригласить специалиста из городского музучилища или из театра оперетты. Но на заседании вдруг кто-то вспомнил о Егорове. Парень несколько лет занимался в вечерней музыкальной школе по классу баяна. Потом, на четвертом курсе, у него что-то застопорилось, но по-прежнему вечерами можно было услышать в поселке его баян.

Миша играл здорово: его игру невозможно было спутать с игрой кого-нибудь другого из деповских. Знакомые, заигранные мелодии у него словно обретали неведомую до сих пор новизну.

Позвали самого Мишу. Он явился прямо с паровоза,

в комбинезоне. На чумазом лице. — только зубы блестят. Большой, неторопливый, он сразу занял собой маленькую комнатку месткома. Когда ему предложили кружок, он посмотрел поверх голов присутствующих, подумал, улыбнулся, сверкнув зубами, и согласился.

Еще ни одного концерта кружок не давал. И тот, на репетицию которого шли Наташа с Юлькой, должен быть первым...

Участники хора были уже выстроены в два ряда на освещенной сцене, и Миша, сидя впереди всех, что-то тихонечко наигрывал на баяне. В сером отлично сшитом костюме и белой рубашке с жестким воротничком он казался торжественным и подтянутым. Во всяком случае, Юльке непривычно было видеть Егорова таким.

Он поднялся со стула, подал Наташе руку и поставил ее в первый ряд с такими же, как она, тоненькими девчатами. А Юльку кто-то потянул за руку в темный зал. Это был Пашка Куракин. Усадив ее рядом с собой, он кивнул на сцену:

— Ничего поют...

После хора две молоденькие девчонки из промывочного довольно удачно спели частушки. Потом Наташа и хорошенькая пухленькая Симочка из бухгалтерии пели лирическую песенку. Голос у Наташи был мелодичный, хоть и не очень сильный. А у Симочки не выходило. Ее тоненький дрожащий голосок даже в первых рядах был едва слышен.

— Нет, не пойдет, — окончательно сказал Миша.

— А ну-ка, я попробую! — услышала Юлька знакомый голос. И не успела она моргнуть глазом, как на сцену поднялась Зинка Огнева в полосатом, спортивного покроя платье.

«Вырядилась», — брезгливо подумала Юлька, в упор разглядывая свою недавнюю обидчицу.

Миша заканчивал вступление. Наташа кивнула Зинке, и обе запели:

При долине куст калины,
В речке синяя вода...

Пели вроде ничего. Если закрыть глаза, чтобы не видеть их, можно слушать, но стоило увидеть Наташу и Зинку рядом, поющих одну песню, сразу начинало казаться, что и голос у Зинки другой, и поет она не так, как нужно бы петь

эту широкую и грустную песню. И Юлька не удивилась, когда Егоров вдруг оборвал их.

— Понимаете, Зиночка, не так,— с мягкой горечью сказал он.

Зинка с чуть заметным вызовом ответила:

— Я брала уроки вокала. И все говорили, что у меня сильный голос.

Егоров поморщился и вздохнул:

— Сильный, не спорю... И слух у вас, Зиночка, в наличии. А это песня с тайной, с надеждой... Понимаете? С такой робкой, несмелой надеждой... Что там дальше? Слова дальше какие?

Зинка молчала. И Миша, подождав немного, сам нараспев произнес слова песни.

— С первой строчки вы должны настроиться на то, что будет потом... Должны подготовить слушателя к этим словам, и он вам поверит... А вы, Зиночка, простите, вы ведете свою партию так, точно обязываете того, о ком поете... Понимаете?

— Нет,— отрезала Зинка.

Егоров снова вздохнул.

— Вы поете, Зиночка, простите меня, как-то самонадеянно, не для него, а для себя. Чутье...

Зинка не дала ему договорить.

— Чутье,— подхватила она,— развивается постепенно, так же, как память и все остальное...

Миша попросил:

— Давайте, Зиночка, еще раз.

— Не стану!

Егоров резко сдвинул баян.

— Попробуй ты, Юлька,— неожиданно предложила Наташа.— У тебя выйдет... Миша, мы с Юлькой попробуем...

— Что ж, попробуем,— безнадежно сказал Егоров.

— Тоже мне! — Зинка гневно и презрительно смерила Юльку взглядом с головы до ног.

Миша угрюмо молчал. Юлька, замирая от собственной смелости и злорадства, прошла через всю сцену, отодвинула Зинку плечом и встала рядом с Наташей.

— Начали,— качнул головой Миша.

Когда Юлька запела, он вдруг насторожился, чутко приподнял голову. Баян его зазвучал иначе. Песня захватила Юльку. Она забыла о своей досаде на Зинку, пела просто оттого, что пелось.

И было жалко, что песня кончилась.

Отставив баян, Егоров вежливо сказал:

— Ну вот, Зиночка, видите? Человек, можно сказать, музыкально не образованный и уроков вокала не берет...

— С твоей стороны, Егоров, это просто хамство!

Покрасневшая от злости Зинка выбежала за кулисы, сердито стуча каблучками.

Наташа, проводив ее ироническим взглядом, шепнула Юльке:

— Она поклялась, что лопнет, но завоюет Андрея Малахова...

Под конец репетиции на сцену вышел Куракин.

Весельчака и остролова Пашку Куракина любили в депо. Ему сходили с рук выходки, за которые другому бы досталось на орехи. Когда он молчал, он не производил особого впечатления. Лицо у Пашки было длинное, с крупным носом и большим ртом, с мрачными, неподвижными бровями. И только глаза, узкие, наивные, наперед выдавали его желание сказать что-то смешное, и жили они, казалось, своей особой мальчишечьей жизнью. И стоило Пашке заговорить или только приготовиться сказать что-нибудь, как он весь преобразался, глаза его, синие до черноты, светлели так, что казались голубыми, и уже невозможно было, глядя на него, не улыбнуться. В свободную минуту возле длинного, в неизменной кепочке набекрень, внешне невозмутимого Пашки собирались деповские, и то и дело на весь огромный сводчатый зал грохотал крепкий мужской смех.

Пашка прочитал две басни Михалкова.

— Ты, Пашка, талант,— сказал Миша.— Я мало что понимаю в декламации, но ты талант! У тебя природный юмор.

— Ну, за юмор не мешало бы выпить,— весело заключил Пашка.— Вчера зарплата была — раз! У меня талант — три! Буфет работает — восемь! А как вы, девочки? — обернулся он к Наташе и Юльке.

Те наотрез отказались. Пашка подмигнул Мише, они тихо поговорили и пошли за кулисы.

— Сейчас мы баян отнесем и вернемся! — крикнул Миша.

Юлька с Наташей вышли на улицу и неторопливо направились вдоль шоссе.

Было холодно. Навстречу из темноты изредка выплывали фары автомобилей.

У автобусной остановки ребята догнали их. Пашка, махнув рукой, вскочил в автобус и уехал, Егоров принялся уговаривать Наташу идти гулять, пытался обнять ее за плечи. К остановке подходил народ, на них стали обращать внимание.

— Чего это он? — встревоженно спросила Юлька.

— Пьяный, — ответила Наташа.

Юлька вдруг увидела, как губы Наташи задрожали, а в глазах заблестели слезы.

— Где это он успел? — возмутилась Юлька.

Только когда миновали перекресток, от которого шла дорога в депо, Наташа тихо сказала:

— Захочешь найти — найдешь...

4

Под ногами похрустывали льдинки. Небо остренькими звездами мерцало над головой. Юлька изредка поглядывала на Наташу, и от жалости и нежности у нее сжималось сердце. Досада на Мишу все более разгоралась.

— Подумаешь, музыкант! Ты такая, Наташка! Лучшего в сто раз найдешь!

Наташа грустно улыбнулась:

— Глупенькая ты, Юлька...

— Пусть, — страстно сказала Юлька. — Пусть я глупая, но я правду говорю!

Юлька умолкла, не в силах высказать всего, что сейчас обуревало ее.

— Понимаешь, Юлька, — после долгой паузы сказала Наташа, — я не знаю, что это такое...

«Что там — не знаю! Любовь, конечно», — подумала Юлька. К слову «любовь» она относилась еще так, как когда-то, давным-давно, когда прочитала на лестнице в детдоме: «Юлька + Федька = любовь».

Наташа, видно догадавшись, о чем думает Юлька, взяла ее под руку:

— В прошлом году я познакомилась с ним... До этого — Мишка и Мишка. Знакомый машинист. На баяне играет,

выпить не прочь. А потом... Знаешь, Юлька, потом был вечер... были танцы, и мы возвращались поздно, чушь какую-то пели... Прощаясь, Мишка сказал мне... тихо-тихо, необыкновенно сказал: «Неужели вам и вправду нравится эта ерунда?» Я долго помнила его слова. Потом уже догадалась — пошлую песенку мы пели. А ведь мне она нравилась! «Поверь, что ты один, любимый...» — вполголоса, начала она и сразу же оборвала. — Не могу... Как раньше я этого не замечала!

— И это все? — обрадовалась Юлька.

— Нет... — Наташа покачала головой. — Бывает так, что в одну минуту человек вдруг откроется тебе весь. И ты поймешь, что настоящий он не такой, каким часто бывает, а другой — и чистый, и светлый, и сильный. И он не прячет от тебя души. Играл он мне. Точнее не мне, а всем... Но я-то понимала — для меня играет. «Вьется ласточка сизокрылая под окном моим одишенька...» Вот что играл... А потом напился... как сейчас...

Наташа остановилась, обеими руками повернула Юльку к себе, и Юлька увидела в полумраке, как светятся ее глаза.

— Что мне делать, Юлька?

Еще минуту назад Юлька смогла бы ответить ей. А сейчас растерянно молчала... И вдруг заплакала.

— Ну вот... — Наташа обняла ее. — Эх, Юлька, Юлька, дуралей ты мой...

Уткнувшись в Наташино пальто, Юлька говорила:

— Наташка... Хочешь, я пойду к нему скажу... Хочешь?

Наташа поправила ей косынку, застегнула пуговицу на пальто и неожиданно спокойно сказала:

— Идем ночевать ко мне.

В дом они вошли тихо, чтобы не потревожить уснувшую тетю Машу. Наташа начала стелить — себе на диване, а Юльке на кровати, но вдруг предложила:

— Давай спать вместе... — И, думая о своем, сказала: — Помнишь, у Чехова: «В человеке должно быть все прекрасно...»

Юлька на цыпочках пошла по ковровой дорожке к выключателю... Она хотела выключить свет, да так и застыла с протянутой рукой. Из небольшого овального зеркала на стене на нее глядела худенькая девчонка в одной рубашке. У девчонки смуглое, обветренное лицо, блестящие,

дерзкие глаза, черные волосы всклокочены, а густые неровные брови лезут куда-то вверх. Юлька послунявила кончики пальцев, попыталась выправить брови, но они все равно лезли вверх.

«Насчет лица Чехов определенно загнул,— решила Юлька.— Не могут все люди быть красивыми»,— и, скорчив рожу, показала себе язык.

Глава третья

1

Утром первой проснулась Юлька.

— Ой, боюсь, Наташка, в цех идти...

— Бойся, бойся, дрожи, это тебе полезно.

— Резцов у меня нет, работать нечем,— ныла Юлька по дороге в депо.— Вчера два последних сломала. Цыганков акт напишет... Как ты думаешь, напишет или нет?

Они вошли в цех. Наташа ободряюще улыбнулась Юльке и свернула в конторку, которая располагалась в углу цеха за стеклянной перегородкой, а Юлька пошла прямо, к своему станку. Еще издали она заметила, что в патроне ее «семерки», поблескивая бронзой, торчит какая-то деталь. «Паровой клапан инжектора! — удивилась она, подойдя ближе.— Кто же это работает на моем станке?»

Впервые за многие месяцы работы в депо ее обожгло ревнивое чувство.

В цехе почти никого не было. Ночная смена уже разошлась, а дневная только начинала собираться. Но вот показалась коренастая фигура Гаврилы Чекмарева. Токарь шел, сгибаясь под тяжестью стальной болванки. Остановился, пригнул плечо — раздался глухой удар. «Из кузницы хапнул заготовку вала. Калымная работа»,— обозлилась Юлька и хотела было идти искать мастера, но Чекмарев остановил ее.

— Это клапан мой,— сказал он, по-медвежьи подойдя к «семерке», и хрипловато кашлянул.— Закончу — освобожу твою машину.

— Какое ты имеешь право занимать мой станок?! — возмущенно крикнула Юлька.

У него было осунувшееся лицо, покрасневшие угрюмые глаза. Юлька сообразила, что ночью Чекмарева вызвали

в цех для срочной работы. Ее «семерка» хорошо подходила для обточки инжекторных клапанов, и Чекмарев, воспользовавшись этим, стал делать еще и клапана.

Прищурясь, он смерил Юльку недружелюбным взглядом и нажал кнопку привода. У Юльки от обиды на глазах выступили слезы.

— Это что же творится? — звенящим голосом произнесла она, распахнув дверь цеховой конторки. — Одного станка ему мало, мой занял!.. Клапан точит, а мне болты и шпильки всю мою жизнь?!

Цыганков, сидевший над нарядами, даже не взглянул на Юльку.

— По Сеньке и шапка, — буркнул он.

— Можно повежливей, Сергей Иванович, — предостерегающе заметила Наташа.

Мастер поднял голову.

— А ты знай свое — нормируй, а в чужие дела не лезь!.. Я разрешил занять станок. На таких, как Чекмарев, все дело держится. А эта... — Цыганков презрительно покосился на Юльку, — резцы ломает, за станком не смотрит... Истерики закатывает. Болты и шпильки! «Колючка» кольнула! Ах-ах!.. А то, что паровозы на срочном ремонте стоят, ей наплевать, ушла, и все. Не допускаю тебя к работе, — решительно заявил он Юльке, — иди к начальнику депо, жалуйся!

Цыганков отвернулся и достал портсигар.

Оставалось одно — искать Быстрова. Юлька обошла кузницу, промывочный цех. Она увидела начальника в подъемочном. Сухощавый, в серой спецовке, он ходил вдоль стоявшего на путях паровоза и молотком на длинной рукоятке простукивал его экипажную часть.

— Товарищ Быстров, — начала Юлька, стараясь перекричать грохот, но в этот момент к начальнику депо подошел Бондаренко, бригадир подъемочного цеха.

Она подождала, пока тот уйдет, но тут Быстрова позвали к станку, где обтачивались бандажные колесные пары. Когда он освободился, Юлька, вцепившись в его рукав, успела сказать, что она Гранина, токарь, и ее послал мастер Цыганков. Но Быстрова срочно позвали к телефону. Вернулся он с главным инженером. Озабоченно посматривая вверх, на мостовой кран, они пошли вместе вдоль цеха.

Юлька уже потеряла надежду поговорить с ним, как вдруг он сам подошел к ней.

— Слушаю вас,— сказал Быстров, посмотрев на Юльку из-под густых темных бровей.— Зачем вас послал ко мне мастер Цыганков?..

Юлька удивилась. Ведь Быстров совсем не слушал ее, а в цехе стоял такой грохот, что Юлькин голос терялся в нем. И все-таки он расслышал и запомнил.

— Вчера после обеда... я ушла,— уже совсем тихо сказала Юлька.

— Я не совсем понимаю вас,— сказал Быстров, но тут его опять отвлекли: появился Бондаренко, и не один, а с Андреем Малаховым.

У Бондаренко в руках была втулка из ЦАМа, и он что-то горячо принялся объяснять Быстрову, поглядывая на Андрея.

— Вот что,— посоветовал Юльке начальник депо,— идите ко мне в кабинет, я сейчас туда приду.

Быстров явился не один. Вместе с ним, приглаживая пятерней жесткие волосы, вошел Цыганков.

Предложив Юльке сесть, Быстров выслушал до конца ее путаный рассказ.

— А за что тебя в «Горячую промывку»? — неожиданно спросил он.

— Да ни за что,— ответила Юлька, но тут вмешался Цыганков:

— Правильно поместили. А вы спросите ее, Николай Иванович, сколько она резцов ломает. Если, согласно вашему последнему приказу, высчитывать — ей получать было бы нечего!

— А ты поучи ее затачивать резцы, обращаться с ними...

— Кто ж этому учит,— искренне удивился мастер.— Смеалку надо иметь!

Начальник депо закурил и задумчиво посмотрел на Юльку:

— На техминимуме бываешь?

— Я в вечерней школе учусь — не успеваю.

Быстров помолчал, стряхивая с папиросы пепел. Потом сказал, чтобы она отправлялась в цех.

От начальника депо мастер вернулся злой.

— Эй, Гранина! — крикнул он.— Иди бери резцы.

— Мне не дадут их, пока вы акт о старых не подпишете...

— Подписал. Иди бери.

Юлька сходила за резцами и принялась было работать, как к ней снова подошел Цыганков.

— Вот ты жаловалась там... Болты да шпильки тебе дают.— И вдруг, прищурившись, он спросил: — Паровой питательный клапан инжектора берешься выточить?

Юлька растерялась.

— Чертеж у тебя на станке, по нему Чекмарев работал. Бери заготовку. Валяй точи.

Цыганков говорил спокойно, но Юлька понимала, что это значит. С виду простой, инжекторный клапан требовал особого внимания. И самое трудное — выдержать угол конусного поля.

Цыганков стоял, привалившись боком к станине «семерки», ждал. Длинный, с расстегнутым воротом рубашки под форменным промасленным кителем, он показался ей в эту минуту особенно неприятным.

— Хорошо, я попытаюсь,— неуверенно сказала Юлька.

Она вставила бронзовую болванку в патрон. Из-под резца рассыпным золотом посыпалась стружка. Бронзовые кусочки кололи руки, путались в волосах, но Юлька не замечала ничего. Под лучами утреннего солнца засиял обточенный ею бронзовый поясok. Теперь надо было сделать выточку, уменьшить с другого конца диаметр. Чистовым резцом довести все до нужных размеров. И только тогда уже браться за конус.

Время летело. Юлька отводила резец, включала и выключала скорости. Она сумела отсчитать положенное число градусов на поворотном лимбе, но резца, пригодного для отточки конуса, у нее не было, их обычно делали из простых резцов, по-иному затачивая грани.

Обратиться бы к кому-нибудь из ребят, но Цыганков мог вернуться, и Юлька решила сама заправить резец.

Грани получались бугристыми, режущая кромка истачивалась и, ломаясь, отлетала с наждачной пылью.

Возвращаться к станку с незаправленным резцом было стыдно: Цыганков ждал ее у «семерки».

Выручила Наташа. Она позвала мастера закрывать наряды.

«Молодец, Наташка...» — благодарно подумала Юлька и направилась к карусельному станку, где работал Куракин.

— Паша, милый, помоги,— протянула она ему резец, и в глазах ее была такая тревога, такая мольба, что Пашка, не сказав ни слова, пошел и заправил ей резец.

Юлька выточила конус клапана. Осталось только удалить с его поверхности последние сотые миллиметра.

Раза два она легонько прикоснулась к вращающемуся конусу бархатным напильником, но вдруг ее охватила робость, и она выключила станок.

— Ну, чего ты? — тихо спросил Куракин, подходя к ней. — Запорола?

— Нет... Боюсь я, Паша.

Куракин взял из Юлькиных рук напильник.

Через пять минут инжекторный клапан был готов. Сияющий золотом, весомый, он лежал на раскрытых ладонях Юльки.

2

До обеденного перерыва оставалось четверть часа. Юлька сгребла со станка стружку, вытерла руки и направилась за Наташей.

Из открытой двери конторки доносились громкие голоса.

— Я этот наряд не подпишу! На паровозе всего две крейцкопфных втулки, а ты Чекмареву три подписал! — с возмущением говорила Наташа.

— Только попробуй! Человека ночью подняли!.. Аварийная работа!.. Межпоездной ремонт! — кричал в ответ Цыганков. — Зря ты, Березина, гнешь козыря, надо сначала выяснить!

— Правильно, выяснить, — поддакнул Цыганкову Пашка Куракин. Он тоже был тут.

— Пойми ты, — продолжал мастер. — Чекмарев почти выточил вторую втулку, а там раковина. Брак металла при литье. Пришлось делать еще одну, и получилось три, а не две.

— Факт! — снова поддакнул Пашка. — Ты узнай, Наташа, где эту заготовку отливали, и пошли им туда письмо с претензией. Так, мол, и так, нахальство с вашей стороны брак выпускать.

Юлька обозлилась: «Вдвоем голову ей морочат». И шагнула в конторку.

— Пусть Чекмарев покажет дефектную втулку! — выпалила она.

— Ты что, с луны свалилась? — опешил Пашка.

— Откуда бы ни свалилась, а она права, — сказала Наташа. — Не мешало бы на третью втулку взглянуть.

— Пожалуйста, — пожал плечами Цыганков, — смот-

ри.— Он сидел за столом, нервно постукивая карандашиком.— Ищи ее, эту втулку. Я лично не намерен в ящиках с отходами рыться.

— Ничего, иногда это полезно,— заявила Наташа.

— Давай сейчас искать,— предложила Юлька.

— Давай! — согласилась Наташа.

Девчата съели в буфете по паре горячих пирожков, запили газированной водой и приступили к делу.

В цехе у окна стоял ящик с бронзовой стружкой.

Они притащили железный лист и опрокинули на него ящик. Стружка была мелкая, тяжелая. Втулки среди нее не было.

— Ну, девочки, как? — подошел к девчатам Пашка Куракин.

— Никак.

— Поразительно! — развел своими длинными руками Куракин.— Может, в общем ящике?

— Посмотрим и там,— упрямо ответила Наташа.

По лицу Пашки пробежала ухмылка.

Девчата вышли из депо и направились к небольшому сарайчику за котельной.

— Ой-ой, да тут же ее целая гора,— разочарованно протянула Юлька, увидев объемистый ящик, доверху наполненный цветной стружкой.

— Не беспокойся, всю перебирать не придется,— сказала Наташа.— Только свежую, ночную.

Но, изрядно повозившись, они так ничего и не нашли.

В сарайчик заглянула Зинка Огнева.

— Ну, как дела? — поинтересовалась она, осторожно ступая на порог остренькими каблучками.

— Не было втулки,— сказала Наташа.

— Факт, не было. Кому охота даром по ночам не спать? — Зинка пожала плечами.— И правильно. Я бы ни в жизнь не пошла, да еще в такую непогодь, как сегодня. А Чекмарев знаете где живет? За пустырем. Еще хорошо, что ему телефон провели. А то раньше за ним кого-нибудь из депо посылали.

— Что ты болтаешь! — перебила ее Наташа.

— Брось ты,— ответила Зинка.— Смотри проще. Помог Чекмарев государству в эту ночь? Помог. Втулки на паровозе в момент сменили. Паровоз на линии. И, значит, зря вы в сарае сидите. Весь цех над вами смеется.

Насчет того, что смеялся весь цех, Зинка явно

преувеличила. О «раскопках» знали всего несколько человек. Но Цыганков клокотал.

— Срамите?! — заорал он на всю конторку, увидев Юльку с Наташей. — Старатели!.. Много золота намыли?

— Не психуй, — спокойно ответила Наташа, усаживаясь за свой столик. — Третью втулку в наряде я зачеркну, и спор закончен.

— Нет, не закончен! — взвился Цыганков. — Ты ответь мне, Березина, чем я, мастер, могу поощрять таких рабочих, как Чекмарев?

— У тебя есть чем — фонд мастера, — ровно ответила Наташа. — Ты можешь давать отгулы за ночной вызов.

— «Отгулы, фонд мастера»!.. Человеку деньги за работу нужны, а не подачки...

— Ну что ж, требуй повышения расценок. А это очковтирательство.

— Затвердила! Побыла бы хоть день в моей шкуре... Все требуют. А я что, бобка — за все отвечать?.. Ну и вычеркивай, черт с тобой! Нас-садили вас тут!..

Цыганков сорвался с места и выскочил из конторки, хлопнув дверь.

3

Надо научиться затачивать резцы... Да, надо наконец научиться. Занятий в школе не было, Юлька сбегала в столовую и снова вернулась в цех.

В маленькой шестиметровой комнатке для заточки резцов стояло три наждачных станка. Юлька выбрала крайний справа. Сквозь прозрачное стекло предохранительного щитка было видно, как дрогнул круг, набирая обороты. Под ноги брызнули искры.

Резец, прижатый к наждачному кругу, задрожал, запрыгал в руке. Юлька изменила положение резца, но снова не получилось. Часа два билась над этим резцом и вконец загубила его.

— Почему ты здесь? — услышала Юлька и оглянулась. Сзади стоял Андрей Малахов. — Твоя смена давно ушла...

— Я учусь резцы заправлять, — смущенно призналась Юлька и выключила станок.

— Понятно.— Он посмотрел на нее.— А ну, давай-ка попробуем...

Он прикрыл ладонью маленькую Юлькину руку и, слегка сжав ее вместе с резцом, включил наждак.

— Видишь, так резец не прыгает.

Андрей стоял сзади, слегка прижимаясь твердой грудью к Юлькиному плечу.

— Смелей, смелей,— подбадривал он.— Не жалей резца, у меня есть запасные.

И Юлька вдруг почувствовала всю нелепость своего положения. Руки, которыми несколько минут назад она плохо ли, хорошо, но владела сама, стали беспомощными. Щеки ее пылали. И она не выдержала: в какое-то мгновение она резко повернулась и посмотрела в лицо Андрея. Он был значительно выше, и ей приходилось смотреть на него снизу. Она смотрела с требовательным отчаянием, почти с гневом, она близко видела его глаза — прищуренные от усталости, под темными бровями, видела его губы — сухие, какие бывают у человека, целый день простоявшего над горячим станком, увидела все его лицо — смуглое, с резкими морщинами от крыльев носа и у глаз (возможно, так падал свет!) и не увидела того, что боялась увидеть,— насмешки. Просто Андрей удивленно, чуть оторопело глядел на нее, точно хотел спросить: «Что это с тобой?..»

Юлька шумно вздохнула и снова обернулась к наждаку. Ничего в сущности не изменилось — Андрей стоял так же, и так же плотно продолжал держать ее руки, и так же она слышала его дыхание, но что-то сковывающее ее стало уходить. И она уже сама попыталась управлять резцом. Он почувствовал это, потому что сказал едва ли не сердито:

— Ты учись, пока учу. Я скажу, когда тебе самой... Следи. Видишь, я совсем тихо держу резец. Слушай руки мои, слушай.

Андрей отошел к своему станку, где у него растачивался цилиндр, и, возвратясь, внимательно наблюдал за всеми движениями Юльки.

Прошло часа полтора.

— Хватит,— сказала Юлька, вытирая со лба капельки пота.— Руки устали...— Выключив станок, она посмотрела на свои тонкие, темные от наждачной пыли пальцы.

— А у тебя они быстрые,— сказал Андрей.— Если в день по часу так — через месяц научишься.

Юлька спрятала руки за спину.

— Спасибо, Андрей,— тихо ответила она.

Оставаться после смены у Юльки вошло в привычку. Укрепив в патроне «семерки» стальную болванку, она тотчас отправлялась к наждачному кругу и принималась готовить резцы: проходные, отрезные, галтельные... Затем принималась обтачивать болванку. По едва уловимым признакам — гудению шпинделя, усилию, с каким приходилось поворачивать рукоятку суппорта,— она уже могла определять, как заточен резец. Если неправильно заточен, то быстро перегревался, тупился и ломал стружку. Приходилось выключать станок, опять идти к наждачному кругу.

Как-то Пашка с Жоркой, проходя мимо заточной, заметили там Юльку.

— Смотри-ка, наша малявка хочет взрослой рыбой стать,— сказал Пашка.

Подошли Зинка и Цыганков.

Цыганков иронически сказал что-то.

— Вы думаете, она из-за резцов остается? — вмешалась Зинка.

Юлька вспыхнула, но промолчала и только еще ниже склонилась к станку.

— Ну уж, с больной головы на здоровую,— вступился Жорка.— А кто Андрея в кино вчера приглашал?

— Ну и что ж, он ведь не отказался,— с легким вызовом ответила Зинка.

Жорка многозначительно переглянулся с Пашкой, Зинка усмехнулась:

— Ты, Куракин, опять сегодня только в обед бирку повесил! Запишу прогул, будешь знать!

— Зиночка! В последний раз,— приложил руку к сердцу Пашка.

Но Зинка уже не слушала его. Постукивая каблучками, она направилась в подъемочный цех.

— Вот цыпа-дрипа,— рассмеялся Пашка.— Своего добьется, оторви мне голову! — Он даже присвистнул, а Юлька подумала: «Неужели Андрею нравится она — эта нахальная, 'раскрашенная'?» Она не раз видела Зинку с Андреем в кино и на танцах. Тут же отмахнулась: «А... какое мне дело». В руках у нее был резец — черный, продолговатый, с неровными краями. Этим резцом Юльке

предстояло обработать завтра еще один клапан. Она нарочно отложила резец на вечер, чтобы остаться вот так, сама с собой.

Зажмурив глаза, она попыталась представить грани наточенного резца. Они должны быть ровными, очень ровными.

Гудящий круг, заключенный в железный кожух, вдруг показался ей смерчем. В одно мгновение он мог слизнуть с резца драгоценную пластинку победита, тогда как требовалось снять тончайшую пленку. Но теперь-то Юлька уже знала, как ей поступить...

...Когда она выключила токарный станок и, взявшись за готовую, еще теплую деталь, осмотрелась, то увидела, что в цехе она одна, совсем одна.

4

В девятом часу она вышла из ворот депо. На улице было темно. Эта вечерняя темнота была особенной — прозрачной и глубокой.

Щебенчатая дорога с редкими тополями по краям и нитями железнодорожных путей по левую сторону просматривались далеко вперед, до самого перекрестка, над которым красной каплей повис светофор.

Тут к ногам Юльки что-то упало и с легким хрустом разбилось о камни. Сосулька... Мокрая, не сумевшая удержаться под крышей. Юлька стряхнула с чулок ледяные крошки. Вот так неожиданно, внезапно, пока она убирала свою «семерку», мыла под краном руки, пока медленно брела по просторным цехам депо к выходу, пришла весна.

Только сейчас Юлька поняла, как она устала. Все тело заполняла тяжесть, в голове стоял шум станка. Она осознала, что вокруг тишина, только когда медленно пошла по дороге и услышала свои шаги.

Юлька не заметила, как оказалась на перекрестке. Влево и вправо от него разлеталось шоссе. Днем оно всегда забито машинами, а сейчас пустынно. Гладкий асфальт местами еще не просох от недавно выпавшего дождя и влажно блестел. Шоссе убегало к городу. Громадный, размахнувший огни на полгоризонта, он своим заревом словно приподымал небо.

На большой скорости прошел наполненный светом автобус с немногими пассажирами.

Юлька знала, что в городе шоссе растворится в десятках асфальтовых речек и ручейков, а дальше дороги нет, там Амур. Но ей так захотелось, чтобы шоссе никогда не обрывалось, что даже показалось, будто она видит его и над могучей рекой и дальше, летящим через степи и Забайкальские горы, о которых совсем недавно говорили на уроке географии.

Юлька оглянулась на Хасановку, мимо которой только что прошла. Среди огней слободки светилась квадратами окон школа. Ее, Юлькина, школа, где сейчас, наверное, шел уже третий урок. Она не собиралась сегодня идти туда — днем было столько работы, что даже на мысли о школе не хватило сил.

Конечно, Жора Бармашов прицепится, если узнает, что она пропустила еще пять уроков. На этот счет у него есть поручение секретаря комсомольского комитета Сени Лебедева. Да что Сеня Лебедев!..

После истории с фотографией Юлька старалась не замечать Жору Бармашова. Но вскоре все забылось: на простодушного Жору долго сердиться нельзя. Он был всего на год старше Юльки и учился в десятом классе. В неизменной вельветовой куртке с застежкой «молния», вечно взъерошенный, он был всегда чем-нибудь занят: выпускал «Горячую промывку», следил за доской Почета, подкрашивал бронзой рамки с фотографиями передовиков. Он не расставался с ФЭДом, и его прозвали Жоркой-корреспондентом.

Юлька немного постояла, раздумывая, и пошла обратно.

Освещенные окна школьного здания деловито и строго глядели в ночь. В окне нижнего этажа Юлька увидела Бондаренко. Бригадир ремонтников сидел ссутулившись над партой. Большой, с тугой бычьей шеей, с багровым лицом и седеющей щетиной на висках и подбородке, он всегда с трудом влезал на свое место. Сколько раз Юлька была на занятиях и все не могла привыкнуть к тому, что за школьными партами сидели взрослые люди...

Школьный коридор и каменная лестница на второй этаж осторожно и чутко повторили ее шаги. Она взглянула на школьные часы — заканчивался третий урок. Это должна быть алгебра... контрольная.

Юлька остановилась у двери, за которой слышался густой бас математика. Снова все стихло.

Без единой книжки и тетради, не имея с собой даже

карандаша, стояла она и ждала, когда кончится урок. Первый порыв, приведший ее сюда, схлынул, она начинала испытывать неловкость и беспокойство, и ее старенькое бобриковое пальтишко, казавшееся на улице даже чересчур легким, мешало ей. Мешали руки — сбитые, с затвердевшей на пальцах кожей, темные от металлической пыли, с обломанными ногтями. Всего лишь час назад этими руками она сделала самое трудное — заточила недоступный ей прежде резец. А еще раньше эти руки держал в своих твердых шершавых ладонях Андрей...

«Ну чего я сюда явилась?» — с горечью подумала Юлька.

Затарахтел звонок, начали открываться двери. Из класса вышел математик и, скользнув по Юльке рассеянным взглядом, прошел мимо.

Коридор стал заполняться людьми. В спецовках, пиджаках, в свитерах, в платьях, неторопливо и негромко стуча сапогами, каблуками туфель, они разбрелись по коридору. Со стороны лестницы потянуло табачным дымом.

Первым из девятого «А» вышел Пашка Куракин. Увидев Юльку, он хотел по привычке сказать ей что-нибудь озорное, морщинки уже собрались возле глаз — Пашка как бы прицеливался. Но Юлька виновато и нерешительно улыбнулась ему, и Пашка только спросил:

— Опоздала?

Юлька кивнула.

— Сейчас за мной в класс войдешь. Прикрою... давай свое пальто: за моей партой полежит.

Контрольная была не из легких. Бондаренко бродил по классу, понуро спрашивая:

— Нет, хлопцы, честно: ответ — два «а» квадрат корень из трех?

Ему отвечали со смехом, и он, махнув рукой, подошел к Пашке Куракину:

— У меня же другой вариант, Федотыч, — ответил Пашка.

— Верно, — пробормотал Бондаренко. — Дай тогда закурить.

Пашка молниеносно достал металлический портсигар и щелкнул крышкой.

— Это тебе не буксы навешивать, Федотыч, — сказал он бригадиру.

На работе зычный голос Бондаренко мог перекрыть

любой грохот в подъемке. А вот тут... Пашка, поглядев вслед уходявшему Бондаренко, сказал Юльке:

— Перед алгеброй все равны... Трудно старику, но он упрямый.

Куракин провел Юльку в класс, спрятал пальто, и, когда прозвенел звонок, ее запоздалое появление не вызвало пересудов.

Куракин нарочито серьезно сказал:

— Столики-скамеечки — детский сад! Замолви, староста, словечко за Федотыча, ему парту надо особую, с вырезом. Мучается человек, а тебе хоть бы что.

Бондаренко обернулся, несколько мгновений смотрел на Пашку и вдруг рассмеялся зычно и свободно, как смеялся в депо.

Глава четвертая

1

Сквозь серое кружево деревьев проступали дома. Сколько бы ни белили их стены, сколько бы ни красили железные крыши и штaketник вокруг сквера, все равно поселок носил на себе неистребимый отпечаток близости депо и железной дороги. Раз и навсегда, словно в кожу потомственного машиниста, въелась в него паровозная гарь. Она еле заметна, еле уловима, но она всюду. Утренний воздух припахивает горьковатым паровозным духом, и низкие облака, медленно ползущие над депо, над серыми крышами складов, над поселком, кажутся дымом, который паровозы ключьями оставляют на порыжевших сопках.

...Из переулков и калиток по одному, по два выходили деповские. Людскому потоку не хватало места на дороге, и он выплескивался за обочины, запруживал дощатые тротуары по обеим сторонам. Над поселком стоял шорох шагов, сквозь который изредка прорывались громкие восклицания, словно люди после ночи пробовали свои голоса.

Юлька знала, что это продлится считанные минуты: потом толпа начнет редеть, редеть, наконец иссякнет, и лишь изредка за окном прозвучит топоток девчонки, которая до рассвета просидела с парнем и теперь что есть духу летит к огромным, видимым издалека коричневым воротам депо.

Вместе с толпой Юлька дошла до высокой железнодорожной насыпи. Здесь людской поток разбивался на плотные ручьи. Одним надо в промывочный, другим — к недостроенному корпусу котельной, третьим — и с ними пошла Юлька — шагать прямо через бесчисленные, веером расходящиеся подъездные пути. Тут народу было больше всего: токари, кузнецы, слесари-ремонтники. Покачиваясь, глыбой двигался Бондаренко. На фоне темных замасленных телогреек мелькала яркая шапочка Наташи. Заложив за спину руки, шагал Пашка Куракин. Его очень хорошо видно, какой бы густой ни была толпа рабочих. Не только высокий рост делал заметной его голову в сдвинутой назад кепочке, не только то, что где бы он ни оказался, во все стороны от него брызгал смех. В куракинской фигуре — долговязой, с несколько сутулой спиной и опущенными плечами, в его манере ходить, пританцовывая и помахивая длинными сильными руками, было что-то, что делало его всегда заметным.

Догоняя Наташу, Юлька прибавила шаг. Ее заметил Андрей. На нем телогрейка, воротник рубашки не застегнут. Но, небрежно одетый, он все равно оставлял впечатление подтянутости, как солдат, которому лишь застегнуть воротник — и хоть в строй, хоть в отпуск.

На пути — лужа в пятнах мазута. Юлька не успела глазами моргнуть, как сильные руки парней подхватили ее и перенесли на другую сторону.

— Да ну вас! — краснея, отмахнулась Юлька.

Теперь она оказалась впереди Андрея.

2

Уже гудел, набирая обороты, мощный поршневой Андрей Малахова. Охнул и завыл карусельный Пашки Куракина. Зажужжал ДИП-200 Жоры Бармашова, заскрежетал строгальный станочек «шепинг». Еще в двух-трех местах зажглись лампочки над станками. Юлька подошла к своей «семерке», достала из тумбочки инжекторный клапан и остановилась в нерешительности. С самого утра, с той минуты, как она проснулась, ее не покидало смутное беспокойство. Оно росло, чем ближе подходила Юлька к депо. Страшно было подумать, что вот возьмет она в руки резец, и окажется — все вчерашнее исчезло, словно ничего

и не было. Словно это чудесное утро, поток рабочих депо, частицей которого она себя чувствовала, лужа, через которую ее перенесли ребята, улыбка Андрея, молчание Наташи — все досталось ей незаконно, по ошибке. Никто-никто, даже Наташа, не сможет тогда ее защитить. Нельзя ведь защитить человека от него самого!

Цыганков, принимая инжекторный клапан, придирчиво осмотрел его, сделал замеры и, исподлобья взглянув на Юльку, сказал:

— Отнесешь к Бондаренко в подъемку. И вот тебе новый наряд...

На этот раз Юльке достались фигурные валики.

Юлька отнесла клапан, на обратном пути в кузнице получила поковки. Красноватые от окалины, они были еще теплые, когда Юлька грузила их на электрокар.

Возвратившись к своему станку, Юлька невольно улыбнулась. Со станины «семерки» на нее глядел кем-то нарисованный мелом смешной человечек. Ни шеи у него, ни живота. Прямо из круглой головы с выпуклыми глазами и улыбающимся ртом-щелочкой в разные стороны торчали руки и ноги. Человечек бодро шагал по крутой дорожке, и его голова была похожа на солнце, а на самой макушке лучами торчали четыре волосины.

Юлька не стала стирать рисунок. Все еще не доверяя себе, она сходилa в заточную, заправила резец и только тогда приступила к работе. В движениях своих она проявляла ту же точность и осторожность, что и вчера.

С изумлением и радостью смотрела она на вращавшуюся деталь. Твердейшая сталь марки 5 вдруг сделалась податливой, как воск. Стружка синеватыми пружинками скатывалась в железный противень под станией. Юлька увеличила обороты. Стружка покорно потекла журчащим ручейком.

Первый валик она сделала за сорок минут и, снимая его со станка, подмигнула меловому человечку. Ей стало весело, и она пальцем стерла у человечка одну волосину. После четвертого валика человечек стал совсем лысым, и Юлька пожалела его. Отыскав кусочек мела, она снова пририсовала ему четыре волосины.

— Нравится? — издали спросил Юльку Пашка Куракин.

— А где у него живот?

— Это человек будущего! Он будет питаться таблетками. Все соки прямо к мышцам и в мозг. Ведь совершенствованию предела нет! Так или не так?

— Иди, иди,— прогнала Пашку Юлька.

«Веселый парень Куракин»,— вспомнила она слова Лизы.

3

К вечеру Первомая в общежитии готовились как никогда. В кухне у единственного стола, на котором можно было гладить платья, толклись полуодетые, не причесанные еще девчата, пестрело от штапельных, крепжоржетовых, шелковых платьев, юбок и кофточек.

Взгляды всех прикованы к голубому с блестками Зинкиному платью.

— Ох, Зинка... Все парни — твои,— раздавались возгласы.

Зинка, не отвечая, осторожно водила утюгом, и все внимание ее было сосредоточено только на платье.

У Юльки тоже новое платье. Еще вчера она принесла его из мастерской и раскинула на столе. Оно было такое же пышное, как у Зинки, но не голубое, а белое. До концерта оставалось еще уйма времени, но Юлька не убирала платье в шкаф.

Она отправилась в душевую. Как и на кухне, там было много народу. Тогда она вернулась к себе в комнату, налила в таз теплой воды, помыла лицо и плечи и радовалась, ощущая тонкость своих рук и упругость кожи.

Солнце, по-апрельски блескущее, лилось в два окна, и впервые за зиму прогрело крашеный пол. Даже Лизина кровать сегодня не казалась такой сиротливой.

Умытая, чувствуя на шее холодок от влажных волос, Юлька в трусиках и лифчике постояла над платьем, достала из коробки в шкафу туфли, осторожно поставила их рядом с платьем на стол. Эти туфли прислал Гриша в прошлом году, когда Юльке исполнилось шестнадцать лет. «Приятно сознавать себя старшим братом такой взрослой дамы, как ты,— писал он.— Вся наша рота завидует мне. Я решил подарить тебе туфли на тоненьком стальном каблучке. К нам приезжали девчата — шефы, на одной я видел такие же. Но

я не знал, где их купить: на шестьдесят верст вокруг — два ГУМа: наша военоторговская палатка и магазинчик сельпо. И вдруг привезли!...» Туфли молочно-белые, с теплым отливом. Совсем новые, без единой царапины, стояли они на столе.

Юлька долго надевала чулки. Они плотно охватили ее длинные ноги. Она осторожно сделала несколько шагов по согретому солнцем полу. В общежитии становилось тише. Мимо Юлькиных окон стайками пробегали девочки. Она не могла больше ждать. Если Наташа, как они договорились, не зайдет за ней, Юлька сама пойдет ей навстречу. Она дотронулась кончиками пальцев до платья и, зажмурясь, надела его.

Потом надела туфли. Каблочки осторожно и отчетливо цокнули. Юлька шагнула, и снова цокнули под ней каблочки. А когда обернулась, в дверях, прислонясь спиной к косяку, пряча руки в карманчиках бежевого плаща, стояла Наташа.

Юлька хотела сказать: «Смотри, Наташа, у меня еще никогда не было такого платья. И я никогда, никогда не чувствовала себя так, как сейчас... Мне страшно...» Но что-то мешало ей произнести это вслух. Она молча глядела на подругу большими, расширенными глазами.

— Юлька, здравствуй.

— Ты давно здесь? — спросила Юлька.

— Я только что вошла...

Юлька помолчала и нерешительно спросила:

— Ну как?

— Все очень здорово, Юлька.

— Ты находишь?

— Да.— Наташа не отходила от двери и не меняла позы.— Не хватает сущего пустяка.

— Я знаю,— торопливо и неловко проговорила Юлька, заслонив рукой открытую грудь.— Очень большой вырез. Но я стяну тут ниточкой...

— Что ты...— Наташа покачала головой.— Я о другом. Торопись, Золушка. А то карета снова станет обыкновенной тыквой...

Юлька несколько мгновений вглядывалась в бледное лицо подруги, не понимая, о чем та говорит. Потом рассмеялась и подхватила шутку:

— А какой масти кони в упряжке?

— Лошади под цвет платья. И у них золоченые копыта.

Они вышли на улицу. Солнце плавилось в лужах. Над дощатыми тротуарами поднимался парок.

Наташа погрустнела. Юлька уловила перемену в настроении подруги.

— Ты боишься, что я плохо спою? — спросила она.

— Нет, этого я не боюсь, — сказала Наташа.

— Тогда что же?.. Думаешь, он может подвести?

Наташа, закусив нижнюю губу, молча кивнула. Юлька вспыхнула:

— Пусть попробует! Пусть только попробует!

Все эти дни Егоров приходил на репетицию с опозданием и под хмельком. «Бутылочку пива только!» — оправдывался он. А однажды опоздал на целый час. Все разошлись. Юлька с Наташей встретили его уже в подъезде. Егоров был навеселе. Пальто распахнуто, галстук набок, черная фетровая шляпа сбита на затылок.

Наташа не удержалась от резкого замечания. У них началась ссора, и Юлька вмешалась в нее.

— Ты еще пожалеешь об этом! — крикнула она, схватив Мишу за лацканы пиджака.

Егоров с силой отбросил ее руки.

— Что ты понимаешь, малявка! — Потом он попытался исправить положение. — Ну чего ты дуешься, Наташка?

— Отстань! Видеть тебя не хочу, — четко произнесла Наташа.

Егоров нахмурился и, не прощаясь, ушел.

— Подумаешь, — сказала тогда Юлька.

Наташа промолчала, но Юлька видела, как она украдкой вытирала слезы.

— Юлька, я сама не знаю, что происходит — и с ним и со мной. Все это не так просто. Я не знаю, что делать...

Наташа говорила тихо, глядя себе под ноги. Она точно хотела рассказать Юльке все, о чем думала в эти дни и ночи, что тревожило ее постоянно, но не решалась.

— Знаешь, Юлька... — сказала Наташа. — Представь, тебе страшно хочется пить. Ну вот, кажется, минута еще — и умрешь. Ты находишь воду, наклоняешься к ней зачерпнуть... А она, капля за каплей, вся протекает сквозь пальцы. И невозможно задержать ее и нечем.

— Это тебе-то нечем задержать, Наташка, тебе?! — изумленная Юлька остановилась.

— Милый ты мой, дурачок... — улыбнулась Наташа.

— Нет, постой,— наступала Юлька.— Я все поняла. Ты вправду считаешь, что тебе нечем его удержать?

Наташа не ответила.

— Да если бы во мне хоть вот столько было твоего — весь мир лежал бы у моих ног!

Юлька таким широким и уверенным жестом показала, как лег бы к ее ногам этот мир, что Наташа через силу засмеялась:

— Юлька, ты сумасшедшая.

— Ничуть. Я никогда так ясно не соображала, как сейчас.— Юлька ни на минуту не могла допустить, чтоб у Наташи было грустно на душе.

Она нагнулась, подняла с тротуара щепочку. Неподалеку, возле столба с фонарем, была небольшая песчаная площадка. Юлька потащила туда недоумевающую Наташу, не выпуская ее руки, присела и с маху нарисовала на песке такого же человечка, какого начертил на станине ее «семерки» Пашка Куракин.

— Вот,— убежденно сказала она.— Этот парень будет весь концерт торчать здесь, и он сделает так, чтобы все было хорошо. Я приказываю ему это сделать!

4

В клубе Егорова не было. Юлька побывала в гримировочной, в репетиционной, заглянула даже в кабинет директора. До начала концерта оставались считанные минуты.

— Ну где твой Егоров, Наташка? — спрашивал то и дело Куракин, сердито вышагивая по сцене. Черный галстук-бабочка на его белой манишке съехал набок.

Наташа стояла, прислонясь спиной к стене.

— Не знаю, Паша, ничего не знаю.

Куракин пожал плечами и отошел.

Участники хора — девчата в белых платьях и ребята в черных костюмах — уныло бродили по сцене.

— Может, без дирижера споете? — спросил Куракин.

— С ума сошел, пой сам!

— Да не орите вы! — простонал Пашка, хватаясь за голову.— Зачем я влип в это дело!

А в зале, за тяжелым плюшевым занавесом, слышался говор, скрип стульев, смех. Нетерпеливые зрители лезли за

кулисы. Пашке пришлось поставить двух здоровенных парней у входа. Они уже загримировались, прицепили себе седые бороды. Так и стояли бородатые на страже, бесцеремонно выталкивая чересчур любопытных. Только живые с блеском глаза и сильные руки выдавали их возраст.

Паника на сцене разрасталась. Появился наконец Сеня Лебедев.

— Это безобразие! На комитет всех вытянем! — сурово пообещал он.

Шум в зале походил уже на грозный морской прибор.

Юлька тихонько раздвинула занавес. Все ряды были заполнены. Зрители толпились в проходах и у дверей. Сердце у нее похолодело: во втором ряду посередине сидели Цыганков и Чекмарев. А чуть в сторонке от них — Андрей.

Сзади что-то загрохотало, загремело — это оборвались и упали установленные уже декорации. Заклубилась пыль. Все бросились поднимать и заново приколачивать задник. Торопливо застучали молотки.

Послышался пронзительный звонок.

— Какой идиот это сигналил! — завопил Пашка.

А в зале хлопали все настойчивей. Вот уже затопали, засвистели.

— Будем начинать! — Пашка махнул рукой. — Первым номером — девушка-каучук, вторым — русская пляска, третьим — вы с Юлькой, — повернулся он к Наташе. — Занавес!

Занавес нерешительно дрогнул и, зашелестев, раздвинулся.

Пашка вынул расческу, зачесал светлый чуб, поправил галстук и вышел на середину сцены. Поздравив всех с Первомайским праздником, он сообщил, что программа концерта сегодня пойдет задом наперед.

— Это как же? — удивился кто-то в зале.

— Примерно так, как наш Егоров заводит на промывку маневровый паровоз. Почему мы должны все делать по стандарту? — с самым серьезным видом продолжал Куракин. — На всех концертах обычно сперва выступает хор, а потом идут сольные номера. Мы решили сделать наоборот. И почему это артисты обязательно должны петь под музыку? Музыка заглушает голос. Наши солисты сегодня поют без музыки... Вон во втором ряду сидит Василь Федотыч Бондаренко... Все вы его знаете. Вы думаете,

завтра за праздничным столом он будет «Рябину» петь под музыку? Да и все вы дома без музыки поете и правильно делаете!

— А вот ты завтра как — сначала выпьешь, потом закусишь или наоборот? — громко спросил из зала тот же шумливый парень.

— Сначала закушу, а потом выпью, — нашелся Пашка, — и тебе советую.

Зал одобрительно загудел.

— А сейчас начнем наш праздничный концерт!

— Что он делает, какую чушь городит? — услышала Юлька позади себя свистящий шепот Сени Лебедева. — В зале второй секретарь горкома комсомола, еще целый ряд ответственных товарищей...

А на сцене уже свернулась кольцом девушка-каучук. Концерт начался.

Удачно выступила танцевальная группа. Когда дали занавес, Пашка подбежал к Наташе с Юлькой.

— Ваш номер! — крикнул он. — Приготовьтесь! Я пошел объявлять.

— Без баяна? — оторопела Юлька.

— Попробуем... Ты только не забегай вперед, — шепотом ответила Наташа.

Юлька одернула платье и вдруг увидела, что ниточка, которой она стягивала воротник, распустилась и вырез на груди опять разошелся.

Замирая от страха, она вслед за Наташей вступила на освещенную сцену. Свет ослепил ее. Юлька стыдливо прикрыла руками вырез на груди и окончательно растерялась.

— Опустит руки, — услышала она Наташин шепот. — Начинаем.

Наташа тихонько, будто для себя, взяла ноту. Юлька хотела запеть и... не смогла... Она с ужасом глядела в многолюдный, зловеще притихший зал. Она уже хотела бежать, но тут Наташа запела:

Там, где рельсы сбегаются синие,
Где над стрелкой горит огонек...

«Это же я должна петь!» Юлька вцепилась рукой в Наташино платье и с отчаянной решимостью подхватила припев:

Если девушки, если девушки
Позабыли про наших ребят,
Это стрелочник, это стрелочник,
Новый стрелочник виноват.

Потом снова запевала Наташа, а Юлька подхватывала припев. Им аплодировали. Кто-то крикнул «бис». Андрей бросил на сцену букет подснежников. Юлька подняла букет и вдруг увидела, что рядом с Андреем садится Зинка. Сказав что-то Андрею, она не мигая уставилась на Юльку. «Смотри, смотри, может, чего и высмотришь», — почти весело подумала Юлька.

Пашка, подмигнув девочкам, объявил следующий номер. Юлька запела:

При долине куст калины,
В речке синяя вода.

Переполненный зал уже не пугал ее.
Наташа вторила:

Уезжает мой любимый,
Остаюсь я одна...

Юлька пела и видела эту воду, до самого дна пронизанную голубым светом, и в ней колебалось ее собственное, Юлькино, отражение. Зал, скрытый светом рамп, точно исчез, и в мире, огромном до необъятности, оставалась только песня.

Но в тот момент, когда последняя ее нота еще звенела где-то в бездонной вышине, на сцену ввалился Мишка Егоров. Он еле держался на ногах. Взлохмаченные волосы его торчали из-под фетровой шляпы, костюм был измят.

— Привет, девочки! — пробасил он, помахивая шляпой. — Вот я вас и наш-шел!..

В зале раздались смешки.

— Занавес! — закричал Пашка.

Занавес, как назло, заело. Наташа с Юлькой пристыли к месту. Пашка потянул Егорова за рукав со сцены, но тот продолжал свое:

— Я л-люблю тебя, Наташка! Вот т-такую, курносую, с веснушками! Л-люблю!

— Бис! Повторить! — крикнула со своего места Зинка.

Из-за кулис выскочили седобородые парни и подхватили Егорова под руки.

Никогда еще зрители железнодорожного клуба так не смеялись, как в этот вечер...

Егоров, видно, пробирался в клуб по оврагам, не разбирая дороги, локти его светлого пиджака и брюки были в глине и в репьях.

Юлька, с ненавистью взглянув на Егорова, вдруг увидела его сухие, горящие глаза. Она перевела взгляд на Наташу, та тоже, не отрываясь, смотрела на него.

Куракин, засунув руку чуть не по локоть в карманы, вышагивал вокруг них.

— Морду тебе за это надо набить, служитель искусства! Дерьмо ты, а не служитель! — Пашка с досады плюнул, хотел увести Егорова домой.

Но тот тяжело отстранил его рукой:

— Уйди с глаз!

К нему подошла Наташа. Губы ее слегка дрожали.

— Пойдем, — мягко сказала она. — Возьми себя в руки, и пойдем.

Миша с трудом поднялся, и они ушли.

— Чтобы я еще когда-нибудь согласился... оторвите мне голову! — горестно вздохнул Пашка. — А Мишка-то, Мишка! — вдруг расхохотался он. — Привет, говорит, девочки! Ничего себе привет, шесть на восемь!.. Пойдем взглянем, как они там передвигаются, — вдруг предложил он Юльке.

Вышли через черный ход. Проходя мимо фонаря, Пашка увидел на песке нарисованного Юлькой человечка.

— Знакомый портрет, — присвистнул он. Остановился. Поднял прутик и подрисовал человечку хвост — длинную извилистую линию.

Начал накрапывать дождь.

— Слушай, Юлька, иди-ка ты в клуб, — предложил Пашка. — Я один прослежу, как они дойдут.

5

Юлька вернулась в гримировочную. Артисты торопливо переодевались и один за другим исчезали в фойе, где приглушенно звучал вальс.

Придерживая рукой накинутае на плечи пальто, Юлька вышла на сцену. Но странно: тогда заполненный, грозный

в своем нетерпении зал не имел границ и простирался, казалось, до самого Амура и в обе стороны, насколько хватало Юлькиного мужества представить себе. А сейчас он опять обрел свои размеры, и в его темной глубине Юлька видела самые обыкновенные стены.

Она попробовала запеть, но голос не летел, не рвался ввысь, он словно сделался много слабее.

Юлька по ступенькам спустилась в зал и пошла на луч света, проникавший сквозь неплотно прикрытую дверь. У самой двери на спинку стула она положила пальто.

В просторном фойе, подхваченные потоком вальса, кружились пары. Юлька, держа в сжатом кулачке уже поникший букетик, медленно шла вдоль стены и чувствовала на себе взгляды девчат и парней. Она не оглядывалась, только щурилась навстречу свету.

На лестнице, ведущей вниз, в курилку, Юлька столкнулась с Цыганковым. Торжественный, в темном бостоновом пиджаке и в желтой рубашке с голубым галстуком, он посмотрел на Юльку тем же изучающим взглядом, что и в цехе, и сказал:

— Ничего. Можешь, девочка. Вот это твое дело и есть. А токарь ты все-таки хреновый. Металл — мужское дело, не девичье. Это я тебе говорю.

Юлька не обиделась. Она внимательно оглядела его всего, неуклюжего в своей торжественности, с впалыми щеками, и вдруг, усмехнувшись, подумала: «Вот почему ты не снимаешь в цехе кепку. Лысеешь, Цыганков!..»

Вальс кончился, наступила заполненная шумом и говором пауза. В фойе появился Куракин. С его плаща стекала на паркет вода. Он постоял, точно кого-то отыскивая, и вдруг крикнул громко и радостно:

— Гроза!.. Товарищи, на улице гроза!

В этот момент грянул гром. Все на мгновение примолкли, потом поняли и, увлекая за собой Юльку, хлынули к дверям.

Над Амуром, над поселком, над городом развернулась во всем блеске первая майская гроза. Молния вспыхивала почти непрерывно. Гремел, раскатывался гром. Целыми потоками на пылающие голубым пламенем железные крыши, дорогу, тротуары рушился дождь, плотный и прозрачный. Когда гасла молния, он сам светился голубым. Хотелось закрыть глаза и подставить ему лицо, плечи, руки, все тело.

Те, кому хватило места под бетонным козырьком

клубного подъезда, замерли: двумя ступенями ниже kloкo-тал и кипел поток. Водяная пыль оседала на лица.

Юлька нараспев прочитала:

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром...

И вдруг услышала голос Андрея:

— Черт возьми, и верно гроза, да еще какая!

Зинка Огнева — Юлька даже не предполагала, что она находится здесь, — с едва заметным раздражением произнесла:

— Сколько их будет еще, этих дождей! Идем, Андрей, я хочу танцевать...

Андрей подставил ладонь под дождь. Крупные капли осыпали его пальцы, запястье, упали на черный рукав пиджака.

— Идем, — настойчиво повторила Зинка.

— Да... Идем, — сказал Андрей.

Глава пятая

1

Две недели шли дожди. День и ночь, день и ночь. И ребята добирались до депо мокрые. Но луж не было: земля с ненасытной жадностью впитывала потоки теплой воды, точно предчувствовала, что лето будет необычно сухое, и набирала про запас влаги.

Каждый раз, выходя на улицу, Юлька подставляла ладошку и думала: «Опять дождь». Точно так же она радовалась бы и солнцу и просто серому, мягкому дню... Может быть, это шла весна? А может... Может быть, это все еще колыхалась, синевато посвечивая прозрачными волнами, та самая «в речке синяя вода»?

В один из таких дождливых вечеров — была уже середина мая — Юлька пошла к Наташе. Но, постояв около ее дома, так и не вошла: в окнах не было света, только в комнате тети Маши тускло мерцал ночник.

Юлька приподнялась на цыпочки и осторожно заглянула в окно. В кресле дремала старуха соседка, на кровати смутно вырисовывалось лицо тети Маши.

Больная лежала спокойно. «Спит, — решила Юлька. —

Не буду беспокоить. Наташки нет дома, на занятиях в институте, наверное. У нее бы обязательно горел свет».

Подождав еще немного, Юлька побрела домой. В общении ее ждало письмо. Юлька даже закрыла от волнения глаза, прочитав адрес на конверте. «От Гриши. Наконец-то!..» Сбросив мокрые ботинки вместе с туфлями, она в одних чулках пробежала к кровати.

Да, Гриша долго не писал. И не потому, что некогда было. На письмо домой у солдата всегда найдется пять минут.

«Не писал — значит, не мог. Я даже не знал, смогу ли я написать тебе вообще. Помнишь, Юлька, туфли? Точно такие же были на одной девчонке. Шефы у нас есть — швейная фабрика. С концертами к нам приезжали. Вот и заметил я эту девчонку в светлых туфельках. Никак договориться не мог — ребята кругом. А мне нужно было поговорить во что бы то ни стало. Демобилизуюсь, думаю, уеду, а там попробуй за тысячи верст списаться. Вечером, как уехали шефы, я к ребятам: «Хлопцы, к двум ночи вернусь». Командир машины говорит: «Ты, Гриша, имей в виду — я тебя прикрывать не буду. Это армия, а не общество защиты животных». Но я все равно пошел. А у нее — смена. Вахтерша, добрая тетка оказалась, все же позвонила. Вижу, идет она, в туфельках которая. Я к ней. Отвел за локоток в сторону и доложил по всей форме: так, мол, и так. «Днями демобилизуюсь — и нам необходимо решить... Завтра я командиру обязан сообщить, куда поеду после службы. Необходимо поэтому знать, поедете вы со мной в мои края или мне тут оставаться?»

Смеется, туфелькой землю чертит. А я прошу ответить по возможности срочно, в связи с тем, что нахожусь в самовольной отлучке. У меня времени не то что в обрез, вообще не оставалось ни грамма.

«Я, — отвечает, — как вы, Гриша. Мне, безусловно, жаль подружек оставлять. К тому же у вас там сестренка есть».

«При чем тут сестренка?» — спрашиваю. Я даже вздрогнул от ее слов. Какая ты, Юлька, можешь быть для нас с ней помеха? А она молчит, опустила глаза. И так мне что-то неприятно сделалось.

«Так как же вы все-таки решаете?» — говорю.

«Так вот и решаю,— ответила она не задумываясь,— что подожду пока ехать с вами».

«Вот как!..»

Она промолчала, только туфелькой чертит.

И тут я подумал: а не играла ли она все это время со мной, не посмеивалась ли? Ведь я простой солдат, а у нее, может, кто другой есть на примете? И почему-то мне показалось, что это так и есть.

Не сдержался я тогда, Юлька, наговорил ей такое!.. Хотел тут же дать тебе телеграмму: мол, на днях выезжаю. Одумался уже на второй день. Ведь в самом деле кто я ей, какое имею на нее право?

А потом все это и началось, началось, не могу места себе найти, хоть что со мной делай, не могу. Прикипела она к моему сердцу. И решил я, Юлька, никуда отсюда не ехать. Остаться здесь, где она. Поступлю в бригаду на стройку. А там видно будет. Вот так... Не думал, что такое со мной случится».

Утром кто-то постучал в дверь.

— Ты чего, Юлька? — спросила, входя, Наташа, с удивлением рассматривая растрепанную, заспанную Юльку с припухшими от вчерашних слез веками.

Юлька не ответила.

Наташа разделась и стояла перед ней тоненькая, светлая, в сером штапельном платье. На голове у нее чудом держалась голубая газовая косынка. Казалось, дунь, и она улетит, как легкое облачко.

— Я к тебе из аптеки. Лекарство приготовят через сорок минут.

— Опять у тети Маши приступ? — спросила Юлька.

— Ослабла она. Почти все время лежит. Ноги сильно отекли. В больницу ложиться не хочет. А ты почему так долго спишь?..

Наташа читала письмо долго. Юлька успела за это время навести в комнате порядок, нарезала хлеба, поставила на стол сливочное масло, банку сгущенного молока.

— Неприятная вышла история.— Наташа отложила в сторону письмо.

— Он, конечно, не виноват...— начала Юлька,— это все она...

— А откуда ты знаешь?

Юлька промолчала.

— Ничего, Юлька, Гриша твой — человек мужественный. Сейчас ему тяжело. Ты чаще пиши ему.

— Я буду писать, обязательно буду писать,— быстро согласилась Юлька.— Сегодня отправлю ему письмо.

Губы у нее дрожали.

Наташа нахмурилась.

— Я понимаю — он твой брат. Но и тебе, Юлька, тоже многое для себя решить надо. Это письмо важнее для тебя, чем для него.

Наташа ушла, и Юлька задумалась. В окно кто-то бросил камешек. Зазвучал знакомый тенорок Пашки Куракина:

Исполнен отвагой, окутан плащом,
С гитарой и шпагой я здесь...

Пашка в новом сером костюме, с выпущенным на пиджак воротником шелковой лазоревой рубашки, в сдвинутой на затылке кепке, из-под которой выбивался светлый чуб, с гитарой наперевес стоял в скверике перед Юлькиными окнами.

— А где шпага? — спросила Юлька, распахнув створки окна.

Пашка растопырил свои длинные пальцы и сжал их в кулак. Кулак получился плотный.

— Не робей, если кто нападет, отобьемся. Шпагу в получку куплю.

Ловко подпрыгнув, он уселся на подоконник, едва не задев кепкой за верхнюю перекладину рамы, и сразу загородил все окно.

— Хочу тебе предложение сделать,— сказал он, устраиваясь поудобней.— Воскресный денек, солнышко, воробушки чирикают. А ты замуровалась в четырех стенах...

— Какое предложение?

— В кино — на восемь тридцать.

Юлька отрицательно покачала головой:

— Не хочется.

— До чего же мир обезлюдел,— вздохнул Пашка.— Андрей к своему Каллистратычу укатил. Жора тоже куда-то смылся. Э-эх... Вот из-за чего не люблю я выходные дни. Будто неприкаянный ходишь.

Он скользнул взглядом по Лизиной кровати и словно нечаянно спросил:

— Пишет?

— Нет, ни одного письма,— ответила Юлька.

Она не стала рассказывать, что два раза уже приходил комендант и спрашивал, когда вернется Елизавета Орлова: ремонтируют общежитие вагонников, и ему надо срочно расселять людей.

Пашка принялся наигрывать на гитаре.

Из окна хорошо просматривалась поселковая улица. По обеим сторонам ее возле домиков в розовом кружеве цветущих вишен зеленели сады. В комнату долетал шум молодой листвы. Дальше за поселком и за светлой полосой реки синел Хехцир.

— Смотри, к нам приближается сам Георгий Александрович Бармашов со своим ФЭДом! — вдруг сказал Пашка, легонько подтолкнув локтем задумавшуюся Юльку.

Жора был, как всегда, озабочен.

— Что, опять общественная работа? — невозмутимо спросил Пашка.

Жора снял очки, старательно протер их платком и снова водрузил на нос.

— Да, клумбы надо вскопать. Завтра рассаду привезут, а никто не хочет. Отлынивают под всякими предлогами.

Пашка лениво потянулся и спрыгнул с подоконника.

— Я тебе сочувствую, Жора. Несчастный ты человек. Ни сна, ни отдыха измученной душе... — Он незаметно подмигнул Юльке. — Слушай, отказывайся ты от таких поручений. Сердцебиение какое-нибудь придумай, расстройство нервной системы и мозговых извилин.

— А может, все-таки вскопаем вон те три клумбы, у штакетника? — помолчав немного, нерешительно предложил Жора. И с надеждой посмотрел на Юльку и Пашку.

— Неси лопаты,— сказала она,— я сейчас выйду.

— Вы там оставьте немного целины, я вечером докопаю! — крикнул вдогонку Куракин.

Там, где Юлька перевернула первый пласт, комья словно тронуло сединой: земля подсыхала. Юлька переворачивала новые пласты, и вдруг вспомнила свое детство, словно заглянула в длинный тоннель. Где-то на другом его конце в маленьком солнечном квадратике начиналась ее жизнь: было там распаханное, выпуклое, до бескрайности огромное поле, от которого вот так же томительно тянуло духом земли. Юлька стояла на краю этого поля и смутно предчувствовала, что все это, до самых синих сопok, ей предстоит пройти.

Только что отгремела война. По дороге через Дмитровку

тяжело скрипели подводы с семенным зерном. Возле них, слегка пошевеливая вожжами, мерно и неторопливо вышагивали запыленные, уже успевшие дочерна загореть бабы и мужики. Юльке тогда казалось, что эти люди не могут и не должны улыбаться. Но они, разлепив серые от пыли губы, изредка улыбались. И Юлька чувствовала, что у нее готово разорваться сердце... По вспаханному полю, где слышался неумолчный стрекот «Универсала», прыгая через перевернутые плугом пласты, как через кочки, бежал маленький худой мальчишка — ее брат Гриша Гранин.

Его не было до самой темноты. В детдоме привычно говорили: «А Гранина опять нет». Гриша возвращался лишь вечером, и его рубаха и руки пахли солнцем, соляркой и землей. А лицо казалось осунувшимся еще больше.

Юлька копала и видела себя и Гришу так отчетливо, словно она и впрямь вернулась к истокам своей жизни. Она видела все, как это было тогда, и в то же время не так — ведь ей минуло семнадцать, и она знала, что с ними обоими случилось потом.

Да, оказывается, это было не просто поле, которое еще нужно было перейти, — это была правда, которую ей предстояло понять и осмыслить.

Рядом старательно переворачивал лопатой землю Жора Бармашов. Он что-то говорил. А Юлька в это время видела себя посередине шоссе, перед Наташкиным домом, с чемоданчиком и узлом. И это было: стояла растерянная девчонка, ошеломленная своим поступком, подбирала слова, которые скажет в свое оправдание, и страшно боялась осуждения. А где-то затаилась оскорбленная гордость и жалость к себе.

«Я напишу ему. Про все напишу, — подумала Юлька. — И про поле, и про Наташку... и про себя».

Она еще не знала, как, какими словами начнет свое письмо. Тут не подходили привычные слова, нужны были особенные, которые обозначали бы ее чувства, как в рисунках она линиями и штрихами обозначала лес, землю, небо, дом, тропинку к нему от колодца и облака...

2

Вечером, когда в общежитии умолк шум и Юлька раскрыла учебник, в комнату ввалилась краснощекая полная женщина лет тридцати восьми в синей форменке проводни-

цы. В одной руке она держала узел с вещами, в другой — чемодан.

— Эта, что ли, седьмая? — спросила проводница, деловито оглядывая комнату.

— Эта,— ответила Юлька.— А вам кого?

— Алевтина я, Макарова. Жить с тобой будем вместе. Общежитие у нас ремонтируют. Вот направление от коменданта.

Юлька рассеянно прочитала бумажку и хмуро сказала:

— Что ж, если временно, пожалуйста. Вот с белым покрывалом койка Лизы Орловой. В отпуск она уехала.

— Ну так я на ее койке и устроюсь. Покрывало сложу да в чехол заверну. А подушку ее ты себе возьми. У меня своих две.

Говоря это, Алевтина развязала узел, вытащила подушку в цветной наволочке и взбила ее. Затем достала кружевное покрывало.

— Сама вязала,— почему-то вздохнув, сказала она.— А ты что — учишься где?

— Учусь,— сдержанно ответила Юлька.

— И работаешь?

— Да, в депо.

— Вот дуры-девки, и погулять-то вам некогда.

Сняв платок, проводница села на стул возле кровати и принялась расчесывать длинные русые волосы. Делала она это с удовольствием. Затем не торопясь, лениво скрутила их узлом на затылке. Лицо ее, круглое, с ямочками на щеках и маленькими хитрыми глазками, без платка показалось Юльке моложе и миловиднее.

— Я вот тоже пять классов кончила,— снова заговорила Алевтина.— А кухня здесь есть?

— По коридору налево,— ответила Юлька и опять уткнулась в книгу.

— Не больно ты разговорчивая,— усмехнулась Алевтина и, загремев чайником, вышла.

«Свалилась ты на мою голову»,— с досадой подумала Юлька.

Вернувшись, Алевтина пригласила Юльку попить чайку, соблазняя медом и вишневым вареньем. Но та отказалась.

— А ты, девка, не вороти нос-то от простого человека,— обиделась Алевтина.— Я тебя не краденым угощаю — на свои трудовые куплено.

Юлька не хотела чаю, но чтобы не спорить, подсела к столу.

— Не стесняйся,— угощала Алевтина.— Насчет продуктов я обеспечена полностью... Вот только в жизни мне не повезло.

— Почему? — спросила Юлька.

— Не везет. Три раза замуж выходила, и все без толку.

Юлька с удивлением посмотрела на нее, готовая приснуть.

— Поживешь с мое, узнаешь почем фунт лиха,— вздохнула Алевтина.

Раскрасневшись от выпитого чая, до которого, видать, была большая охотница, она стала прибирать со стола.

Заниматься Юльке уже не хотелось. Она набросила на плечи жакетик и вышла на улицу. Стояла теплая майская ночь. Таинственно шелестели тополя. У забора целовалась парочка. Далеко за домами слышался шум поезда, вскоре и он затих.

Пройдясь вдоль палисадника, Юлька вернулась в дом.

Алевтина, сидя за столом, вязала кружева.

— Нагулялась? — добродушно сказала она.— Ишь щеки-то раскраснелись.

Она отложила кружева, мечтательно улыбнулась:

— Ох-хо-хо! Пролетели мои молодые годочки.— И тут же, взглянув на будильник, зевнула, лениво потягиваясь: — Смотри-ка ты, первый час. Как время-то идет. Завтра опять в поездку.

Вскоре она мерно посапывала на своих пуховиках.

Глава шестая

1

Пологий песчаный берег с легким шелестом леса, с волейболистами на отмели медленно уходил назад и вправо. Он словно поворачивался к Юльке другой, незнакомой еще стороной. И только тут она поняла, что течение здесь действительно сильное, как крикнула ей вдогонку Наташа.

Да, оно не быстрое, а сильное. И таким оно было не только у острова. Везде — во всю ширину реки до самой кромки другого берега, над которым в разноцветных

крошечных кубиках домов сверкали в лучах полуденного солнца стекла окон.

Всего два часа назад Юлька вместе со всеми деповскими садилась на теплоход.

Сеня Лебедев много раз собирался организовать выезд на левый берег и наконец организовал. А погода эти дни стояла такая хорошая, что поехали почти все — и Быстров, и парторг Шлыков, и ремонтники во главе с Бондаренко и его женою Горпиной и с внуком их, и девчата из промывочного. Здесь были и Цыганков, и Куракин, и Жора, и Зинка, и Андрей, и Наташа, и Миша Егоров.

Пока теплоход пересекал Амур, Егоров стоял в стороне один, держась за поручни. Он не примкнул ни к одной из компаний, которые тотчас возникли на палубе, едва убрали сходни. Но ни для кого не было секретом, что присутствует он здесь исключительно из-за Наташи Березиной.

Когда теплоход острым носом уткнулся в песок левого берега и пассажиры хлынули к сходням, Егоров оказался рядом с Наташей. Так они и пошли вместе, отстав от всех, не прикасаясь друг к другу и не разговаривая. Наташа глядела себе под ноги и изредка помахивала зажатой в руке алой косынкой.

Получилось так, что Егоров, Наташа и Юлька — третий лишний — расположились возле семейного костра Бондаренко. А по берегу задымил множество других костров.

Вода мягко и властно охватывала тело. Юлька видела свои руки и ощущала тревожный холод глубины.

«Ничего, еще немного и поверну к берегу». Она лежала на воде, вытянув руки, едва шевеля ногами. Через несколько секунд она действительно повернула к берегу, гребла сильно и размеренно. Но берег не приближался, течение несло ее дальше, река даже не почувствовала ее усилий.

Людей на берегу Юлька уже не видела. Только над тем местом, где она бежала к воде, вверх и вниз летала черная горошинка волейбольного мяча. Чуть повыше кромки леса он на мгновение застыл в воздухе и медленно падал вниз.

Юлька поняла, что ее относит на середину реки, и ей сразу стало не по себе. Вода, ласково принявшая десять минут назад ее опаленное солнцем тело, показалась теперь тяжелой и вязкой. Совсем рядом был стрежень.

Опасность заставила Юльку подобраться. «Так у меня ничего не выйдет», — подумала она, заставляя себя успокоиться. Никаких сил не хватит, если плыть навстречу

течению. В лучшем случае можно держаться на одном месте, пока хватит сил. Юлька повернулась так, чтобы течение било ей в бок, — река легко понесла ее вдоль берега. Было страшно смотреть, как ее относит все дальше от лагеря, и в то же время это было единственно правильное решение. Она плыла и отдыхала, поворачиваясь на спину и глядя в насыщенное солнцем небо с редкими синеватыми волокнами облаков. Расстояние между нею и берегом, подмытым местами, с грудями прошлогоднего плавника, сокращалось так медленно, что Юльке показалось, будто никогда она уже не сможет приблизиться к нему. Сердце замерло от страха, она отчаянно забарахталась, безрассудно растрачивая последние силы...

Она хотела крикнуть, но не смогла разжать рта. Юлька читала, что в такое мгновение перед человеком проходит вся его жизнь, вспоминаются дорогие лица. Ничего этого с ней не произошло. Отяжелевшая, полузахлебнувшаяся, она бессмысленно загребала воду непослушными руками. И вдруг увидела, что ее несет на косу. Нужно продержаться еще минуту, две...

Коса приближалась: течение, словно нехотя набегая на нее, поворачивало к середине реки. Упускать момент нельзя — дальше река разливалась во всю ширь, и уже не было видно берегов. Юльку несло над отмелью, она чуть не задевала руками песок, но боялась встать. Поджав ноги, она коснулась наконец коленями песка и погрузилась с головой. В следующее мгновение она поднялась. Вытянув вперед руки, сделала несколько шагов и ничком упала на раскаленный песок.

Солнце скоро высушило ей спину. Юлька села. Амур опять сделался таким, каким она видела его до этого, — неторопливым и немеряным... Она заставила себя подняться и снова войти в воду — знала, если уйдет отсюда не оглядываясь, то всегда будет стоять у нее за спиной его опасное дыхание. Она вымыла руки до плеч, потом грудь и лицо — все было в песке. Капли падали с нее, стекали по спине между лопаток.

По-прежнему за рекой сверкал оконными бликами далекий белый город. И оттого, что солнце уже клонилось к заходу, река налилась синевой, город стал еще белее.

Юлька пошла по нетронутomu песку, оставляя неглубокие, бесформенные следы. Подумав, что, может быть, здесь не ступала еще нога человека, рассмеялась.

Она попыталась вспомнить, что заставило ее бежать через весь лагерь к реке и совершить этот бездумный заплыв.

Сойдя с парохода, деповские расходились по берегу, подыскивая места. Зинка, идя вслед за Андреем и Куракиным, нагруженными сумками, удочками и гитарой, обернулась и недобрым и в то же время ликующим взглядом окинула Юльку, стоящую на коленях возле шалаша Бондаренко. Тогда ее взгляд хлестнул Юльку, как удар бича. А сейчас все это уже казалось ей незначительным.

— Ну и пусть! — сказала она вслух.

Где-то справа за кустами послышались голоса. Юлька свернула в ту сторону. Если бы она могла предугадать, что увидит, когда раздвинет ветви, она бы кинулась сломя голову прочь, куда угодно — хоть обратно в воду.

На одеяле, разостланном посреди небольшой приречной полянки, среди груды редисок, первых огурцов, лука, ломтей нарезанного хлеба стояли три стакана. Чуть поодаль в ленивой позе, спиной к Юльке, загорала Зинка. На ветке ивы висели ее розовая атласная юбка и белая полотняная кофточка. В отдалении под кустами виднелась неподвижная фигура Куракина: Пашка удил рыбу и время от времени свободной рукой отмахивался от комаров.

Вещи и вся обстановка говорили, что тут были сначала трое, потом двое, а потом ушел еще один — самый главный: Зинка не просто лежала и загорала, а ждала, когда он вернется. Юлька знала, кого она ждет, — Андрея.

Юлька повернулась и побежала прочь. Ветки хлестали по ее лицу, ноги путались среди корней и травы. Солнце, светившее прямо в глаза, слепило ее, и она ничего не видела перед собой.

За кустами начиналась низина. В паводок здесь стояла вода, но сейчас, в середине лета, лишь кое-где между высоких кочек остались еще горячие илистые лужицы. Юлька несколько раз оступалась в них.

— Стой... Юлька! Ты что, Юлька?

Посреди тропы стоял Андрей и загораживал ей дорогу. В руке он держал здорового, только что пойманного сома.

— Да что это с тобой? — улыбаясь, спросил он.

Юлька, закрыв лицо, бессильно опустила на кочку и заплакала.

Андрей растерянно топтался возле нее, что-то негромко

говорил. Слезы у Юльки текли и текли сквозь пальцы и капали на исцарапанные кустами колени.

Наверно, Андрей забыл, что рыбу можно положить,— он одной рукой поднял Юльку с земли, той же рукой отвел ее ладони от лица, больше не спрашивая ни о чем, и повел ее к лагерю.

Солнце клонилось к закату. Над низиной, перемежаясь с длинными теньями от прибрежных кустов, протянулись вечерние багряные лучи. Поперек низины бежал неширокий ручей. Обломок дерева, переброшенный от одного бережка к другому, осклиз, и по нему трудно было идти. Андрей подхватил Юльку свободной рукой, и так, полуобнявшись, вместе они и перепрыгнули через ручей. Но и на той стороне он не отпустил ее. Юлька подняла глаза. Она видела, как что-то изменилось в лице Андрея, оно показалось ей усталым. Сом выскользнул из его руки и упал на траву.

— Тут, наверно, уже осталось недалеко,— тихо сказала она.

— Ничего... Я провожу тебя.

Опустив руки, Юлька стояла и ждала. Он поднял сома и коротко глянул на нее, она отвела глаза.

Юльку уже разыскивали. Наташа ходила от одного костра к другому. Жора и еще несколько парней из кузнечного отправились искать ее вниз по берегу.

Когда они наконец появились в лагере, Наташа изучающе и настороженно перевела взгляд с нее на Андрея. А тот без слов положил пойманного сома к ногам Горпины и сел перед костром, обняв сильными руками колени.

2

Сом пришелся кстати на ужин. Горпина, Наташа и Юлька отправились к реке чистить рыбу и картошку.

Был поздний вечер, правый берег сиял ночными огнями. Слышалось потрескивание костров, смех, песни. Пели мужские голоса. Всплескивал, похрапывал, шуршал галькой, шевелился накрытый темнотой Амур.

Юлька все время помнила, что сзади за ее спиной сидит, глядя в огонь, Андрей. Ей от этого было спокойно и легко.

Потом, распространяя вокруг аппетитный запах, вари-

лась уха. Возле шалаша, собирая ужин, неслышно двигалась Горпина, позвякивая посудой. Курил самокрутку ее молчаливый Федотыч и время от времени пошевеливал палкой затухающий костер. Наташа постелила на траве семейную бондаренковскую скатерть. Где-то вокруг, не находя себе места, бродил в темноте Егоров; все так же, сцепив руками колени, задумчиво сидел Андрей.

А Юлька устроилась на пригретой костром траве и, покусывая травинку, глядела в темное небо. Хорошо было так лежать и чувствовать, как под тобою неторопливо кружится земля.

В шалаше захныкал внучонок Бондаренко. Горпина попыталась его укачать, потом пришла к костру с ребенком на руках и отдала его Федотычу, сказав при этом ласково и насмешливо:

— Ну, старый, понянчи.

Бондаренко, принимая ребенка в свои огромные руки и усаживаясь с ним на обломок дерева, с добродушной ворчливостью ответил:

— Мало своих вынянчил...

Горпина объявила, что ужин готов, разлила уху по мискам и нарезала хлеб и лук. Бондаренко передал ей внука и, тронув Андрея за плечо, кивнул на разложенную еду:

— Давай по маленькой.

Он налил себе, Андрею и Мише в граненые стопки. Егоров, поглядев на замкнутую Наташу, не притронулся ни к чему, встал и опять ушел к берегу.

— Ну что, Андрей, выпьем? — проводив Егорова взглядом, сказал Бондаренко.

— Выпьем, Федотыч...

— За что же мы с тобой выпьем?

У Андрея на лице было такое выражение, будто он хотел сказать: за что хочешь, ты — хозяин.

Бондаренко потянулся к нему со стопкой:

— Давай тяпнем, Андрюха, за молодое поколение, чтобы оно изжило иждивенческое отношение к нашему брату. Уж больно вы привыкли, чтобы мы, старики, всю тяжесть на себя брали.

Андрей при последних словах Бондаренко опустил руку и отставил стопку.

— Я за это пить не буду, Федотыч.

— Не обижайся.— Бондаренко произнес это таким тоном, что стало ясно: неспроста он предложил свой тост, он

обдумал все и, может быть, давно искал повода высказаться.

— Нет, я пить за это не буду,— решительно повторил Андрей и усмехнулся: — Иждивенческое отношение...

— Как хочешь,— пожав плечами, ответил Бондаренко. Одним глотком выпив водку, он деловито принялся есть, сочно хрустя огурцами и луком, будто, кроме еды, ничто другое его сейчас не интересовало.— Станный вы народ,— как бы между делом вдруг заметил он.— Прижмешь вас (тут Бондаренко выдал себя движением — резко поставил руку на ребро ладони), так вы и лапки кверху. Я, мол, тут вообще ни при чем.

— Чудак ты, Федотыч. Не понимаешь, что из твоих слов наружу торчит.

— Что торчит? Что? Говори! Я рабочий человек и люблю, когда все начистоту!

Андрей выпил и закусил.

— А вот что,— сказал он.— Это не мне изживать надо, а тебе. В депо мы одной дорогой ходим... А по двум пижонам возле гастронома нельзя судить о всех нас, тебе такого права, Федотыч, никто не давал и не даст. Ты трудную жизнь прожил, я знаю. Если хочешь, трагическую жизнь... И не я тебе не верю, а ты в меня поверить не хочешь. Странно одно. Я твою трагедию своей считаю, боль твою — своей болью. А тебе, как говорится в математике, соответственно в моей жизни ничто не интересно.

— А если я начну ваши молодые грехи перечислять? Ты упадешь и не встанешь,— сказал Бондаренко.

— Перечисляй...

— И перечислю. Пусть не тебе, но некоторым твоим одногодкам на все плевать. Были бы гроши, да харчи хорошие, да штаны поуже, и девки попокладистей...

— Я согласен с тобой, Федотыч, есть такие ребята. Точно. Только тут их одних трудно винить. Живем мы как-то не так. И формы работы нашей в депо устарели. Сегодня ДИП и завтра ДИП, двадцать лет один и тот же ДИП — пусть и усовершенствованный. Ты этот ДИП отремонтировать будешь, полжизни в него угробишь. Для производства его, может, и хватит, для меня — человека по имени Андрей Малахов — мало. И Юльке через год мало будет. Приходит время ЦАМов, стекла и точных расчетов!

Юлька знала, что ЦАМ взбудоражил депо: трудно было поверить, что легкие сплавы алюминия с цинком и медью

с успехом могут заменить тяжелую, испытанную, дорогостоящую бронзу. Только сейчас до Юльки дошло, насколько предметен сегодняшний спор Андрея с Бондаренко — никто так не защищал бронзу и вообще всю устоявшуюся организацию труда ремонтников, как Бондаренко.

— Ну насчет ЦАМа, доложу я тебе, — ожесточенно заговорил бригадир, — тут еще время свое слово скажет. И насчет стекла тоже. Коммунизм на стекле не построишь, хрупкая больно материя. А то, что мы построили, стоит и стоять еще будет долго. Я начинал с веры, а вы с критики да с узких штанов, воробьи.

— Э-эх, Федотыч, — огорченно вздохнул Андрей. — У меня было много в жизни трудного. Но самое трудное — твое недоверие.

В разговор вмешалась Горпина и заставила Бондаренко замолчать:

— Твои философии мне дома надоели, старый. Дай людям воздухом подышать, и сам подыши.

Андрей подбросил в костер сухую валежину, спросил, где Егоров, и тоже ушел к реке.

Потрескивал костер, скрипела под сапогами Андрея прибрежная галька, вздыхал Амур, изредка всплескивала в нем поздняя рыба, прокричала в кустах ночная птица. Постепенно смолкли людские голоса. Потом где-то далеко-далеко за серединой реки зататакала моторка, и Юлька подумала, что, когда этот звук оборвется, она уснет.

Глава седьмая

1

Душным июльским днем Наташа с Юлькой отвезли тетю Машу в больницу. Ее положили в маленькой двухместной палате с большим окном. В палате лежала совсем еще молодая, очень бледная женщина. Медсестра шепотом сказала, что у женщины тяжелое заболевание крови. Потом санитары внесли и поставили в свободном углу еще одну койку, и Юлька поняла, что Наташа останется здесь.

Уходя, Юлька приложилась губами к дряблой щеке тети Маши. Но у той даже не нашлось сил сказать что-нибудь Юльке на прощание.

— Отпуск возьму, буду возле нее сидеть, только бы она поправилась,— сказала Наташа, провожая Юльку.

Грустная, задумчивая шла Юлька домой. Она хорошо понимала душевное состояние своей подруги. Тетка воспитывала Наташу с восьми лет, заменив ей мать.

...Ключа в ящичке над столом у дежурной не оказалось.

«Неужели Алевтина вернулась? Да нет, ей рано. Поездка на две недели»,— удивленно подумала Юлька. Она вошла в комнату и опешила: у окна, скрестив на груди руки, стояла Лиза.

Лиза медленно повернула голову, губы ее шевельнулись. Она хотела сказать что-то, но лишь молча поправила на плечах платок.

— Ну и хорошо,— почуввав беду, тихо сказала Юлька.— Правда, у нас тут хорошо?..

— Кто на моей кровати расположился? — спросила Лиза.

— Проводница одна, их общежитие ремонтируют. У нас сегодня душ работает. Иди помойся с дороги, а я в магазин сбегаю.

Юлька говорила быстро, проглатывая отдельные слоги. Она разыскала авоську и накинула на голову косынку. Пока она металась по отделам магазина, покупая все, что попадет под руку, перед ней все время стояло чужое, опустошенное лицо Лизы.

Потом они сидели за столом, почти не разговаривая. Лиза помешивала ложечкой в стакане.

— А где эта проводница сейчас? — спросила она.

— В поездке. Раньше чем через неделю не вернется.

Лиза, все такая же замкнутая, встала из-за стола, аккуратно свернула Алевтинину постель и сложила ее на стуле.

— Где моя подушка?

— Вот, держи,— ответила Юлька, кинув ей подушку.— Она все время была у меня.

Лиза легла и отвернулась к стене.

Юлька хотела подойти посидеть, как прежде, на ее кровати, но не решилась. После долгого молчания Лиза сказала:

— Была сегодня в кадрах. Берут на прежнее место с завтрашнего дня.— Она еще помолчала и спросила: — Ну, как вы тут без меня?

Юлька пожала плечами.

— Живем,— неопределенно сказала она.— Нюрка Столярова твой кран гоняет.

— Я видела Бондаренко,— сказала Лиза.

— Значит, завтра на работу пойдем вместе.

Убирая со стола, Юлька поглядывала на Лизу, ждала, что та скажет еще что-нибудь. Но Лиза не произнесла больше ни слова.

Утром по дороге в депо Лиза прятала глаза от всех встречных. Кто-то в толпе окликнул ее, кто-то поздравил с приездом. Лиза отвечала вымученной, натянутой улыбкой.

У ворот депо толпились парни: Пашка Куракин кого-то подначивал. Но, когда увидел Лизу, голос его сразу оборвался.

Лиза, пригнув голову, прошла мимо. Пашка не мигая смотрел ей вслед.

— Видела Куракина? — спросила Юлька.

— А что мне Куракин,— нарочито небрежно ответила Лиза.

Они вместе вошли в подъемочный цех. Бондаренко помогал слесарям заводить колесную пару под паровоз.

Увидев Юльку с Лизой, он сам подошел к ним.

— Можно мне приступить к работе? — спросила Лиза, глядя мимо него.

— Можно. Идем,— сказал он и повел ее в глубину цеха к лестнице, ведущей на кран. У самой лестницы Бондаренко положил руку ей на плечо и словно подтолкнул к ступенькам: «Ну, иди».

В обеденный перерыв Юлька зашла за Лизой, и они вместе отправились в столовую. Девчата за столиками, увидев их, зашептались. Лиза смотрела прямо перед собой, плотно сомкнув губы. Кто-то хихикнул: «Невеста без места, жених без штанов...»

Домой после смены возвращались тоже вместе. По дороге их догнал Куракин и молча пошел рядом. Лиза заторопилась, чтобы скорее дойти до переулкa, где Пашке надо было свернуть к виадуку. Но он, все так же молча, прошел с ними до самого общежития и только тут сказал:

— Ну что ж, Лиза, с приездом...

Все чаще случалось так, что когда Юлька с Лизой выходили из депо, возле них оказывался Куракин. Или догонял их по дороге и шел рядом так же молча, как в первый раз. Иногда пытался шутить. Юлька молчала, а Лиза улыбалась одними губами — какой-то всегда одинаковой улыбкой.

Однажды вечером он пришел с гитарой, но так и продержал ее часа два на коленях, ни разу не тронув струн, и разговаривал только с Юлькой.

А на другой день за несколько минут до перерыва на обед Пашка выключил станок, вытер ветошью руки и подошел к Юлке.

— Чего это с ней? — спросил он. — Она точно с похорон.

— Я ничего не знаю, — ответила Юлька.

Она и в самом деле не знала, что же именно произошло. Лиза, приходя домой, сразу ложилась в постель и, устремив глаза в потолок, думала о чем-то своем. «Хоть бы заплакала она, что ли, а то все молчит и молчит», — переживала Юлька. Когда они вместе ходили гулять, Лиза выбирала пустынные улицы или тянула ее на линию. Там они и бродили в одиночестве.

Как-то Юлька и Куракин ждали Лизу в подъемке. Ей пришлось задержаться в кабине крана, так как в этот момент подали на подъемку еще один паровоз. Остановив кран, Лиза стала спускаться по лестнице. И делала она это не как прежде, а осторожно, бережно ставя ноги на каждую ступеньку. Вдруг она пошатнулась и замерла, всей грудью припав к поручням. Юлька видела, как она побледнела, и тут же кинулась на помощь.

— Пойдем-ка на улицу, на свежий воздух, — угрюмо сказал Пашка. — Разбаловал тебя стольный город Ростов: степь, просторы...

Он не взял Лизу под руку и даже не прикоснулся к ней, но, как и всегда, проводил до самых дверей общежития и все время шел рядом, будто Лиза должна была вот-вот споткнуться и он готовился поддержать ее.

— Ты ведь, Лизка, чуть не упала сегодня, я все видела, — сказала Юлька, когда они остались одни в комнате.

Лиза кинулась на кровать и зарыдала.

— Беременна я, Юлька...

— А я знаю,— сдерживая внутреннюю дрожь, вдруг отчетливо ответила Юлька. И вспомнила, что с первой минуты возвращения Лизы, она ожидала этого. Ей тяжело было слушать Лизино признание, и она выкрикнула это «я знаю» даже несколько раньше, чем Лиза успела договорить. Станным было чувство, какое Юлька испытывала сейчас. Ей было и скорбно, и тревожно, и невыразимо жалко Лизу.

В депо бывали такие случаи. Но те случаи проходили сквозь сознание Юльки, как вода через песок, не оставляя следа.

— В больницу ходила — уже поздно. Надо было сразу, как приехала. В депо скажут: съездила в отпуск!

Лиза металась по подушке. Все ее тело вздрагивало от рыданий. Тяжелый узел рыжеватых волос распустился по плечам. Подушка потемнела от слез.

Прошел час, два или десять минут — Юлька не знала. Лиза, всхлипывая, лежала, уткнувшись лицом в подушку.

— Ты насовсем разлюбила его? — спросила Юлька.

— Ничего ты не понимаешь...

— Я почему-то с самого начала думала, что ты вернешься. Он сразу мне не понравился. Как из вагона прыгнул, так и не понравился...

— Вначале все было хорошо.— Лиза поднялась, вытерла косынкой лицо, поискала вокруг себя шпильки, заколола волосы.— Какая я была счастливая!.. Приехали к моим родным, свадьбу справили. Вся деревня собралась. Отец денег не пожалел. Почти два месяца прожили у наших. Потом — в Ростов по Дону. Двухместная каюта. Берега там красивые. Я веселая, радуюсь. А Володька чем ближе к Ростову, тем тревожнее становится. Задумчивый какой-то, все молчит. Приехали вечером, никто нас не встретил.

Домик у его родителей уютный. Черемуха в саду; сирень. Открыла дверь его мать — сухонькая такая старушка. Потом и отец вышел — степенный, борода с проседью.

Володька говорит: «Это жена моя, Лиза. Прошу любить и жаловать». Мать ко мне не подошла даже. А отец — ничего. «Ну, говорит, проходите, гостьей будете». Володька пальто мне помог снять, показал, где умыться. Я вижу — неладное. «Скажи, говорю, Владимир, может, староверы родители твои или нелюба я им?» — «Я виноват перед тобой,— говорит Володька.— Сразу хотел сказать, да по-

боялся. Ты ведь знаешь, что я подводником служил. Славой овеванный, в героях ходил. И оказалась девчонка под рукой. Я уж после, во Владивостоке, тебя встретил, когда из дому вернулся... Рассказывать тебе ничего не стал. А о том, что сын у меня, отец написал. Только поздно, я уже билеты на поезд купил. Если бы я тебе на перроне об этом сказал, поехала бы ты со мной? Вот и суди, как хочешь...»

Я всю ночь не могла уснуть, сидела у окна. Володька тоже долго не спал, а потом уснул. Я подошла к нему, он лежал на спине. Посмотрела на него — чужой. Все, что было мне дорого в нем, все стало чужим. И щетина на подбородке, и одной пуговицы на рубашке не хватало. Все я заметила. Долго смотрела, а он даже не шевельнулся.

Утром постучали. Старуха дверь открыла. По всему дому покатился детский голосок. Это она пришла — с ребенком. Ее я и не разглядела. А мальчишка — вылитый Володька: такой же чернявый, глазастый. Владимир вышел. Увидела она его: «Что ты, говорит, наделал? Я тебя три года ждала». Он то на сына смотрит, то на нее — молчит. Потом схватил ребенка, поднял вверх. Мальчишка смеется... Старуха в голос плачет, платочком утирается. Постояла я, посмотрела, собрала чемодан — и на вокзал.

Старик меня догнал, мы вместе пошли. Билет мне он сам купил, спросил только — куда. «Мальчонку, говорит, ты пожалела, да и ее тоже...» А у самого руки трясутся. «Ты, говорит, если что, пиши обязательно!» И адрес дал. Вот и вся моя история...

— Хороший старик, — сказала Юлька, вытирая ладошкой слезы. — А Володька твой сволочь.

В эту ночь они долго не могли уснуть. Лиза жаловалась на кратковременные обмороки. Дня два назад ей вот так же сделалось плохо, и она на несколько секунд потеряла способность управлять краном: колесной парой смяло стойку на паровом.

— Боюсь я, станет мне плохо, и трахнет кого-нибудь скатом по голове. Нельзя мне работать на кране.

— Переходи к нам в цех! — предложила Юлька. — Ты ведь ремесленное железнодорожное кончала.

— Не переведут, — усомнилась Лиза.

— К начальнику сходи. Быстров только с виду строгий.

К Быстрову Лиза сходила — и на другой день появился приказ о переводе крановщицы Елизаветы Орловой в механический цех токарем второго разряда.

Лиза очень волновалась в это утро.

— Не смогу я, Юлька, наверное, на станке. Забыла все.

— Не впадай в панику, — рассердилась Юлька. — Как измерять штангелем, ты знаешь, устройство станка тебе знакомо. И главное, если плохо станет, то на земле.

Цыганков с головы до ног оглядел Лизу. У Юльки даже дрогнуло сердце: показалось, что он обо всем догадывается, знает.

— Чего это тебя в токаря потянуло? — после многозначительной паузы спросил он.

Лиза промолчала.

— Ну, дело твое. У меня план. Не посмотрю, что ты там... ездила.

Лизу поставили к станку «16-16», рядом с Жорой Бармашовым.

— Правильное решение, Орлова, — одобрил Жора. — Здесь ты повысишь свою квалификацию, станешь токарем-высокоразрядником. И труд будет приносить тебе радость!

Лиза долго стояла, опустив руки, и не включала станка. Отведя суппорт «семерки», Юлька подошла к ней, взяла ее холодную покорную руку и положила на кнопку пуска.

— Ну, давай! Давай же, я рядом, — тихо сказала она.

Лиза очень старалась, и брака у нее не было с самого начала. Но то, что Юлька успевала сделать за час, Лиза делала за полдня.

— Ничего, — успокаивала ее Юлька. — Руки вспомнят. Только рукам своим вспоминать не мешай.

Если бы на месте Лизы оказалась Юлька, Цыганков давно бы устроил ей разнос за такую работу. Лизу он почему-то не трогал. Иногда только останавливался возле нее, заложив руки за спину, смотрел, как она работает, и лицо его мрачнело.

Месячный план провалился... Что он провалился окончательно, Юлька поняла, когда Цыганков, однажды войдя к себе в конторку, так хлопнул фанерной дверью, что стекла перегородки едва не вылетели. И со всего маха швырнул на пол тяжелый разводной ключ.

В этот день Юлька задержалась в душевой. Она беспокоилась о Лизе и, наспех надев платье на мокрое еще тело, побежала в цех.

Прошло всего двадцать минут, но ни по дороге, ни в цехе Юлька не встретила Лизу. «Ушла»,— подумала она и вдруг заметила, что на станке «16-16» кто-то работает. Это был Куракин. В патроне станка был зажат тот фланец, который Лиза не успела закончить: Пашка доделывал его.

Почувствовав на себе Юлькин взгляд, Куракин поднял голову; пробормотал что-то насчет цехового плана, который оказался под угрозой, да и заработок у Лизы никудышный... Он смешался и замолчал.

— Ну, я пошла, Паша,— сказала Юлька тихо.— Ты придешь к нам сегодня?..

Куракин тряхнул чубом.

И не пришел.

Через неделю вернулась Алевтина. Когда она вошла, Юлька пила чай, а Лиза, полулежа на кровати, вяло наигрывала на гитаре.

Поставив у порога тяжелый чемодан и не обнаружив своей пышной постели, проводница сразу направилась к Лизе.

— Твоя работа?

— Моя,— безразлично ответила Лиза, продолжая перебирать струны.

— По какому праву?

— А по такому... Я на этой кровати два года спала.

— Спала... У меня на руках бумажка комендантская! Ездишь, ездешь, как проклятая, а тут...

Лиза нисколько, однако, не испугалась грозного вида проводницы. Громко бренча на гитаре, она запела:

Бывают такие минуты,
Что даже не хочется жить,
И хочется только лишь плакать,
И хочется только грустить.

Юлька изумилась: в голосе Лизы прозвучала не замеченная раньше разудалость. Но еще неожиданнее была реакция Алевтины. Та села на табуретку, осторожно, словно боясь помешать петь, и сказала, скорее выдохнула:

— Верно поешь, девонька...

— Елизавета Николаевна!.. — насмешливо бросила Лиза.

Когда песня кончилась, Алевтина краешком косынки смахнула слезу и высморкалась, а Лиза запела снова — теперь уже о судьбе, который вынес приговор собственному сыну.

И сама эта песня, и то, как Лиза пела ее, а проводница, расчувствовавшись, подтягивала: «Я же мальчишка, мальчишка, я с голоду стал умирать», — возмутило Юльку.

Она в сердцах хлопнула ладонью по столу:

— Ну чего вы нашли в этой песне! Слушать тошно!

— Ты, девонька, не горячись, — допев куплет, ответила Алевтина. — Для кого эти песни плохие, а для нас они душевное успокоение.

И неожиданно закончила:

— Занимай, Елизавета, мою койку, раз уж ты спала на ней. А завтра мы третью кровать поставим.

Она принесла мокрую тряпку, вытерла пол в углу и стала устраиваться спать.

— Тронула ты, Елизавета, мое откровенное сердце, — проговорила Алевтина, сидя на своей временной постели, придвинула к себе чемодан, достала зеркальце и гребень, распустила волосы и принялась их расчесывать. Она чесала их долго, по всей длине. Видно было, что делает она это с удовольствием: с лица у нее не сходило выражение умиротворенности. Она собрала волосы в узел на затылке и, сложив руки на полных круглых коленях, долго сидела молча, улыбаясь чему-то, полузакрыв глаза. А Юлька в эту минуту ненавидела ее.

Но блаженная улыбка на лице Алевтины постепенно уступила место деловитой сосредоточенности. Снова открыв чемодан, она вынула две пуховые косынки — белую и розовую. Подержала их перед собой и сказала:

— А ну, примерь, Елизавета. Тебе белая будет к лицу. Оренбургская, из козьего пуху.

Лиза накинула косынку на плечи, подошла к зеркалу и, не поворачивая головы, спросила:

— Сколько?

У Юльки опять дрогнуло сердце: в Лизиним голосе был тот же надрыв, с каким она только что пела песню.

— Богу пятак да в кабак четвертак, — беззвучно засмеялась Алевтина. — Со своих шкуру не дерем, не привычные.

Юлька решительно сдернула с кровати одеяло и стала укладываться спать.

— Мы, Лизавета, с тобой подружимся,— немного погодя добавила Алевтина и погасила свет.

Глава восьмая

1

На Дальнем Востоке полыхало лето.

Та самая робкая травка, что появилась после майских дождей, теперь густо зеленела всюду и шла в рост, а обоженные солнцем тополя ждали дождя. Утрами, в тихие минуты пробуждения поселка, поражала прозрачность неба. Днем, сквозь стекла деповской крыши, покрытые налетом копоти, Юлька видела небо, побелевшее от зноя.

К тому времени, когда заканчивалась смена, жара спадала, остывали пропитанные мазутом шпалы подъездных путей. Тяжело проходили мимо груженные составы. Далекие очертания Хехцира — четкие и ясные утром — были размыты образовавшейся за день дымкой.

Юлька нарочно шла медленно. Не хотелось расставаться с улицей, не хотелось опять видеть Алевтину и рядом с ней Лизу.

Впрочем, ей не всегда казалось, что есть нечто опасное в начинающейся дружбе Алевтины с Лизой. Когда Алевтина возвращалась из поездки, у девушек меньше времени отнимала суетная домашняя работа. Они приходили домой, пили согретый Алевтиной чай, болтали о разных малозначительных вещах. Но потом Алевтина и Лиза затевали свой, понятный только им двоим разговор. И доверие, возникавшее между ними, как бы выключало Юльку из их жизни.

Юлька чувствовала, что под нарочитой добротой Алевтины, словно уголь под пеплом костра, таится алчность. Юлька теперь внимательнее присматривалась к Алевтине, и многое не нравилось ей: и ее подчеркнутая забота о своем теле, и постель, которую Алевтина аккуратно накрывала белым покрывалом, и зеркальце, перед которым она причесывала на ночь волосы. Невозможно было маленькую зубную щетку Алевтины с золотым ободком на ручке назвать щеткой, а хотелось назвать щеточкой, круглое зеркало, в которое она подолгу разглядывала себя,— зеркальцем, носо-

вой платок — платочком. Алевтина прикасалась к своим вещам бережно, сознавая, что это ее «собственные» вещи.

Как-то Юлька стирала. Когда она развесила белье и вошла в комнату, Лиза с Алевтиной не заметили ее.

— А может, все-таки подыскать тебе женщину,— вполголоса сказала Алевтина (она произнесла именно так «женщина»).— На что он тебе? Вся молодость пройдет, и кому ты нужна будешь с хвостом?

— Страшно и поздно уже,— вздохнула Лиза.

Юлька молча прошла к своей кровати. Алевтина с Лизой умолкли. Юлька чувствовала, каким колючим взглядом проводила ее Алевтина.

Утром, избегая встретиться с Лизой взглядом, Юлька быстро собралась на работу. Лиза, полуодетая, не торопясь ходила по комнате, долго закалывала перед зеркалом волосы. «Нет,— глядя ей в затылок, думала Юлька,— я тебе сегодня все скажу». Она дождалась Лизу и, как только они вышли на улицу, спросила:

— Значит, Алевтина знает? Из наших, деповских, никто не знает, с ними ты боишься говорить, а с ней — нет? Лиза нахмурилась.

— Это мое дело. Кому положено знать, тот знает, а отчитываться я не собираюсь ни перед кем.

— Нет, Лиза, так нельзя. Вот Пашка...

— Что Пашка? — с вызовом перебила Лиза, и в ее голосе послышалось откровенное раздражение.— Он мои фланцы точит? Я не просила его об этом и просить не собираюсь. Хочет — пусть делает!

Юлька не узнавала Лизу. Ее прежняя замкнутость и гордость были Юльке куда понятней и казались честнее. Неужели она не понимала, что над Пашкой смеялись? Недавно Чекмарев, уходя с работы, сказал ему: «Может, и мне поможешь, Куракин? Я дом строю...» «Не лезь!» — ответил Пашка.

И сейчас Юльке стало обидно за него. А Лиза шла, покусывая травинку, и вдруг сказала вкрадчиво и осторожно:

— Вот ты меня упрекаешь за Пашку, Юлька. А знаешь, что вчера в конторке сказал ему твой Андрей? — Лиза искоса глянула на Юльку.

— Он такой же мой, как и твой,— буркнула Юлька.

— Э, нет.

И Лиза рассказала Юльке о случайно подслушанном ею разговоре Андрея Малахова с Пашкой Куракиным.

Захватила она только конец разговора, но воспроизвела его в лицах и со всеми интонациями.

— «Но ты, Пашка, понимаешь,— это не помощь. Не помощь это! Ты ее унижаешь и себя, и смотреть на тебя со стороны больно»,— говорил Андрей. «Мне не больно было, когда ты Юлькины пальчики в своих лапах держал»,— огрызнулся Куракин. «Дурак ты! Я же резцы ее учил затачивать».— «Вы резцы затачивали, а мы фланцы делали...» — «Да не вы!.. Ты делал! И что толку от такой помощи? Ну на три рубля больше она получит, а дальше что? Так всю жизнь и будет точить фланцы?»

Чем дальше говорила она, тем больше настораживалась и не доверяла ей Юлька. Уж слишком бесстрастно передавала Лиза то, что говорил про них обеих Андрей.

— «Что ты предлагаешь?» — взорвался в конце концов Пашка. «Научи ее работать,— посоветовал Андрей.— У тебя вон каждый день сто двадцать процентов, а у нее семьдесят от силы». «Так учить,— взбеленился Куракин,— как Юльку ты учишь, как Зинку учишь?!» «А я Зинку не учу»,— угрюмо ответил Андрей. «Неточно выразился,— с издевкой сказал Пашка.— Ты у Зинки сам учишься, а потом Юльку учишь...»

Юлька вспыхнула и остановилась:

— Зачем ты мне все это рассказываешь?

Но Лиза будто не слышала.

— Самое главное потом было,— сказала она.— Андрей Куракину говорит: «Я скоро уйду экзамены сдавать. Вы останетесь вдвоем с Жоркой. Трудновато вам придется. Но есть у меня наметочка одна — помнишь, мы на маевке с Бондаренко схлестнулись?...»

Нет, не для того Лиза затеяла этот разговор, чтобы сообщить о «наметочке» Андрея. Юлькино лицо горело от слов Куракина: «Ты у Зинки сам учишься, а потом...»

— Юлька,— вдруг хрипло выговорила Лиза, взяв Юльку за рукав и словно прося остановиться,— прости меня! Слышишь, прости... Я совсем запуталась. Сама не знаю, почему обидела тебя. Но вот тут, вот тут...— Лиза с силой прижала руку с растопыренными пальцами к своей груди.— Тут такое...

У нее не хватило слов. Слезы потекли по ее щекам.

Юлька, высвободив рукав из цепких Лизиних пальцев, бесстрастно сказала:

— С чего ты взяла, что я сержусь...

На четвертом курсе заочного отделения железнодорожного института начиналась сессия. Андрей Малахов накануне работал весь день, а когда закончилась смена, стал прощаться с ребятами.

Юлька не подошла. Она видела, как Андрей пожал руку Куракину, улыбнулся Лизе, хлопнул по плечу Жору Бармашова. Жора торжественно продекламировал:

— Учись, товарищ Малахов! Наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни!..

Цыганков, стоявший несколько поодаль, с деланным равнодушием смотрел на эту сцену, потом безнадежно сказал:

— Иди, иди, учись... И ты можешь идти, Бармашов, и ты, Куракин, подучись малость... Все учитесь, вон Гранину с собой прихватите. Мы вдвоем с Чекмаревым, нам не привыкать. А то еще кто из вас в декрет пойдет. Так идите разом. Паровозы подождут. Перейдем на автотранспорт. Верно, Гаврила?

— Баба с возу, кобыле легче, — отозвался Чекмарев.

Юлька видела, что Андрей ищет ее, и заторопилась уходить. Но у ворот депо он догнал ее.

— Юля, я ухожу...

Она пожала плечами.

— Юлька, у тебя что-нибудь случилось? — дружески спросил он.

— Все нормально. Ты напрасно беспокоишься, Андрей.

Андрей пытался заглянуть ей в глаза, но она отвела взгляд и нетерпеливо спросила:

— Ты что-то мне хотел сказать?

Малахов чуть повел плечами:

— Я хотел проститься!

— Тогда — счастливо!

Пройдя несколько шагов, Юлька обернулась. Андрей все стоял на том же месте. Она испуганно подумала, что пожалеет потом, но сказала как можно более бодро и холодно:

— Счастливо, желаю удачи.

Через несколько дней в цехе выдавали зарплату Лысоватый кассир дядя Ваня на большом столике у входа разложил пачки денег, достал из портфеля и выложил тут же платежные ведомости.

Не успел звонок возвестить конец смены, как перед

столиком кассира образовалась очередь. Жора первым получил деньги и тут же принялся рассортировывать получку.

— Маме,— произнес он и спрятал несколько кредиток в карман вельветки.— Коечные,— объявил он затем и положил три десятки в задний карман брюк.— А это — на мороженое, на хлеб насущный и на вас, девочки.

— Жорочка, не перепутай! — под общий хохот посоветовал Пашка Куракин.

Тщательно пересчитал деньги Гаврила Чекмарев. Сложив пухлую пачку кредиток пополам, он тут же спрятал ее в карман. Заработал он больше, чем обычно, и дядя Ваня выдавал ему получку с подчеркнутой почтительностью. Но зато когда, почти переломившись пополам над низким столиком, в ведомости расписывался Цыганков, кассир сочувственно покачал головой: премиальных мастеру не полагалось. План по цеху был недовыполнен. А Юлька подумала, что по тому, как человек берет заработанные деньги, можно судить о его характере...

Алевтина уже поджидала Лизу с Юлькой. На столе стоял чайник, закутанный в телогрейку, стакан для Лизы, кружка для Юльки и аккуратная Алевтина чашечка.

— Я совсем заждаюсь,— сказала Алевтина.— Непривычная одна-то. В поездке все с напарницей...

Лиза швырнула на стол смятые в кулаке деньги. Алевтина поглядела на нее, на Юльку, на разлетевшиеся по столу трешницы и рубли, сгребла их в кучу, аккуратно разгладила ладонью каждую бумажку отдельно, сложила их стопкой, пересчитала и присвистнула:

Нешто это деньги? Как ты жить-то собираешься? Человеку и сладенький кусочек, и вещичка удобная требуется...

Да перестаньте вы, ей и так не по себе! — перебила Юлька.

Алевтина, поведя в ее сторону глазом, продолжала:

— Если с умом да с головой, еще как можно обойтись! Сама-то я не прибегаю.— Она помолчала, точно нащупывая впереди себя дорогу.— Товарка моя из Оренбурга платочки пуховые сюда привозит. И люди благодарны, и ей в пользу. А что, если та же покупательница, которая ее платок купила, поедет за ним в Подмоскowie, сколько потратит на одну

дорогу? Выходит, у товарки моей купить беспримерно выгодно. Понятно?

«Ты сама этим делом занимаешься»,— зло подумала Юлька. И в тишине комнаты отчетливо прозвучал ее голос:

— Этому слову есть название... Спе-ку-ля-ци-я! — Трясущимися руками она для чего-то поправила постель.— Присылают тут всяких!..

Несколько дней они не разговаривали. Потом Алевтина собралась в очередную поездку. Но это не принесло Юльке облегчения. Лиза снова замкнулась. Юлька понимала, что осталась одна. Одна против двух.

Иногда вечерами Юлька ходила в больницу. Еще издали находила она окно той палаты на втором этаже, где поместили тетю Машу. Посетителей в это время не пропускали, да Юльке и не хотелось лишний раз тревожить Наташу. Но иногда дежурная няня вызывала Наташу в подъезд, тогда им удавалось побыть вдвоем. Разговор, однако, не клеился...

Как-то в сумерках у больничных ворот Юлька повстречала Мишу Егорова. «Ходишь... Все ходишь»,— с жалостью подумала она. И спросила:

— Ты ее видел?

— Нет.

— Скучаешь?

— Тошно. Пойдем, Юлька. Я хоть тебе на баяне поиграю.

— Подожди, Миша, вот выпишется она из больницы...

Юлька думала о скором приезде Алевтины. Опять Лизу с толку сбивать будет. Она понимала, что одной ей с ними не справиться. Но Пашке рассказать об этом не могла: догадывалась, что как раз ему-то и нельзя говорить о Лизиной беде.

Иногда у Юльки мелькала мысль: пойти в комитет комсомола. Но, представив себе Сенью Лебедева за секретарским столом, в комнате, увешанной плакатами и графиками выполнения плана, она тут же терялась — какими словами говорить с ним? И что он может посоветовать в таком щекотливом деле? Странно все-таки устроен мир: так много хороших людей, а вот пойти по душам поговорить — и не к кому.

Посредине комнаты стояли чемоданы, перетянутые ремнями, и громадный, плотно увязанный узел. Алевтина, видимо, хотела затискать их под кровать, но не успела. Юлька смерила ее взглядом:

— Привезла?.. Розовые, белые или есть еще что-нибудь, для брюнеточек? Может, опять не твое, а твоей догадливой товарки?

— Не трожь ты меня. Ох, не трожь! — зашлась Алевтина. — Лизавета, не обращай внимания на эту свистульку. Ты женщина солидная, тебе жить всерьез.

— Я знаю, что делать, — в сердцах сказала Юлька, повернувшись к Алевтине. — Сейчас пойду в проводнический резерв и расскажу, чем ты занимаешься.

— Юлька, какое тебе дело? — устало поморщившись, сказала Лиза. — Ну что ты во все лезешь?

Юлька с удивлением посмотрела на Лизу, и ей сделалось страшно.

На следующее утро с полпути Лиза вернулась домой, сказав Юльке, что плохо себя чувствует — ее тошнит и кружится голова.

— Ты скажи там мастеру, какая я сегодня работница.

Юлька весь день тревожилась за нее. Куракину на вопрос, почему сегодня нет Лизы, она ответила, нисколько не задумываясь:

— Мороженого наелась, горло болит.

Вечером ни Лизы, ни Алевтины дома не оказалось. «Какой же сегодня день?» — подумала Юлька. И ответила сама себе: среда...

Она опустилась на табуретку у окна. Отсюда хорошо была видна остальная часть комнаты с кроватями Лизы и Алевтины.

На глаза ей попался Алевтинин чемодан. Юлька поднялась, подошла поближе, нагнулась. Узла с оренбургскими платками не было. Юлька вспомнила: среда — базарный день.

В двадцати минутах ходьбы от поселка по средам и воскресеньям открывалась барахолка. Тут торговали всем — от поношенных армейских сапог, шинелей, старомодных шапок и шляп до наскоро выстиранных и кое-как

реставрированных детских пальтишек. Под ногами хрустела подсолнечная лузга. И в любое время года над всем этим царил запах нафталина, лежалого материала, прелой кожи, пережаренных семечек и махорки, угрюмый запах старья. Но время от времени среди лежалых вещей мелькала какая-нибудь дорогая вещица и тут же бесследно исчезала.

Как-то на этом базаре Юлька покупала себе варежки. С чувством стыда и неловкости смотрела она, как ее новенькая пятерка исчезла во внутреннем кармане пальто мордатого парня, торговавшего варежками любых размеров и расцветок.

Юлька боялась обнаружить у Лизы повадки того самого мордатого парня. Ей было наплевать на судьбу Алевтины, на все, что связано с нею. «Спекулянтка несчастная! А тихоней прикидывается», — со злостью думала она, стоя над ее кроватью. Юлька даже в сердцах пнула ногой чемодан, угол которого нахально высывался из-под кровати. Но Лиза оставалась для нее чем-то светлым и тревожным, нуждающимся в защите.

Она менялась на глазах. Тяжелела поступь, и во всей фигуре Лизы, в ее движениях — и когда она подносила ко рту стакан или неторопливо расчесывала перед зеркалом светлые с неярким бронзовым отливом волосы, и когда умывалась над тазом посреди комнаты — появлялась какая-то ленивая бережливость к себе.

Юлька представила, как Лиза толкается сейчас в этой толпе, и вспомнила, как в столовой Лиза попросила подать ей стакан сметаны. Она просила стакан сметаны, а Юлька увидела в ее глазах иное. Словно Лиза прятала что-то от всех, берегла, радовалась и видела такое, чего никому и никогда не увидеть...

Юлька чуть не заплакала от сознания своей беспомощности.

Она опомнилась, когда была на полпути к больнице.

Смеркалось. В поселке то тут, то там начинали загораться огни.

Дежурная сестра не поняла сначала, чего хотела Юлька, но потом смягчилась и позвала врача.

— Ну хорошо, — сказал высокий, костлявый, с лошадиным лицом мужчина в белом халате, — а на завтра вы отложить не можете?

— Не могу, — сказала Юлька.

Он еще помедлил и послал медсестру за Наташей.

Юльке казалось, что прошло несколько часов, пока в тихом больничном коридоре прошелестели шаги.

Наташа вышла бледная, в нелепом байковом халате, обняла Юльку, прикоснулась к ней щекой, и они вышли на пустынный больничный двор, где стояли садовые скамейки.

Юлька хотела сказать Наташе прямо, сразу, сказать приблизительно такими словами: «Наташка, с Лизой беда... сейчас, вот в эту минуту с Лизой беда, и я без тебя больше не могу».

Наташа зябко куталась в халат, придерживая его у горла.

— Ну как ты тут? Я звоню каждое утро из проходной. Всегда отвечают одно и то же: «Состояние средней тяжести».

— Да,— отозвалась Наташа и, помолчав, спросила: — Юлька, ты когда-нибудь видела, как умирают люди?..

Наташе было холодно, и она все крепче стягивала у горла воротник халата.

«Нет, это не о тете Маше,— подумала Юлька.— Она бы не так говорила».

— Ты помнишь ту женщину в нашей комнате?..

Юлька помнила: выражение отрешенности на белом лице больной, ее неподвижное, накрытое простыней тело, вытянутые прозрачные руки. И ничего не сказала о Лизе.

4

За столом, подперев щеку рукой, перед тарелками с солеными огурцами, колбасой, нарезанным крупно хлебом сидела Алевтина. Лиза, бледная, разметав по подушке волосы, лежала на кровати. Она дышала тяжело и трудно, и кофточка ее была растягнута вся — сверху донизу.

Юлька сразу поняла, что здесь произошло: на столе стоял Лизин стакан с недопитым вином и наполовину опорожненная бутылка.

Как Юльке хотелось подойти и ударить по сытой, пьяной физиономии Алевтины. А та отняла от щеки руку, взяла бутылку, нараспев, перевирая, прочитала надпись на этикетке: «Азербайджан...», налила вина в свободный стакан и щедрым жестом протянула его Юльке:

— Пей, ученая! Мир с тобой заключить желаю. Добрая нынче я!

Юлька резко оттолкнула протянутую руку со стаканом. Темно-розовое пятно портвейна расплзлось по столу.

— Краденым угощаешь? Что... Что ты с ней делаешь? — крикнула Юлька. — Уматывай ты от нас! Жили мы без тебя не богато, зато честно!

Несколько мгновений Алевтина тупо смотрела на Юльку, и глаза ее наливались злобой.

— Ишь ты... Раскудахталась... Да против меня ты сосулька лядащая. Гляньте на нее, люди добрые!

Лиза пошевелилась и вяло махнула рукой, прося их замолчать. Юлька бросилась к ней.

— Плохо тебе, да? Плохо? Сколько раз я тебе говорила: не связывайся ты с этой спекулянткой.

Алевтина, опираясь руками о стол, поднялась и подбоченилась:

— Я спекулянтка? Это я-то, трудящая женщина, спекулянтка?

Лиза, болезненно морщась, выдохнула:

— Алевтина, выдь на минутку.

— Почему я выйти должна? Здесь хочу быть. Нынче много сказать ей положено.

— Да выйди ты, картошка пережарится.

— Картошка? — переспросила Алевтина. — Верно, картошка, — добавила она и, задев бедром за край стола так, что звякнула посуда, вышла.

— Лизка, Лизонька, — быстро заговорила Юлька. — Ну зачем это тебе, зачем? Ведь это же позор! Неужели ты не понимаешь?

— А что мне делать? — глухо спросила Лиза, глядя в потолок. От нее пахло вином, и это было для Юльки самым тягостным. — Тебе легко рассуждать, — добавила Лиза. — Ты одна, одна и будешь. А мне на черный день обязательно надо. Приданое, одеяльце теплое, костюмчик, ползунки. Что ты в этом понимаешь?.. Учишь, учишь, душу мне измотала. Вон валенок на зиму нет, а ведь ребенка я жду, ребенка, пойми ты! Или тебе все равно?

Она приподнялась на локте, заглянула Юльке в лицо, и Юлька почувствовала, что Лиза вот-вот заплачет. Но не столько слова Лизы, сколько отчаяние, прозвучавшее в ее голосе, не оставили от Юлькиной уверенности ничего.

— Можно в кассе взаимопомощи взять. Профком даст.

— А ты бы смогла пойти и сказать: «Дайте мне, я в отпуске была, и теперь ребенок у меня»? Ведь люди так и думают, хоть расколись я, доказывая, что замуж выходила.

Ведь чужие люди-то. А ты все на Алевтину... Она добрая. Вон платок мне дала пуховый.

Лиза сорвалась с постели к вешалке, сдернула платок, накинула на плечи и, скрестив на груди, завязала концы за спиной.

— Вот, грудницы не будет. Мать моя носила такой, когда беременна была.

Лицо ее некрасиво сморщилось, и она заплакала.

— Ты все учишь и учишь, — повторила она сквозь слезы. А я что, неживая?

Неся перед собой сковородку со шкварчащей картошкой, вошла Алевтина.

Спекулянтка, — продолжала она недосказанное. Пока ходила на кухню, она придумала, как побольнее ударить Юльку. — Спекулянтка. А сама-то ты кто? Мне про картошку рассказывали... Воровка. Воровка ты и есть.

Юлька стиснула кулаки так, что ногти врезались в ладони. Она двинулась вперед, обогнула Алевтину и, не ощущая в душе ничего, кроме пустоты, пошла к выходу.

Глава девятая

1

Трое мужчин в проходе возле карусельного приковывали внимание всего цеха. Они не повышали голоса, не размахивали руками: образовав небольшой кружок, они просто стояли друг против друга и разговаривали. В депо подавался паровоз на межпоездной ремонт. Его привели с дальнего разъезда — выплавились дышловые цамовские втулки. Всего лишь два часа назад он вышел на линию из подъемочного ремонта — на нем были сменены колесные пары, буксы, трубы котла. Запрессовку втулок из ЦАМа, выточенных в механическом цехе, и центровку дышла выполняла бригада ремонтников Бондаренко.

— А что же вы хотите? — угрюмо спрашивал Бондаренко, глядя мимо Быстрова. — ЦАМ есть ЦАМ. Ни люди к нему не привыкли, ни паровозы...

Всегда выдержанный, спокойный и даже, на первый взгляд, очень спокойный, начальник депо отвечал ему нервно, подгоняя одну фразу к другой:

— Я не буду тебе объяснять сейчас, Бондаренко, нет вре-

мени. Весь Советский Союз ЦАМу верит, и только твой паровоз вернули с линии: видите ли — выплавились дышло-вые втулки.

— Слабый металл, — упрямо твердил Бондаренко.

— Слабый он потому, что ты ему не веришь!

Длинный, сухощавый Цыганков, возвышавшийся над ними, по-птичьи поглядывал то на одного, то на другого, и было видно, что на этот счет у него свое мнение. И он высказал его, как только замолчал Бондаренко.

— Я, Федотыч, тебя понимаю. Но и ты меня пойми. И вы, товарищ Быстров, разберитесь. Я свое сделал: выточил втулки. Федотыч их принял. Так, Федотыч?

Бондаренко молчал.

Втулки не были прослаблены? Не были. Натяг был в норме? В норме. А хорош ЦАМ или плох ЦАМ, по мне дайте наряд хоть на деревянные..

Юлька слышала, о чем говорили между собой Быстров, Бондаренко и Цыганков. Для депо — это настоящий скандал. Теперь пойдет шум по всей дороге. Вон и Пашка Куракин, растачивавший буксу, поглядывал на спорщиков — тоже, видать, переживает. «Семерка» посвистывала на высоких оборотах, гудел Пашкин карусельный, временами заглушая слова говоривших. Да в конце концов Юлька это прямо и не касалось. Мало ли было аварийных ремонтов?

Вчера, когда она ушла из комнаты, оставив за собой плачущую Лизу и торжествующую Алевтину, в ней словно что-то надломилось. Она даже почувствовала, как это произошло. Спокойно и ровно забилось сердце, в сознании образовалась пустота. И эта пустота отгораживала сейчас Юльку от Пашки Куракина и от той беды, что неожиданно-нагаданно свалилась на депо.

День выдался пасмурный. В механическом и в ясные-то дни не хватало света, который давали три высоких узких окна, а в такую погоду, как сегодня, здесь стояли серые, как туман, осязаемые сумерки. Лампочки в цилиндрических абажурах над шпинделем каждого станка излучали желтый маслянистый свет. Такой же свет падал и на Лизу, стоявшую за станком справа от Юльки. Тонким светящимся шнурком он обводил Лизин профиль. И Юлька не испытывала ни злости, ни обиды, ни даже беспокойства за то, что уже случилось, и за то, что может произойти с Лизой завтра...

С аварийного паровоза снимали дышла. Через цех взад и вперед сновал электрокар. Несколько раз приходил в механический и возвращался к месту разборки Цыганков. В конторке часто трещал телефон, его тоненькие слабые трели тонули в мощном гуле депо.

Наконец провезли тяжелые паровозные дышла. Снова появился Цыганков с аварийной втулкой и двумя эскизами в руках.

Фактически только одна втулка вышла из строя, но так как причины аварии не были выявлены и предполагали, что виной всему некачественное литье, было решено сделать обе втулки из другой партии отливок.

Цыганков остановился возле Юльки, пятерней прилепнул эскиз на лоснящийся от масла кожух ее «семерки» и сказал хмуро:

— У Чекмарева шток с поршнем. Малахов — сама знаешь — уровень повышает. Придется одну втулку точить тебе. Смотри!

Другой эскиз мастер положил на станину станка Жоры Бармашова.

Это был второй случай, когда Юльке поручали такую работу. В первый раз (всего несколько дней назад) она волновалась, переживала, обдумывала каждое свое движение. А сейчас сама удивилась своему спокойствию...

Стружка тянулась тоненькой серебряной лентой: признак того, что мягкий, вязкий металл сплава скоро «засалит» резец. Вот над резцом появился синеватый дымок, раздался скрежет, и кончик резца будто оплавился. Юлька спокойно остановила станок, вынула резец, потрогала оплавленное место. Оно напомнило ей осколок метеорита, который нашли в детдоме в Дмитровке давным-давно. В тот год особенно много падало метеоритов, и Вера Андреевна сказала, что такое бывает и что это называется метеоритным дождем...

На заправку резца ушло минут пятнадцать — двадцать. Но Юлька все еще не торопилась, хотя отлично знала, что всего ей отпущено около часа. От нее втулка пойдет к ремонтникам, а через два часа паровоз должен уже выйти на линию.

При аварийном ремонте каждая минута на счету. Недаром начальник депо ходит сейчас из корпуса в корпус, глубоко засунув руки в карманы, и, должно быть, чувствует, как на его запястье тикают, торопятся часы.

А Юлька не торопилась. Она поставила щитки, чтобы

стружка не разлеталась слишком далеко. Мелькнула мысль, что не мешало бы сделать замер втулки. Но тут же она решила, что еще рано.

Появился Цыганков.

— Ну как, Гранина?

Юлька, занятая своими мыслями, не отозвалась.

— Да ты что, не выпалась, что ли? — обозлился мастер. — Бармашов работу закончил десять минут назад, а ты копаешься!

Юлька молча сняла втулку, промерила штангелем: наружный диаметр оказался меньше заданного на четыре десятых миллиметра.

— Ну, чего? — спросил Цыганков.

— Кажется, прослабила... — Юлька подала ему штангель и втулку.

— Да ты ш-што? — оторопел Цыганков. — Четыре десятых!

Лишь теперь, глядя на Цыганкова, Юлька поняла, что случилось непоправимое. Аварийный паровоз выйдет из депо с большим нарушением графика. И виновата только она одна.

Юлька стояла у станка, опустив голову, касаясь кончиками пальцев станины.

В цехе появился начальник депо. Мастер доложил ему о случившемся, и Юлька услышала раздраженный голос Быстрова:

— Гранина?.. А ты где был? Все начальниками заделались? Где Чекмарев?

— Поршень со штоком у него установлен, — ответил Цыганков.

— Снять!!! — Быстров рубанул рукой воздух. — Повторную установку оплатить как срочно аварийную.

2

На другой день Юльку вызвали в комитет. За столом, покрытым новеньким кумачом, сидели знакомые ей ребята.

— Ругать будете? — хмуро спросила Юлька.

— Зачем ругать, поговорить надо, — ответил Сеня Лебедев. — Да ты садись, чего стоишь-то? — Он провел рукой по жесткому ежику волос.

Вдоль стен было много свободных стульев, но посередине

комнаты на самом виду стояла табуретка. «Для меня приготовили, как для подсудимой. Пожалуйста, сяду, если хотите. Подумаешь, воспитатели». Шумно вздохнув, Юлька села.

Сеня словно угадал ее мысли.

— Вот ты сидишь, Гранина, и злишься на всех нас.

— С чего ты взял? — Юлька пожалала плечами.

— Видно. Ты как считаешь, случайно это произошло или неслучайно?

— Что произошло?

— Ну, со втулкой. И... вообще...

В это время открылась дверь и вошел Бондаренко. Не выбирая места, он сел на ближайший стул, справа от Юльки. Сеня Лебедев удивленно посмотрел на него и снова перевел взгляд на Юльку.

— В соревновании не участвуешь, на субботники по сбору металлолома не ходишь! Другая пришла бы да вину свою признала, а ты задаешься! — затараторила хорошенькая Симочка из бухгалтерии.

На Симочке белоснежная, тщательно отглаженная кофточка, очень обдуманно открывавшая нежную шейку. У нее белые пухлые ручки с маникюром и модная прическа «домиком».

Юлька зло передразнила ее:

— Трах-тах-тах! А ты пришла на субботник, да наверняка ни черта не делала! Где тебе с таким маникюром лом собирать!

Симочка вспыхнула:

— А вот и была и работала не хуже других!.. С ней похорошему, а она...

— Ты лучше нам ответь, — сказал Сеня, — почему не напишешь нового социалистического обязательства? Все комсомольцы имеют индивидуальные сообязательства, а у тебя пожелтевшая бумажка второй год висит на тумбочке!

— Потому... Надоело мне все, понятно?

— Ну зачем ты так? — поморщился Лебедев. — Я уверен, ты думаешь совсем не то, что говоришь...

— А ты не пой перед ней соловьем! — возмутилась и одновременно удивилась Симочка.

Юлька смотрела на знакомые лица и думала: «Ну чего они ко мне привязались?»

— Что же ты молчишь, Гранина? — спросила Вера, старшая нормировщица депо, но с таким равнодушием и отчужденностью, что Юлька окончательно вспыхнула:

— А вам все равно, Вера... Я вижу! Что вам какая-то Юлька Гранина!

— Безобразие, какое безобразие,— вознегодовала Вера. Все в комнате заволновались, заговорили.

— Тише, спокойнее, товарищи! — Сеня вышел из-за стола, хлопнул крышкой пластмассового портсигара, доставая папиросу, чиркнул спичкой, затянулся. Пустив вверх струю дыма, он сказал:

— Права Сима, злая ты какая-то, колючая. Втулку вчера заporола. Срам на всю дорогу — межпоездной ремонт сорвали...

— Знаю,— перебила его Юлька.— Знаю и вины с себя не снимаю!

— Так почему ты это сделала?

— По невнимательности. По рассеянности,— с вызовом ответила Юлька.

— Ничего себе — рассеянность! — развел руками Сеня.— Тебе доверие оказали, на тебя надеялись... «По рассеянности», — передразнил он.

Юлька опустила голову.

Если бы они знали, как тяжело ей сейчас!.. И дома и на работе. Но у нее и в мыслях не было рассказать им про Алевтину, про историю с Лизой, с Наташей, про беду брата, про все, все...

— Нет в тебе чувства ответственности,— громил ее тем временем Сеня Лебедев.— Нет чтобы лишний раз штангелем к детали приложиться — она на глазок! Теперь вот Цыганков и слышать о тебе не хочет.

Упоминание о мастере доконало Юльку. Она со злостью и с презрением оглядывала замкнутые лица сидевших перед нею ребят. Только здоровяк Сазонов смотрел на нее с неммым вопросом. «Ну чего же ты?» — словно хотел сказать он. Юлька поднялась и, улыбнувшись ему одному, сказала:

— Виновата. Исправлюсь. И нечего мне здесь больше делать.— Она быстро вышла, хлопнув дверью. И, кажется, вовремя вышла, потому что на лестнице не выдержала и разрыдалась.

— Юлька! — услышала она голос Бондаренко и еще быстрее заспешила к выходу.

Долго шла Юлька вдоль линии, потом взобралась на железнодорожную насыпь и села в раздумье.

Стоял прохладный августовский вечер. Где-то совсем рядом лязгали вагоны и пыхтел паровоз. Цепочка посел-

ковых огней, мерцая, бежала вдаль, и там, где маячила темная громада Хехцира, подступая к реке, эта цепочка как бы перебиралась на левый берег, возвращалась по нему обратно и здесь сливалась с россыпью городских огней.

Вот по такой же замкнутой кривой проходила и вся Юлькина жизнь. Юльке казалось, что она все время идет вперед, к чему-то стремится, а она, если приглядеться, как бы возвращалась к началу.

В просвете между домами за редкими деревьями растянулся Амур. Сюда не доносилось ни шороха его, ни всплеска, под каждым огнем далекого левого берега дрожали размытые мощным течением длинные блики.

Юлька спустилась с насыпи и пошла по безлюдному переулку Хасановской слободки. За высокими заборами лаяли собаки. На темной разъезженной дороге и дощатых тротуарах лежали неподвижные пятна света из окон.

За Амуром вспыхнула зарница и погасла. Немного погодя вспыхнула вторая, и снова наступила темнота. Юльке вспомнилась Дмитровка. Вот так же перед тем как двинуться в степь комбайнам, стояли тихие ночи — настолько тихие, что слышно, как звенит каждый колос.

Кто-то шел навстречу, но не по тротуару, а по колее, ступая мягко и четко. Вот человек вступил в полосу света, и Юлька узнала его: Андрей!

Насколько неожиданной была эта встреча здесь, в переулке, который за давностью лет сам не помнит своего имени, что Юлька вздрогнула и остановилась. В следующую секунду она метнулась с тротуара и прислонилась к темным воротам.

Но Андрей заметил и узнал ее.

— Юля! — позвал он, останавливаясь. — Ты что здесь делаешь?

Юлька молчала.

Андрей сошел с дороги и безошибочно двинулся к ней, маленькой, почти невидимой в темноте, прижавшейся к щербатым доскам старых ворот. Он взял ее обеими руками за плечи и повернул к свету, падавшему из окон ближнего дома на тротуар.

Юлька с нерешительным сопротивлением поддалась и стояла теперь перед ним, чуть запрокинув голову, полузакрыв глаза. Если бы кто спросил ее: «Что ты чувствовала, когда Андрей всматривался в твое лицо, отыскивая твой взгляд? Что ты чувствовала, Юлька, когда стояла перед ним,

маленькая, еще раз проигравшая сражение девчонка?» — она ничего не смогла бы ответить, потому что нельзя было найти этому названия.

Спустилась она по насыпи на другую сторону, и Андрей прошел бы мимо.

— Юлька, что случилось? — уже встревоженно спросил Андрей.

Она сделала движение, чтобы высвободиться, но он только крепче сжал ее плечи и слегка встряхнул.

— Тебя кто-нибудь обидел?

Юлька рванулась и крикнула:

— Оставьте меня! Не надо мне вашего сочувствия!

Андрей удержал ее.

— Давай сядем. Садись здесь. — Он первый сел на скамью у ворот и принудил Юльку сесть рядом. — Я, правда, немного устал, — сказал он. — Третий экзамен сегодня сдал. Еще два осталось. — Он тихо, почти беззвучно, засмеялся.

— Чего ты смеешься? — спросила Юлька. — Ты надо мной смеешься?

— Нет. Федотыч мне рассказал и про втулку и про комитет... Я только что оттуда, — сказал Андрей. — Не отчаивайся, Юлька. Всем нам чего-то не хватает. — Голос его звучал задумчиво и серьезно. — Я — сам по себе, ты — сама по себе, Пашка — тоже. Мы соберемся и подумаем, как нам быть... Я последнее время много думал над этим.

Юлька слушала его и не понимала, к чему он клонит, чего хочет. Что он за человек? И не могла разобраться.

Она подумала, что он говорит так только потому, что надо было сказать что-то необязательное, как бывает, когда один человек хочет утешить другого и не задумывается глубоко над причинами его горя.

3

Она не пошла на работу, как обычно, вместе с Лизой. Та ждала ее, нервничала — они ведь могли опоздать. Юлька нарочно тянула время, и Лиза, не выдержав, ушла первой с девочками из подъемки.

Юльку сегодня пугала встреча с цехом. И чем ближе подходила она к депо, тем невыносимее становилась ее мука. Она представила себе сострадательный взгляд Лизы, осуждение Цыганкова — и еще более замедлила шаги: Уйти бы

и никогда больше сюда не возвращаться! Что ее держит здесь?..

Юлька шла через пути. На стрелках в обе стороны от нее разбегались рельсы, раздваивались, расходились. Некоторые из путей упирались в тупики, другие уходили вдаль, и, казалось, им не было конца.

И вдруг пришла другая мысль, отчетливая, будто она читала ее: «Если я сейчас уйду, у меня никогда в жизни ничего не будет. Ни-че-го...»

Внутренне сжавшись, готовая защищаться, она вошла в цех.

Пашка, не отрываясь от карусельного, кивнул ей. Жора тоже поздоровался взглядом. На ее «семерке» рукой Цыганкова пришлепнут наряд. И это даже чуть-чуть разочаровало Юльку: как будто ничего не случилось — не было ни испорченной втулки, ни нарушения графика выхода паровоза, ни заседания комитета.

Но сама эта обыденность была необычной. Вспомнилась сцена из увиденного недавно фильма. Табун обезумевших лошадей, сметая все, несется по степи. Еще несколько минут такой скачки, и гибель: впереди обрыв. И вот один из табунщиков, пригибаясь к седлу, слившись с конем, скачет наперерез табуна. Сто метров, пятьдесят, десять... Наконец всего три метра отделяют его от громадного, запылившего всю степь, обезумевшего табуна. Всадник пристраивается, несколько мгновений скачет рядом с табуном, обходит его... И вот он уже впереди. По-прежнему опасен путь, по-прежнему безумная скачка, но уже направление диктует всадник.

А потом тишина. Низкий степной ветер шевелит стебли травы, медленно распрямляется ковыль, смятый конскими копытами. Пройдет час, другой, и ничто уже не напомнит о смятении.

Так вот и в Юлькину жизнь в эти дни вошло что-то новое, еще не осознанное ею до конца.

Работа ей предстояла несложная: выточить несколько валиков с тремя канавками на каждом. Послушный резец коснулся металла, заструилась стружка.

Бывают в жизни минуты, когда тебе вдруг покажется, что еще одно усилие — и ты поймешь, во имя чего пришел на землю. Не так, как это объясняет с потрясающей ясностью Сенья Лебедев. А поймешь «изнутри».

Андрей сказал: «Я сам по себе, Пашка тоже... Вот себе-

ремся все вместе и подумаем». Только сейчас до нее начал доходить смысл того, о чем он вчера говорил.

Юлька остановила станок, замерила валик: ровно сорок миллиметров. Она поставила резец, которым надо было пройти канавки, и, перед тем как снова пустить «семерку», осмотрелась. Куракин закончил буксу и готовился ее снять. Сутуло гнулся над ДИПом Чекмарев.

...В далекой Дмитровке жили дружно. К самым огородам подступало поле, о котором в колхозе начинали думать еще с зимы. Даже покрытое снегом, безмолвное, без единого тракторного выхлопа, открытое всем ветрам и снегопадам, оно жило в сознании каждого, кто хоть раз приложил к нему руки. И невозможна была бы жизнь села без этого поля.

Но Юлька помнила и то, что общее поле от индивидуальных огородов отделяла изгородь; она была невысокая, ее нетрудно было перешагнуть, но можно было и зацепиться.

«И цех наш, как то поле,— подумала Юлька.— У всех общая цель, общая задача. Но смена кончится, все разойдутся по домам — и точно стенами отгородятся друг от друга. У каждого своя жизнь».

Юлька снова включила станок, он взвыл, набирая обороты. Наметилась первая бороздка. Юлька не отрывала от нее взгляда. А мысли неслись и неслись.

Цыганков принимал работу. На куракинскую буксу он только посмотрел, прищурясь, расписался в наряде тут же и сунул его в карман спецовки. У Чекмарева взял наряд, даже не взглянув на работу. Выточенную Бармашовым деталь замерил, еще дольше задержался возле Лизы. Потом подошел к фрезеровщикам, а не к Юльке, как делал это прежде, покурил, вполголоса переговариваясь о чем-то с рабочими. В затихшем цехе их голоса звучали густо и устало.

Пять Юлькиных валиков, похожих один на другой как близнецы, стояли на станине «семерки». Цыганков бросил докуренную папиросу и растер ее носком сапога. Длинный, хмурый, он приближался к Юльке, на ходу вынимая штангель. Юлька на раскрытых ладонях протянула ему первый валик.

Цыганков замерил его, отставил. Юлька подала ему следующий.

Беря последний валик, Цыганков чуть помедлил и взглянул на Юльку, может быть только догадавшись о том, что происходит с ней. По молчанию мастера Юлька поняла, что с заданием она справилась.

В субботу из поездки вернулась Алевтина. Случись это за день-два до встречи с Андреем, Юлька, быть может, прокоротала бы ночь у плиты на кухне, чтобы избежать неприятных разговоров с проводницей. Теперь же она спокойно улеглась спать и проснулась лишь утром, когда занялась зарей.

Открыв глаза, она увидела собирающихся на базар Алевтину и Лизу. Вытащив из-под кровати чемодан, они набивали «товаром» клеенчатую кошелку. Юлька прикрыла глаза, но из-под ресниц продолжала наблюдать. Потом в окно смотрела на них, пока они не свернули за угол складского забора.

Общежитие еще спало, лишь из мужской душевой слышался плеск воды.

Юлька поднялась на второй этаж и постучалась в комнату Пашки Куракина. Никто не отозвался. Она толкнула дверь и вошла.

На ближайшей к дверям кровати, подмяв под себя подушку и придавив кровать своим грузным телом, спал кузнец Сазонов. Дальше, натянув на голову одеяло, лежал, сладко посапывая, Жора Бармашов: на тумбочке блестели Жорины толстые очки. Сам он, маленький и хрупкий, чем-то напоминал Юльке ее брата Гришу — щуплого, детдомовского, с тонкой шеей и острыми лопатками.

Слева у стены лицом вверх спал Пашка Куракин. Одна рука у него лежала так, словно он только что вытирал со лба пот, другая свешивалась с кровати. Юлька подошла к Пашке. Наверное, он уже проснулся, лицо его постепенно обретало жесткие дневные черты, и морщинки у глаз, стертые сном, проявлялись все отчетливее.

Она осторожно дотронулась пальцами до его плеча.

В следующую секунду Пашка открыл глаза и повернулся к ней. Несколько мгновений он молча разглядывал Юльку, потом рывком сел на постели.

— Паша, ты сейчас одевайся, я подожду тебя внизу, — тихо сказала Юлька. — Мы с тобой пойдем. По дороге я тебе все-все расскажу. Ты даже не знаешь, как ты мне нужен...

— Хорошо, — ответил Куракин, — я сейчас.

Барахолка, когда они пришли туда, гомонила, двигалась, переливалась из одного края в другой. Граммофон хрипло

играл старинный полузабытый вальс. Возле него, как солдат на параде, неподвижно стоял коренастый старик с прокуренной неряшливой бородой. Когда мелодия обрывалась, дед переставлял пластинку, крутил ручку, и опять из потертой до рыжины граммофонной трубы неслась непонятная, никому не нужная музыка.

— Где они могут быть? — отрывисто спросил Куракин. — Где они обычно стоят?

— Не знаю, где-то здесь.

— А чем торгуют?

Ошупью он взял Юлькину руку, и они двинулись через колыхавшуюся перед ними толпу.

— Прошлый раз торговали платками, — неуверенно ответила Юлька.

Пашка наконец отпустил ее руку. Закурил, прикрывая ладонью спичку.

Они прошли наискосок всю барахолку. Лишь намертво вбитые в землю прилавки заставляли Пашку сворачивать. Сквозь живые человеческие ряды, сквозь толпу он лез напролом, прокладывая себе дорогу плечами.

Они несколько раз пересекли барахолку из конца в конец, обошли ее кругом, то удаляясь от граммофона, то приближаясь к нему. Юльке казалось уже, что они не найдут Лизу и вообще не выберутся отсюда.

Вдруг Пашка остановился. И по тому, как напряглась его спина, Юлька догадалась: он увидел Алевтину и Лизу. Они действительно стояли тут. Рядом на земле лежали ржавые болты и гайки, грубо обтесанные топорщища, кучкой разложены на подостланной газете подозрительно новенькие радиодетали.

Лиза в одной руке держала серый «оренбургский» платок, в другой — черную хозяйственную сумку. Чуть поодаль от нее Алевтина бойко разговаривала с какой-то женщиной.

Куракин, не оборачиваясь, поманил Юльку. Он остановился шагах в трех за спиной Лизы. Невысокая старушка покупательница трясущимися руками примеряла пуховый платок. Видно, не первый раз она возвращалась к приглянувшейся ей вещи.

— Ну, уступи, молодка, — шамкала она. — Мерзнуть я стала к старости.

— Дешевле не могу, — ответила Лиза, глядя поверх ее головы.

— Уступи, век за тебя буду бога молить,— просила старуха, стараясь заглянуть Лизе в глаза.

На скулах Куракина заходили желваки. Помедлив немного, он решительно шагнул к Лизе.

— Привет, Лизок! Чего это ты такой хороший платок продаешь? Самой бы сгодился...

Лиза вздрогнула и резко повернулась к нему.

— А то мало их у нее! — вмешалась старуха.— Креста на ней нет. По рублю ведь я с пенсии-то откладывала. И не хватает пустяк... Так не уступит. Сама, поди, и половину не платила.

Лиза медленно заливалась краской.

— Сколько, бабушка, тебе не хватает? — спросил Пашка, запуская в карман руку.— Десять, двадцать рублей?

— Да всего-то пятерку,— ответила старуха.

— Прими, бабушка, от рабочего человека,— сказал он, протягивая ей деньги.

— Ой, да что ты, касатик! Что ты! — суетливо заговорила старуха.— Был бы жив мой сыночек, не убили бы его на войне...

— Бери! — почти приказал Куракин.

На выручку Лизе спешила Алевтина.

— О чем разговор? Берешь, что ли, платок-то? — спросила она старуху.

— Беру, беру,— засуетилась та.

— Возьми ты все это! — не выдержала Лиза и сунула Алевтине сумку.— На, держи,— повторила она и быстро скрылась в толпе. Среди разноцветных косынок, кепок, платков несколько раз появились и исчезли ее золотисторыжие волосы.

Растерявшаяся старуха стояла, прижимая к себе платок, и с недоумением поглядывала то на Пашку, то на Алевтину.

— Ну, прощай, бабушка,— сказал Куракин.— А с тобой мы еще встретимся!— зло добавил он, погрозив Алевтине пальцем.

Юлька едва поспевала за ним, стараясь держаться рядом. Ей было и легко и грустно. Легко оттого, что она считала — теперь все самое главное сделано, на ее плечах уже не будет лежать этот груз. А грустно оттого, что все так получилось нескладно — Лиза сейчас где-нибудь в углу плачет, и Пашка думает о ней невесть что. А Юлька все знает и не имеет права сказать ему правду.

Она осторожно взяла Куракина под руку.

— Все. Не пойдет она больше с этой бабой,— сказал он вдруг.

Юлька промолчала.

— Никогда не думал про Лизу такое, черт! — Пашка остановился, закурил. — Ну, не хватает. Так не голодная же! В депо узнают — вышибут в два счета. Быстров церемониться не станет. Да моя воля — я бы ее к станку больше не подпустил! — Пашка, говоря это, распалялся все больше. — Ну, Лизка! Вот видишь, Юлька, какая бывает обратная сторона медали. Ходит человек на работу. План худо-бедно тянет, разряд имеет, за руку с тобой здороваются! Обязательство вывесит в красивой рамочке! А выйдет за проходную — черт его знает что...

Пашка яростно выплюнул окурок.

— Рабочая честь... Вот тебе и рабочая честь!

Юлька подумала, что если не остановить сейчас поток Пашкиных обвинений, то уже никогда нельзя будет восстановить то, что когда-то зарождалось между этими двумя людьми. Да разве только между ними?

А он говорил и говорил. Юлька уже не различала слов, только слышала его голос.

— Паша...

Куракин замолчал и повернулся к Юльке...

— Вот ты говоришь, говоришь. А ничего ведь не знаешь... Для ребенка это. Она ведь ребенка ждет,— прошептала Юлька.

Загорелое лицо Куракина медленно становилось серым.

— Врешь! — хрипло выдохнул он. — Врешь!

— Нет, не вру,— так же тихо прошептала Юлька.

Уже в следующую секунду она поняла, что сказала не то и не так, но поправить ничего уже было нельзя. Пашка бессильно опустил руки.

«Что я наделала! Что я наделала!» — ужаснулась Юлька.

— Иди,— бесцветным от внутреннего напряжения голосом сказал Куракин. — Иди. Меня ребята здесь ждут. Обещал.

Отойдя несколько шагов, Юлька оглянулась. Пашка стоял посреди тротуара, широко расставив ноги, и никак не мог прикурить.

Остаток дня она пробродила одна вдоль берега реки. Долго сидела на старой перевернутой лодке. Слушала, как тарахтят моторки, как, пыхтя и отдуваясь, шлепая по воде

плечами, идут вверх широкобокие коричневые буксиры. За ними тянулись тяжелые длинные баржи. Амур нес бревна, серые шапки сена, подмытые с корнями кусты. Воду густо пятали ржавые круги пены. Начинался осенний паводок.

После полудня с левого берега потянул ветерок, принес горьковатый запах перестоявшейся полыни.

Юлька зашла в магазин, купила себе печенья и не уходила с берега до самого вечера.

Зажглись первые огни. Начали возвращаться рыбаки. Их лодки, выныривая из сумерек то слева, то справа, с тихим шуршанием притыкались к берегу.

В общежитие Юлька вернулась не сразу. Она еще посидела на скамейке в скверике, пока в окне ее комнаты не погас свет. Со страхом она ждала, что Лиза окликнет ее, и нельзя будет уйти от тягостного для обеих разговора.

Лиза, однако, не заговорила с Юлькой и утром. Похоже было, что сама стыдилась. В обед они столкнулись в столовой в очереди. Лиза покраснела и отвернулась.

За дальним столом сидел Куракин. Он цепко, непримиримо следил за Лизой, и руки его лежали на столе так, точно он собирался немедленно встать.

Прошло два невыносимо тягостных дня. А на третий в общежитии появилась Наташа.

Юлька бросилась к ней с радостным криком, плача и смеясь, обнимала, целовала ее бледное, застывшее лицо, говорила какие-то слова и не могла остановиться.

Она понимала: у Наташи горе — умерла тетя Маша. Неизбежность этого Юлька предвидела. Но что же, что же делать? Она усадила Наташу на своей кровати, а сама принялась собирать ужин.

Она заставила Наташу выпить чаю, сама сделала ей бутерброд с маслом. И боялась только одного — Наташа может подняться и уйти. Но Наташа сказала:

— Я останусь у тебя, Юлька. Можно?

В ответ Юлька только прижалась щекой к Наташиному плечу.

Тетю Машу хоронили на другой день. Юлька обещала Наташе помочь. Надо сообщить в цех, что она не придет сегодня на работу. Проще всего — попросить об этом Лизу. Но та тоже сама не своя. Несколько раз бралась расчесывать волосы и откладывала гребешок. Шла на кухню и возвращалась оттуда с таким отсутствующим видом, что на нее жалко было смотреть.

Юлька догадывалась, что сейчас испытывает Лиза. Она одинока оттого, что нет Алевтины и она осталась одна со своей бедой.

А Наташа и Юлька ведут себя так, будто Лизы совсем нет в комнате. «Да ведь она же думает,— мелькнуло у Юльки,— что мы ее презираем!»

— Послушай, Лиза! — заговорила Юлька, торопясь, не договаривая до конца слова.— У Наташки беда. Скажи Цыганкову, что я не приду сегодня. Ты ведь понимаешь, Лиза, ей надо помочь.

— Да, Юлька, я понимаю,— грустно сказала Лиза.— А ты... Ты на меня не сердись? — вдруг спросила она.

— Ну что ты, Лиза!

Лиза помолчала, взглядываясь в Юльку, и ушла.

Потом Наташа с Юлькой молча сидели в громяющем кузове трехтонки, стремительно летящей по шоссе. Постояли вместе над могилой...

Наташа так и осталась жить в общежитии. Ее поселили на втором этаже, в комнате Зинки Огневой, где оказалась свободная койка.

5

В воскресенье утром они все трое сидели у стола. Прогредев в коридоре тяжелыми сапогами, вошел Куракин. Лиза, сидевшая спиной к двери, испуганно оглянулась и замерла. Куракин снял с плеча гитару и остановился перед ней. Тяжелым взглядом он пересчитал их всех. Юлька никогда не видела Пашку таким: он был пьян.

— Сидите? — сквозь зубы спросил он и добавил, далеко расставляя слова одно от другого: — Что вы здесь сидите?.. И ты сидишь? — Это уже относилось к Лизе.— А мне можно присесть?

Пашка, не сходя с места, вытянул руку, нашарил стул, рывком пододвинул его и сел.

— Значит, съездила?..

Лиза не поняла. Пашка повторил:

— Съездила в отпуск, говорю? А сюда, стало быть, на кисленькое потянуло?

— Что тебе надо? — смертельно бледнея, спросила Лиза.

— А ничего... Посидеть с тобой. Полюбите нас

черненьких, как вы беленьких любили — с погончиками...

Юлька молча глядела на Пашку, и у нее почему-то мелькнула мысль, что мичман Володя уже был без погон, когда увозил Лизу.

Наташа, опираясь ладонями о стол, поднялась.

— Ты зачем сюда явился? — медленно спросила она. — Ты! — Голос ее прозвенел и оборвался.

Куракин поднялся тоже. Несколько мгновений они стояли друг против друга. Наташа за это время словно набралась сил.

— Любить изволите? А ты ударь ее за любовь свою поруганную, неузнанную, — сказала она тем же звенящим голосом. — За то, что в беду она попала! За то, что такому же, как ты, красавцу поверила! За то, что счастья ей хотелось! За то, что дите она не твое носит... Не можешь? Так чего же ты явился сюда?

С минуту Куракин осатанело смотрел на Наташу. Потом поднял над головой гитару, со всего маху ахнул ею об угол стола — в его руке остался только гриф со струнами — и медведем пошел к двери. Струны с кусками фанеры волочились за ним по полу.

— Стой! — снова зазвенел голос Наташи. — Я тебе говорю — стой!

Куракин, сбывшись, остановился. Он словно стал ниже ростом. Наташа, указав на обломки, потребовала:

— Собери...

Может быть, голос ее подействовал, может быть, Пашка неожиданно протрезвел, но он покорно опустил на колени и непослушными руками стал собирать обломки. Лиза, уронив голову на стол, рыдала.

Куракин ушел. А Наташа глядела в дверь до тех пор, пока в отдалении не затихли его шаги.

Глава десятая

1

Падал, падал снег... Ранний, медленный, он весомо ложился на ресницы и губы, и, подставив руку, Юлька чувствовала, как снежинки оседают на варежках. Снег пошел вчера вечером, валом валил всю ночь и к утру закрыл все: дома, дороги, голые тополя на шоссе. А давно ли она сидела

над Амуром, каждой клеточкой впитывая и чувствуя тишину, и солнце, и шелест воды о серую береговую гальку?

Снег падал и падал. Он смягчал гул голосов, рокот бульдозеров — смягчал, но не глушил. Хасановка доживала последние минуты.

В депо знали, что начнется штурм; знали, что подтягивается техника; знали, что на месте старого поселка запланирован железобетонный завод-гигант: в красном уголке депо на столе уже месяц стоял макет новой Хасановки.

И все-таки, когда утром в спальне еще общежитии кто-то ликуяще закричал: «Ломают!.. Хасановку ломают, братва!» — это прозвучало сигналом тревоги. Одевались стремительно, не попадая ногами в сапоги, нахлобучивая на ходу шапки, вываливались на улицу... До начала рабочего дня оставалось еще более часа...

Стоя на обочине дороги, вглядываясь в шеренги притихших машин, Юлька видела два деповских поселка: этот, обреченный на слом, растекающийся рябью старых крыш, и тот, что за ее спиной, — четырех- и пятиэтажный. Охристые стены его проглядывали сквозь снег. Казалось, что новый поселок вырос внезапно за одну ночь, пока они спали. А может быть, это снег, покрыв все ровным слоем, разделил оба поселка так же, как он разделил и очистил звуки: людской говор не смешивался с рокотом бульдозерных двигателей и торопливым скрипом шагов.

Шли последние приготовления. Люди ждали, растянувшись черной неровной цепью вдоль дороги.

От дороги старый поселок отделяла узкая, ничем не засаженная полоса. У крайнего дома, в нескольких метрах от которого, опустив тяжелые бивни на землю, похлопывал дизелем бульдозер, по щиколотки в снегу стоял сутулый человек. Позади него — женщина в платке и черном старомодном пальто. Юлька давно заметила их, но только сейчас узнала: это были Бондаренки — Федотыч и Горпина. Стояли они перед своим домом, доживавшим последние минуты: печь не топилась уже несколько дней — на трубе шапкой лежал снег, на крыльце была нетронутая белая пелена.

Среди машин возникло движение: кто-то из водителей нетерпеливо добавил газу. Толпа колыхнулась и вновь застыла.

Бондаренко пригнул голову и вдруг пошел прямо

в незакрытую калитку своего дома. Шаг его был сбивчив и неровен. Он поднялся на крыльцо, потянул на себя дверь, забыв, что сам же напоследок воткнул в пробой вместо замка палочку. Заторопился, подхлестнутый начавшимся движением в гуще машин, с отчаянием рванул дверь. Он не рассчитал усилий: пробой легко вышел из косяка.

Через минуту Бондаренко появился на крыльце, держа в руках перекошенную табуретку и какую-то рамку — может быть, ту, в которой на стене висели фотографии его погибших на фронте сыновей и повзрослевших, разлетевшихся в разные концы страны дочек. Он только теперь понял, что его видят все, улыбнулся — неловко и неумело.

На свободное пространство перед бульдозером вышел человек в брезентовой куртке с откинутым на спину капюшоном, в ватных штанах, втиснутых в кирзовые сапоги. Повернулся к машинам лицом, поднял над головой обе руки. Никогда еще Юлька не видела, чтобы к стройке приступали именно так. Было в этом что-то военное, и это волновало и тревожило.

Сразу взревели дизели. Бульдозер перед домом Бондаренко часто застрелял дымом. Человек в брезентовой куртке опустил руки. Машины двинулись. Хрястнул, покосился, рассыпался старый сарайчик в бондаренковском дворе. Еще через несколько секунд тупое лезвие бульдозерной лопаты уперлось в угол опустевшего дома. Посыпался с крыши, с наличников снег. Заскребли землю, выбивая позади себя черную пыль, гусеницы. Секунду-другую дом еще стоял. Потом лопнули и вылетели стекла из окон, перекосились рамы, внутри об пол ахнула штукатурка, и из пустых провалов окон клубами поползла седовато-коричневая, как после взрыва, пыль.

Снег таял на горячих капотах машин.

Нестройной гурьбой деповские парни и девушки прошли между машинами, пересекли чей-то двор с упавшим забором, миновали тупичок, в конце которого две женщины укладывали на салазки узлы с последними вещами.

Наташа пошла к своему дому, и Юлька поспешила за ней — этот обреченный на слом дом был когда-то и ее домом. Она сейчас не могла уже вспомнить лицо тети Маши, но, когда подумала о ней, на душе стало тепло и грустно.

К дому Наташи подошел тягач. Водитель и его напарник прыгнули на снег и принялись заводить трос вокруг дома. Водитель, сверкнув белыми на перепачканном машинным

маслом лице зубами, спросил девчат, обращаясь ко всем сразу:

— Ну что, жалко?

Юлька испуганно поглядела на Наташу. Та улыбнулась, пожала плечами:

— Конечно, жалко...

— Не горюй, молодая. Новый построим!

— Вам дай волю, вы постройте...— прозвучал сзади хрипловатый голос Гаврилы Чекмарева.

Юлька не видела, когда он подошел сюда. Водитель взглянул на него и ничего не сказал. Блеснув промасленными штанами, он полез в кабину. Тягач взревел, тронулся, и трос, петель перехлестнувший дом у завалинки, натянулся.

— Красота! Да здравствуют коммунальные услуги! — закричал Жора Бармашов.

— Во-во,— снова вмешался Чекмарев.— Не забудь уборную обновить. Вы же без теплой-то не можете...

— А тебе кто мешает теплую иметь? — рассмеялся Пашка.— Сам ведь дом строишь. Парок проводи туда, батарею поставь. А еще лучше — с электроплиткой!

— Да, строю! Я-то дострою! — почти выкрикнул Чекмарев и начал шарить по карманам, отыскивая папиросы. Он еще что-то сказал, но слов уже не было слышно: тягач поднатужился, дом крякнул и косо сдвинулся с места. Через минуту, когда тягач остановился, то, что было Наташиным домом, стало просто грудой полусгнивших бревен, пересохших досок, дранки, штукатурки и обрывков толя.

Дома больше не было. На том месте, где он стоял, остался неровный темный квадрат. На него падал снег.

В этом доме, после того как похоронили тетю Машу, Юлька была с Наташей. Пыль ровным слоем покрывала пол, стены, стол, стулья, пузырьки с лекарствами на тумбочке перед кроватью. Но больше всего Юльке тягостно было видеть овальное зеркало на стене: его словно затянуло холстиной.

Пока Наташа собирала книжки, белье, укладывала их в небольшой чемодан, Юлька стояла посреди комнаты, боясь прикоснуться к чему-нибудь. Когда они уходили, Наташа задержалась в дверях, долгим взглядом обвела комнату и вздохнула. Дверь она прикрыла за собой осторожно и плотно, навсегда.

На улице тогда их ждал Егоров. Он молча взял у Наташи чемодан и зашагал рядом. На нем была рабочая спецовка — он только что сменился, — и от него пахло паровозной гарью.

Поселившись наверху, Наташа каждый вечер приходила к Юльке и Лизе. Юлька знала, что она придет, и ждала ее.

Однажды Наташа появилась у Юльки раньше обычного в своем ситцевом будничном платице, в рабочей куртке с подвернутыми рукавами, без косынки. Юлька увидела ее сразу всю — от поцарапанных носков туфель до буйной копны светлых волос, увидела и поняла: с Наташей что-то случилось.

Глаза у Наташи необыкновенно синие и большие. Впервые после смерти тети Маши Юлька видела ее такой.

— Слушайте, девчонки,— сказала Наташа.— Аврал! Бери, Юлька, ведро и марш за водой! Лиза, давай тряпки, сейчас будем переворачивать вашу келью вверх ногами!

Два часа они втроем с веселой яростью скребли и чистили комнату. Они передвигали кровати и тумбочки, трясли одеяла, убирали скатерти и кружевные занавески, которые всюду повесила Алевтина.

— К черту! — бушевала Наташа.

Юльке ее жилище всегда казалось уютным и чистым. И вдруг — столько мусора, пыли, ненужного хлама. Она дважды выносила мусор в ведре на улицу. Наведя окончательный лоск, Наташа умиротворенно сказала:

— Эх, всю бы жизнь вот так перетряхнуть!

Юлька вспомнила это, пока они стояли с Наташей у разрушенного дома...

Снег падал и падал. Чекмарев зашагал прочь. Андрей, молчавший все это время, проводил токаря долгим взглядом, пока фигура его не затерялась в снегопаде.

Водитель тягача вместе с напарником освободили тротуар. Тягач, разбрасывая гусеницами ошметья снега, загрохотал к следующему дому.

Толпа на дороге не убывала. Наоборот, казалось, она даже росла. Наверное, не нашлось ни одного человека, который не был бы связан с Хасановкой.

Полвека назад здесь, среди таежного редколесья, рядом с небольшим, на два паровоза, кирпичным депо вцепилась в землю всеми четырьмя углами первая хата. По соседству поднялась вторая, третья... Редела вокруг тайга, рос поселок, рождались дети. Поселок разрастался в ширину, но от города его по-прежнему отделяла тайга.

Потом появились первые каменные дома, еще с узкими

окнами и низкими дверями, со своей печкой в каждой квартире, со своим дымом над крышей, с дощатыми сараями в тылу двора. А эти здания, в одном из которых разместилось общежитие и куда теперь с такими хлопотами переселилась старая Хасановка, здания с широкими окнами, в которых рамы не загораживают света, возникли уже при Юльке. Может быть, ей надо было глядеть во все глаза, а получилось так, что только сегодняшнее утро заставило ее увидеть рядом с Хасановкой, через дорогу от нее, новый прозрачный от окон поселок, достойный этого могучего, не затихающего ни на минуту депо с бесчисленными огнями по ночам, с металлическим голосом сортировочной горки.

Дом за домом с годами вырастала Хасановка-Вторая, кирпичная. И если сегодня рушили Хасановку-Первую, то это должно было отозваться смятением и болью в чекмаревском сердце — он строил за железнодорожной насыпью собственный дом. Другим тесна была уже Хасановка, как старый пиджак на плечах. Они расставались с ней, может быть, с грустью, но легко, как Наташа.

У Андрея тоже был здесь дом, он жил в нем со своей матерью. Но по тому, как он смотрел на строителей, Юлька догадалась, что Андрей давно рвался отсюда и рад, что это наконец совершилось. Ей тоже было немножко грустно. Ведь в этой слободе вошел в ее жизнь памятный глухой переулочек с побрехивающими во дворе псами, пятнами света на дороге и щербатыми воротами... Помнит ли Андрей об этом переулке?

Юлька посмотрела на Андрея. Она даже не предполагала, что он так много места занимает в ее жизни. Он сдавал экзамены, Юлька воевала с Алевтиной, хоронила тетю Машу и не догадывалась, что ждет, с нетерпением ждет, когда он появится снова в депо. Цыганков, хмурый, измятый, первым пошел навстречу Андрею из конторки, добрея с каждым шагом. В это мгновение Юлька простила мастеру все: все резкие слова, которые он сказал ей, и даже то, что он по-прежнему не признавал за Юлькой права зваться настоящим токарем.

Андрей здоровался с ребятами, шутил. Он похудел за время экзаменов, и Юлька с незнакомой ей болью видела его запавшие щеки и резкие морщинки у рта. Поздоровался он и с ней, бережно встряхнул ее руку и улыбнулся. Ничего, кроме искренней доброты и участия, в его глазах Юлька не нашла. «А что ты хотела?» — сказала она самой себе.

Глава одиннадцатая

1

Лизина беременность становилась заметной. Во время перерыва Юлька ни на шаг не отходила от Лизы, стараясь прикрыть ее от взглядов, но так и не уберегла. Цыганков однажды, перед тем как принять у Лизы работу, постоял подле нее, и губы его тронула усмешка:

— Что, голубушка, пожалуй, скоро в законный отпуск пора...

Лиза опустила руки, пригнула голову. И вдруг между Цыганковым и Лизой встал Куракин и сказал, четко выговаривая каждое слово:

— Мастер, твое дело наряды... Ты меня понял?

Цыганков вынул руку из кармана. Юлька подумала, что он сейчас оттолкнет Пашку, но Цыганков просто переложил штангель в нагрудный карман спецовки. Пашка упрямо повторил:

— Ты меня понял, мастер?

— А, идите вы все...— выругался Цыганков.— Привязался... Страдатель!

В комнату к девочкам Пашка больше не приходил. Но как-то Лизе нужно было поставить тяжелую заготовку в патрон. Юлька не могла отойти от станка — заканчивала резьбу на клапане. Пашка молча поднял заготовку, вставил в патрон и ушел к своему станку.

Лизу мало занимало то, что в цехе говорили о старой Хасановке. Все, что ожидало ее после рождения ребенка, было связано с новым поселком, молочной кухней, возможностью получить квартиру, устроить ребенка в ясли. По вечерам она говорила об этом с Юлькой и Наташей.

А сегодня получилось так, что со смены они пошли все вместе, гурьбой. Уже стемнело, и снег перестал падать. На том месте, где прежде стояла Хасановка, холодным пламенем пылали прожекторы, в их свете ковши экскаваторов носили землю. Над стройкой стоял ровный рабочий гул, сквозь который слышалась частая дробь пневматических молотков. Один за другим, шаря по снегу лучами фар, тянулись тяжелые самосвалы.

Юлька шла рядом с Андреем, когда Куракин кинул в Наташу рыхлым снежком. Другой снежок угодил Юльке в спину. Андрей, нагнувшись к ней, заговорщически сказал:

— Юлька, отомстим?

Он зачерпнул в обе руки снегу, сдвинул его, чтобы комок был поплотнее, и, не разгибаясь, ловко сбил с Куракина шапку. Пашка закрывался, увертывался, но скоро вся телогрейка его была густо испятнана снежками.

Завязался настоящий бой.

Вдруг Пашка перестал защищаться, взял Лизу за руки, повел ее в сторону. Случись это два месяца назад, Лиза осталась бы стоять и не подчинилась Куракину. На другой день, после того как Наташа выгнала его из комнаты, Пашка снова напился и далеко за полночь шумел у себя в общежитии. На работу он явился опухший, с нездоровым цветом лица, угрюмый. В таком состоянии пробыл еще дня три.

А Лиза вела себя так, словно не замечала его. И вот теперь в сумерках они отошли в сторону, подальше от снежков...

Андрей выбрал себе мишенью Жору. Но и тот в долгу не остался: один снежок угодил Андрею в лицо, другой в грудь. Жора бился, как лев, и прикрывал собой Наташу. Потом он переместился так, что прожекторы стройки оказались у него за спиной. Теперь он хорошо видел Юльку и Андрея, а тех слепил свет.

Андрей постоял, тяжело дыша, перекатывая готовый снежок из руки в руку. Потом выронил его и пошел прямо на прожекторы, словно растворился в их холодном свете.

Юлька двинулась за ним, они остановились в нескольких шагах от работающего экскаватора...

Когда экскаватор поворачивался и опускал ковш в яму, от него знакомо веяло жаром работающей машины. В полосах света, неподвижно лежавших на освобожденной от снега земле, медленно ползали бульдозеры. А за границей стройки горели костры. Дым от них, светясь, поднимался в темное небо.

— Знаешь, Юлька, ведь я служил в подразделении разведки, когда в армии был,— сказал после долгого молчания Андрей. Он произнес это тихо, как будто припоминал что-то, потом неожиданно повернулся к ней и заговорил быстро и сбивчиво: — Пойдем! Сейчас же пойдем ко мне. Мать чаю нам вскипятит. Зови всех!

И Андрей потянул ее за собой туда, где только что играли в снежки. Ребят они догнали у дороги.

— Айда ко мне! — сказал Андрей.

— Нет, пойдем лучше к нам, в общежитие. У нас колбаса есть и сыр,— сказала Юлька.

Пашка раскатисто рассмеялся:

— Ну, раз сыр да еще колбаса, двигаем!

Юльке показалось, что он ее неправильно понял.

— Да и Лиза устала,— сказала она.— Андрей далеко живет. А общежитие почти рядом.

Магазин еще работал. Они были чуть ли не единственными покупателями.

Стуча каблуками, они шумно ходили от прилавка к прилавку, выбирая, что купить. Ввалились в общежитие, нагруженные пакетами и кулками. Пашка не рискнул довериться Юлькиным запасам — из кармана его телогрейки торчал толстый, как полено, хвост чайной колбасы.

Дежурная заставила их вытереть ноги, стряхнуть снег.

У дверей Пашка с любопытством посмотрел на Андрея:

— Какой-то ты сегодня, Андрюха,— и неопределенно покрутил растопыренными пальцами у виска.

— Какой? — смеясь, спросил Андрей.

— Ударенный, что ли...

2

Стол оказался тесным для шестерых. Не хватило тарелок. Колбасу и сыр резали прямо на бумаге. Посуду собрали со всех тумбочек. Секунду Юлька колебалась — брать или не брать Алевтину чашечку, но взяла ее и тоже поставила на стол.

Юлька, сняв ботинки, уселась на кровати и поджала под себя ноги. Ей было уютно и хорошо. Рядом села Наташа. По другую сторону от нее оказалась Лиза. Андрей сел напротив.

— Я подозреваю,— сказал Пашка,— что кто-то припрятал именины на сегодняшний день.

— Нет,— в раздумье сказал Андрей.— Это я затеял. Зверски захотелось посидеть вот так, чтобы все вместе. Когда я служил в армии, у нас было подразделение. Его знала вся дивизия...

— Ну конечно, его узнавали по твоей фигуре издали,— язвительно заметил Пашка.

— Нет...— Андрей отрицательно покачал головой.— Мы дружили. В армии знаешь как? Все вместе. На учениях

посмотришь — один за всех, все за одного. А в нашем взводе ребята дружили особенно крепко. Понимаешь, Пашка, все дружили. Может, служба такая: подразделение разведки. Темень не темень, болото не болото, жара не жара. У нас никто ничего за душой друг от друга не держал...

По тому, как Андрей говорил, было ясно, что он не просто вспоминает. Когда вспоминают о прошлом, всегда немного грустно. Юлька знала это по себе. Стоило ей подумать о Дмитровке, или вдруг что-то напомнит запах смоленых лодок, шелест камыша в пойме узкой речки, — и безотчетная грусть овладевала ею. А Андрей не грустил. Ей показалось, что он говорит специально для нее, вкладывает особый смысл в каждое свое слово.

— Ну вот, вернулся я на гражданку, — продолжал Андрей. — Сначала без ребят скучно было, потом привык. А все-таки нашего взвода мне не хватает. Честно говорю... Сам над собой иногда издевался: дескать, вот, мол, армейский парень, без казармы жить не может. Потом...

— Да ты не тяни. Чего ты хочешь? — неожиданно серьезно спросил Куракин.

— Не торопи, Пашка. Год собираюсь сказать. Думаешь, просто? Помните, на острова ездили, чуть не до утра я с Федотычем говорил. А сказать так и не сумел.

— Говори прямо: чего ты хочешь?

Все посмотрели на него. И тут Юлька вспомнила недавний разговор Андрея с Федотычем, свидетелем которого случайно стала. Тогда смысл спора ускользнул от нее, а сейчас она как бы заново услышала весь разговор.

После смены Юлька с Наташей шли домой. Наташе был зачем-то нужен Андрей, и они догнали его за воротами. Он шел рядом с Бондаренко.

На какую-то реплику Андрея Бондаренко сказал:

— А вам все не нравится...

— Кому это «вам»? — спросил Андрей.

— Вам, которые на готовенькое пришли сюда... Знаешь, что на этом месте было, вот где ты стоишь сейчас? Кочки, да мошка, да комарье! Это депо мы с палаток почти начинали, с землянки.

— Ну и что? Ты напрасно думаешь, будто мне наплевать, что тут прежде было. За каждую каплю пота, что ты здесь пролил, спасибо. За это я своей кровью заплачу

готов. Но жизнь-то идет! Вот у нас теперь и ЦАМ, и бетон, и стекло... И расчет! Нельзя нам все с девятьсот тринадцатым годом равнять.

Андрей затынулся, и папироса осветила его лицо.

— Ты в «Правде» вчера проект Дворца съездов видел? Ничего лишнего — стекло, сталь, алюминий. Однако доведись строить такому, как ты, там, где балка сечением в двадцать сантиметров нужна, он двести закаты... Для дорогой твоему сердцу прочности.

Бондаренко слушал его, пригнув лобастую голову.

— Это, Федотыч, оттого, что не веришь ты нам. Только мы докажем, что верить нам можно.

— Ну-ну, докажете, — насмешливо сказал Бондаренко и серьезно добавил: — Я только рад буду. Вам жить...

— Чего я хочу? — Андрей повернулся к Пашке Куракину. — Изволь. Старые формы... так сказать, исчерпали себя... Новые нужны. Я хочу не только видеть, как ты работаешь рядом со мной за станком. Хочу знать о тебе все: как ты живешь, о чем думаешь, на что надеешься, о чем мечтаешь в конце концов! Я хочу, чтобы и ты знал обо мне все.

Юлька опустила ноги с кровати на пол. «Если бы у нас так было, — подумала она. — Все бы иначе получалось. Может быть, я и втулку не заporола бы тогда, и с Лизой ничего не случилось бы...»

И еще Юлька подумала: «Ну хорошо. Куракин помог вытянуть Лизу. Наташка вытащила его. Андрей меня за уши тащит и тащит. И все это случайно как-то, не обязательно. Пошел бы он по другой улице, и не было бы того переулка. Задержись Наташа в больнице на одни сутки — и страшно представить, что могло бы произойти между Пашкой и Лизой... Нехорошо, когда все случайно...»

— Ты говоришь, нельзя, как в армии? А я тебе и не предлагаю, как в армии. Я дружбу тебе предлагаю в бригаде, — сказал Андрей.

Жора, до этого молчавший, вдруг вскочил из-за стола и заходил, забегал по комнате. Взъерошенный, блестя толстыми стеклами очков, он остановился против Андрея. Тот, скрипнув табуреткой, повернулся к нему.

Едва не сбиваясь на крик от восторга, Жора проговорил:

— Черти! Этого же я ни в одном первоисточнике не встречал!.. Это же здорово! Будет у нас бригада, ребята. Новая бри-га-да!

Он неуклюже поправил очки и рванулся к двери.

— Ты куда, Жора? — спросила Наташа.

— Звонить! — смеясь, сказал Пашка.— Быстрову звонить и в райком! Куда же еще...

Андрей поднялся, вернул Жору к столу, усадил, приговаривая:

— Что у тебя за манера, Жорочка, всегда звонить? Тут еще думать и думать надо.

3

В Юлькином паспорте местом рождения названо смоленское село Рукавишниково. Она ничего о своей родине не знала и не помнила. Но иногда Юльку вдруг особенно остро начинала одолевать неожиданная нежность. Она подкатывала к горлу оттого, что вздрогнет и замрет голая тополиная ветка, скрипнет под ногами снег.

Почва заледенела раньше, чем лег снег, и он не смерзся. За ночь колеса самосвалов начисто согнали его с дороги, и до самого депо она тянулась темной лентой, а по бокам лежали невысокие рыхлые сугробы. Пахло прогорклым угольным дымом депо и паровозов. Но сегодня к этому запаху примешивался тонкий, напоминающий о весне запах гаснущих костров.

Лиза с Юлькой шли мимо Хасановки. У строителей как раз пересмена: машины замерли. Ближайший к дороге экскаватор, точно от усталости, положил облепленный глиной ковш на груды припорошенной снегом земли. Пятнами чернели костры, было тихо, и только где-то в глубине стройки четко, словно дятел, простукивал тишину движок.

Лиза немного отстала, и Юлька остановилась, чтобы подождать ее.

— Лизка, ты сердишься, что я тебя так рано подняла?

— Нет.

Юлька взяла Лизу под руку, и они пошли рядом.

— Не сердись, Лизок. Вчера столько наговорили, что я сама не знаю, почему проснулась ни свет ни заря... Понимаешь, Лизка, все только начинается...

— Что начинается?

Юлька не уловила в голосе Лизы скрытой горечи.

— У меня такое состояние — мне ничего не страшно. Всю жизнь чего-то боялась и вдруг перестала бояться. Цыганкова даже не боюсь, ну совершенно, что бы он обо мне теперь ни сказал. Теперь нас будет пятеро. Всегда пятеро! Вот мы идем с тобой двое, а нас пятеро.

— Нет,— глухо перебила Лиза.— Это не для меня...

Ее слова прозвучали так неожиданно, что Юлька даже остановилась:

— Ты с ума сошла... Что ты говоришь! Почему не для тебя?

Лиза усмехнулась:

— У меня своя жизнь.

Юлька взволнованно заглянула ей в лицо и встретилась с ее спокойным взглядом.

— У меня своя жизнь,— упрямо повторила Лиза.— Кому нужно возиться со мной? Разве что от бригады выделите кого в няньки. А знаешь (в голосе Лизы прозвучала усмешка), из Жоры нянька бы вышла!

— Лизка, да что ты говоришь! Ты думаешь, когда вчера говорили о бригаде, не помнили, что у тебя ребенок будет?

— Ох, Юлька...— Лиза помолчала и вдруг неожиданно резко сказала:— Может быть, и в метриках запишем, там, где отца пишут,— «Молодежная бригада А. Малахова»?

Юлька уставилась на нее.

Лиза отвела взгляд и безразлично пожала плечами:

— И понимай как хочешь... Не для меня это.

Юлька и сама не очень ясно представляла, как они будут жить и работать бригадой. Может, ничего и не выйдет. Но она еще никогда не испытывала такого чувства единения с людьми, как вчера вечером.

Вчера на бурный Жоркин возглас: «И работать по одному наряду!» — Пашка Куракин, подумав, ответил: «Это обмозговать надо». Андрей согласился, тряхнув головой.

И то, что ребята согласились не сразу, не вдруг, особенно взволновало Юльку. Вначале она верила им не до конца, а в это мгновение поверила. И тогда, упрямо стиснув зубы, она подумала: «Пусть ничего из нашей затеи не

выйдет. Пусть! Но я буду помнить, всегда буду помнить и этот разговор и этих людей».

«Я завидую вам...» — сказала вчера за столом Наташа. Порывисто прижавшись к ее плечу, Юлька ответила ломким от волнения голосом: «Все равно ты всегда будешь с нами, все равно!»

Весь вчерашний вечер Лиза молчала, и Юлька не заметила этого. А сейчас догадалась: и тогда Лиза думала о своем, о себе думала. И, может быть, невесело посмеивалась над Юлькиной наивной верой, и над Наташкиной грустью, и над ликующей взбудораженностью Жоры, над Андреем, над Куракиным.

Словно подтверждая эти Юлькины мысли, Лиза тихо сказала:

— Брось ты. Ребята просто отличиться хотят, а ты свое сердце мучаешь.

— Не смей! — горячо заговорила Юлька. — Не смей, слышишь! И все равно ты никуда не денешься! Ты в себя, как улитка, лезешь!.. Тебе добра хотят, а ты...

— А мне не надо добра. — Лиза встала перед ней бледная, сверкая глазами. — Я добра насмотрелась!

Юлька вдруг почувствовала себя намного старше Лизы. Она снова взяла Лизу под руку и, не говоря ни слова, пошла рядом. Когда они были уже у проходной, позади зазвучали голоса и скрип шагов: шла на работу дневная смена.

4

Они так и не решили, когда начнут работать по-новому. Андрей сказал: «Не будем спешить. Надо сделать точный расчет».

За все полтора года пребывания в цехе Юлька не знала ни одного случая, чтобы кто-нибудь что-то рассчитывал, принимая социалистическое обязательство. Просто на глазок определялся процент выполнения месячного плана и вписывался в обязательство. Но по мере того, как Андрей раскрывал свой план работы бригады, Юлька все больше задумывалась над его словами.

До этого в цехе работали так: получал токарь на обработку поршень со штоком, долго, прицелившись рейсмусом, устанавливал его на своем станке, а смена кончалась, громоздкую деталь приходилось снимать, чтобы освободить

станок сменщику, выполнявшему свой план. Наутро опять начиналась установка... И так несколько дней подряд, пока поршень обработают окончательно.

Бригадная работа позволила бы тому же Андрею передавать поршень со штоком «из рук в руки», не снимая его со станка. В этих условиях работу шестого разряда вполне мог бы выполнять и токарь четвертого, например Жора Бармашов. Кто-то, может, Андрей, а может, и Юлька, стал бы работать одновременно на двух станках — на своем и Жорином ДИПе. К тому же обороты Юлькиной «семерки» можно повесить еще процентов на сорок. А если изготовить приспособление к карусельному станку Пашки Куракина, то удастся заметно ускорить расточку букс.

Юлька понимала, что создание в цехе бригады обязательно повлечет за собой перестановку людей, изменения в технологии работы... Для этого и требовался расчет!

«Мы ремонтники,— говорил Андрей.— В цехе годами складывалась безбригадная работа. Представьте, сколько сложности мы внесем. Нас много — нам подавай больше работы. Придется ущемлять и милого цыганковскому сердцу Гаврилу Чекмарева. А уж он разделяет нас под орех, если мы где-то промажем...»

Все понимали, что работа бригады, если она возникнет, должна изменить всю их жизнь. Но как изменится ее, Юлькина, жизнь и в чем именно, Юлька не могла себе представить.

Пока, однако, они работали по-прежнему — каждый на своем станке, каждый по своему наряду.

Когда в школе были занятия, Куракин, держа под мышкой книги, заходил за Юлькой и молча ждал, пока она соберется. Юлька боялась заговорить с ним о бригаде и все-таки однажды спросила:

— Ну, как?

Пашка хитровато улыбнулся, как умел он улыбаться, и сказал, склонившись к самому Юлькиному уху:

— А ты девочка зоркая... Андрей-то твой, брат, голова!

Петляя меж станков, чистенькая, нарядная, нарочито медленно шла к Андрею Зинка.

Андрей нарезал поршневые кольца. Он не мог сразу оторваться от работы, и Зинке пришлось несколько минут

простоять перед его станком на виду у всего цеха. Юлька видела, как она недовольно хмурила брови.

Но вот Андрей, поймав левой рукой готовое кольцо, выключил станок. Зинка что-то сказала ему. Он улыбнулся, пожал плечами. Неожиданно слева умолк «шепинг». Стало слышно, как Зинка сказала:

— Ну хорошо, сегодня в восемь, на старом месте...

Андрей включил станок, заскрежетал и «шепинг». Рядом с Юлькой остановился Куракин. Он тоже слышал разговор.

— Вот баба! — сказал Пашка.

Юлька не ответила. Куракин постоял еще немного и добавил:

— А ты не вешай хвост. Никуда Андрей сегодня не пойдет, последние расчеты делает...

Юлька еще ниже склонилась над резцом. Ей было грустно и немного смешно слушать все это. Человек свободен выбирать себе друзей...

Вернувшись домой после смены, она не знала, чем заняться. Неожиданно в общежитии появился Андрей. Прежде чем подняться на второй этаж, к Пашке, он заглянул в Юлькину комнату.

— Ты никуда, Юлька, не пойдешь сегодня вечером?

— Нет, — тихо сказала Юлька.

— Хорошо. И ты, Лиза, не уходи. Сегодня соберемся. Ладно?..

Он старался не встречаться с Юлькой глазами и в то же время будто караулил ее взгляд.

Когда Андрей ушел, потянулись томительные, долгие минуты. Юлька принималась читать, выходила в коридор, возвращалась.

— Знаешь что, Юлька, — предложила Лиза. — Давай картошку варить. Картошки хочется. Вареной!

Юлька моментально согласилась. Вдвоем они начистили картошки. Плита на кухне топилась, но конфорок свободных не было. Юлька подождала, пока ребята из соседней комнаты доварят гороховый суп, и поставила кастрюлю на освободившееся место.

Гомон на кухне постепенно смолкал. Вскоре Юлька осталась совсем одна. Картошка была почти готова. Юлька посолила ее и вдруг замерла — в коридоре появилась Зинка.

Она прошла мимо дверей, вернулась и медленно вошла в кухню.

— Варишь? — с тихим бешенством спросила она.

— Варю...

Зинка налила чайник воды, с грохотом поставила его рядом с Юлькиной кастрюлей.

— Он у тебя? — вдруг резко спросила она.

— Кто? — не поняла сначала Юлька.

— Маленькая, не знаешь кто? Андрей!

Зинка повернулась к ней всем телом. Лицо у нее побелело, глаза сузились.

— Послушай, милая Юленька, слушай и запомни... — тихо-тихо сказала она. — Мы с тобой на такой тропинке встретились, где вдвоем не ходить. Таких, как ты, он на своем веку попробовался... Ты об этом меня спроси, у меня глаз наметанный... Всем вашим секретам, да шепоточкам, да собраницам конец будет.

Первые Зинкины фразы оглушили Юльку. Словно сквозь туман прорисовывалось перед ней бескровное Зинкино лицо, ее нервно подергивающиеся губы.

И вдруг Юлька успокоилась. Непобедимая Зинка Огнева стояла перед ней и требовала справедливости!

Юлька почувствовала, что в эту минуту она сильнее Зинки — не красотой, не умением одеваться (она была в своем зеленом платье с глухим воротничком), не женской опытностью. Она была сильнее тем, что сознавала: того, что требует для себя Зинка Огнева, ей, Юльке Граниной, мало.

Не дослушав Зинку до конца, Юлька сняла с плеча полотенце, взяла кастрюлю с картошкой и пошла к себе в комнату.

Ребята уже поджидали ее. Даже успели в комнате надымить. Жора подлетел к ней, принял из рук горячую кастрюлю и бухнул ее прямо на клеенку посередине стола.

— Ну, Юлька, не передумала?

Юлька догадалась, о чем он спрашивает, и покачала головой:

— Нет.

— Лизу мы тоже распропагандировали! — торжественно провозгласил Жора.

Лиза, задумавшись, сидела на своей кровати.

Пашка, накрыв ладонью стопочку бумаг на столе, сказал:

— Решено и записано. Завтра идем к Быстрову.

Глава двенадцатая

1

Быстров появился в депо за час до начала утренней смены. У себя в кабинете он выпивал стакан крепкого, почти черного чая, который готовила для него уборщица тетя Варя. Несколько минут стоял, глядя в окно. Потом его уже невозможно было застать на месте. То он в подъемочном, то в промывочном или в инструментальной кладовой, у диспетчера. В двенадцать начиналась планерка. А часам к четырем он, как правило, уезжал по другим делам.

Вот эти-то несколько свободных минут до начала работы ребята и выбрали для того, чтобы поговорить с начальником депо.

Сбор назначили у ворот депо. Андрей сказал, что будет ждать их в семь часов. В сумраке раннего утра они издали увидели его плотную фигуру.

Пашка достал мятую пачку «Прибоя». Ребята закурили от одной спички и двинулись мимо вахтера, удивленного их ранним приходом.

Пять минут ходьбы, двадцать три ступени на второй этаж. Первые слова, которые скажет Андрей Быстрову (они договорились, что разговор начнет Андрей), и дороги назад не будет. Юлька на мгновение представила себе, как они будут возвращаться, если Быстров не захочет их выслушать. Вот так они уже не смогли бы идти.

— Вы чего в такую рань? — раздался откуда-то сверху голос Сени Лебедева. Он стоял на верху пожарной лестницы, собираясь прибить к стене длинное, свешивающееся до самого пола красное полотнище.

— Да дело есть, — ответил Андрей. — А вот ты зачем туда взгромоздился?

Сеня ответил что-то невнятное.

— Чего, чего? — переспросил Пашка Куракин.

Сеня ударил молотком по гвоздю, промазал и, мотая ушибленной рукой, сердито сказал:

— Радио надо слушать!

Жора подошел к подножию лестницы, взял полотнище и, пятясь, растянул его во всю длину. Юлька увидела первые слова лозунга: «Все под знамена...» Лозунг в Жориных руках провисал, и других слов Юлька разобрать не смогла. Но по тому, как Андрей и Куракин переглянулись,

присвистнули, а Жора выпустил лозунг из рук и вяло прислонился плечом к воротам, Юлька догадалась, что случилось что-то необычное.

— Ты объясни толком,— хрипло попросил Андрей.

— Подробности на митинге. В шестнадцать ноль-ноль по местному... Начала Москва-Сортировочная,— сказал Сеня и стал спускаться вниз.

— Помогите лестницу переставить.

Андрей и Куракин двинулись к нему, а Юлька спросила у Жоры:

— Что случилось?

Бармашов снял очки, дохнул на них и, протирая стекла перчаткой, ответил:

— Доподсчитывались... Поздно, девочка. Завтра таких бригад, как мы затеяли...

— Каких бригад? — не поняла Юлька.

— А вот таких... «Все под знамена...» Мучились, мучились, расчеты производили...

С помощью Андрея и Куракина Сеня установил лестницу с другой стороны ворот и, зажав зубами край полотнища, снова полез вверх.

Жора, обращаясь к Андрею, унылым голосом произнес:

— Поздравляю, товарищ Малахов, с первооткрытием. Вы на верном пути...

— Ты еще заплачь,— грубо оборвал его Пашка.

— Новаторы! — Жора безнадежно махнул рукой и отправился в цех.

Андрей вдруг рассердился:

— Да разве в том дело, кто начал первый?.. Из-за этого я бы и связываться не стал!

В обед в цехе появилась газета. Она была вся перепачкана маслом и потерта так, словно по крайней мере месяц ее носили в кармане. С фотографии на первой странице спокойно и внушительно смотрели семь бравых парней в белых рубашках с галстуками. Фотограф снял их на фоне электровоза. Бильдаппарат где-то по дороге растерял живые черточки их лиц, и парни были похожи друг на друга. Ниже снимка через всю страницу напечатано: «Жить и работать по-коммунистически!»

Юлька прочла подпись под фотографией и обязательство первой бригады коммунистического труда, но в мыслях своих не связала это с тем, что они сами тут затевали. Вернула газету Жоре.

— Поняла? — спросил тот, блеснув стеклами очков.

— Ты, Жорочка, напрасно тревожишься. Ведь это совсем не то, о чем мы говорили.

— То, именно то. То самое!

Юлька умолкла. Ей вдруг тоже стало обидно, что кто-то опередил их.

Андрей, стоявший рядом, рассмеялся:

— Вот школяры! Чего вы носы повесили? Раз не только мы, значит, дело верное.

Его спокойные, до этого строгие глаза смотрели сейчас на Юльку внимательно, с немым вопросом. Почувствовав, что краснеет, Юлька опустила голову.

2

— На митинг, товарищи, на митинг! — торопил всех Сеня Лебедев.

Просторный подъемочный цех уже был забит народом. Люди стояли на деревянных платформах, на верстаках, на лестнице, ведущей к мостовому крану. И над толпой плакат: «Все под знамена бригад коммунистического труда!»

Стоял приглушенный гул голосов.

На паровозной площадке появились Сеня Лебедев, Быстров, секретарь партийной организации депо Шлыков.

Шлыков прокашлялся и открыл митинг.

Первым выступил Сеня. Говорил он долго, размахивая газетой, зачитывая обязательства бригад, которые уже начали создаваться по примеру коллектива депо под Москвой. Но речь его не тронула Юльку. «Неужели то, о чем мы столько времени говорили, из-за чего волновались, на самом деле так неинтересно?» — удивленно подумала она. Сеня выбросил вперед руку, и Юлька догадалась, что сейчас он закончит лозунгом. И он крикнул:

— «Все под знамена бригад коммунистического труда!»

По одному начали всходить на паровозную площадку ораторы. Протрезвонила написанное заранее хорошенькая Симочка из бухгалтерии. Размеренно, завершая каждую фразу, выговорила положенное ей Вера — старшая нормировщица, Наташина начальница. И только кузнец Сазонов замешкался на полуслове, переступил с ноги на ногу и под общий гул полез с площадки.

— Да,— насмешливо протянул стоявший сзади Чекма-рев.— Это точно... Это верно...

В подъемочном наступила тишина.

— Ну вот, вы знаете все,— раздался голос Шлыкова.— Это дело касается всех нас.— Он помолчал немного и спросил: — А знаете, с чего начинали мы с вами, товарищи? С «овечки»...

В толпе раздались смешки.

— Были когда-то такие паравозы ОВ. Низенькие, с высокой трубой, с большим фонарем.

Шлыков улыбнулся. Костлявый, сутулый, в черном пальто, из-под которого выглядывал лохматый свитер, он стоял, держась обеими руками за поручни, и терпеливо ждал, когда в толпе успокоятся.

Юлька немного знала о нем. В сорок первом (в год Юлькиного рождения) Шлыков сопровождал в эвакуацию состав с оборудованием Киевского депо. Когда поезд проходил мост на Днепре, его бомбили немцы. Взрывной волной Шлыкова выбросило с тормозной площадки. Только чудом не задев стальной фермы моста, он спиной ударился о воду. Пришел в себя и выплыл, с тех пор болел.

— Да, мы начали с «овечки» за номером 7024,— снова сказал Шлыков.— Я тогда мальчишкой был. Отец у меня в депо работал, под Москвой. В восемнадцатом году на фронт ушел. Одни мы с матерью остались. Голодухи хватили, как сейчас помню.— Шлыков говорил негромко.— Я бы никогда не запомнил этого дня, если бы не случай. Мать велела мне снести корзину белья в красноармейские казармы, что рядом с депо были. Назад я двинулся прямо по линии. Думаю, уголек какой попадет — очень холодный апрель выдался. Нас, пацанов, охрана никогда не задерживала. Мы и шатались «меж двор», как тогда говорили. Иду мимо депо, а там свет — колышется по стеклам да по рамам, словно внутри костер горит.

Зашел в депо, а там паровозов мертвых видимо-невидимо. В углу люди факелы жгут, работают. Что меня дернуло, не знаю, может, долго один шел, по людям соскучился, а может, родным, отцовским запахло. Словом, пошел на факелы, к огню поближе.

Вот приди такой мальчонка к Бондаренко, когда он над паровозом колдует...— Шлыков пошарил глазами по толпе, нашел Бондаренко и улыбнулся: — Ты бы его, Федотыч, прямым ходом домой отправил, с провожатым... А со мной

знаешь как было? Слез с паровозной будки человек, присел передо мной на корточки. В сапогах, перетянутых бечевкой. Лицо от холода и копоты — сизое. Кондукторскую фуражку по самые уши нахлобучил. Руки красные, настывшие. Взял он меня этими руками за плечи, повернул к свету: «Ты чего, говорит, сюда залетел, воробей, замерз?»

Я ответил, что замерз, конечно. Домой иду. А он засмеялся: «Погрейся,— говорит.— У нашего огня скоро вся Россия греться будет. Подрастешь, вспомнишь».

Это было, ребята, девятнадцатого апреля тысяча девятьсот девятнадцатого года...

Когда Шлыков сказал «ребята», голос у него дрогнул, словно споткнулся. Наверное, он хотел сперва сказать «товарищи», но почему-то не сказал.

— Мать меня выпорола. Я только под утро из депо-то ушел. Все смотрел, как кувалдами втулки в дышла загоняли. Колесные пары на руках переносил. Года три спустя, когда в ячейку комсомола вступил, узнал, что это был первый коммунистический субботник. А железнодорожника того, что в кондукторской фуражке был, и сейчас бы узнал. Отца в лицо вспомнить не могу, а его помню.

Шлыков закашлялся, достал платок, вытер им лоб.

— Тут вот говорили: «Все под знамена»...— Шлыков покосился на Сеню Лебедева.— Я не зову вас, товарищи, сегодня же срочно организоваться в коммунистические бригады. Мне самому еще не все ясно,— сказал Шлыков.— Но здесь есть над чем всем нам подумать. Думайте... Пусть каждый осмотрит себя со всех сторон, пусть все взвесит...

Расходились не торопясь. Оживленно толковали между собой.

Поток пронес Юльку мимо дверей механического. Тут к ней протиснулся Чекмарев.

— Ну что, Гранина? — спросил он.— Теперь ты, брат, живешь!

— Почему? — удивилась Юлька.

Гаврила усмехнулся и, не ответив ей, стал пробираться к выходу.

В цехе Юлька огляделась, увидела возле карусельного станка Андрея и Бондаренко и направилась к ним.

— Я не хотел говорить, пока здесь были ребята,— сказал Бондаренко Андрею.— А теперь скажу. Не закончен наш спор, Андрей, не закончен, если по-большому говорить. Вот дай-ка мне газетку...

Андрей вынул из кармана спецовки вчетверо сложенный газетный лист и подал Федотычу.

— Помнишь, ты попрекнул меня, будто я не верю тебе и товарищам твоим?.. Помнишь?

— Помню.

— Я согласен с этими бригадами,— продолжал Бондаренко.— Это в производственном отношении шаг вперед. Тут и производительность, и процент, и рационализация. И я, Андрей, целиком «за». Больше «за», чем Сеня Лебедев. Но спор наш, Андрей, не закончен.

— Так, Федотыч. А почему?

— Ну что же я должен думать, читая вот такие слова: «Свои знания и опыт не держать в кубышке», «Покончить со сквернословием», «Уважать старость на улице», «Быть вежливым»?..

— Я не понимаю, что здесь плохого? — перебил Андрей.

— Так я не говорю, что это плохо. Но я с этого начинал сорок лет назад. И Шлыков с этого начинал. Вон сколько прожили — депо какое отгрохали! На электровозы вот-вот перейдем. Уже уходить нам пора приходит. И останешься, допустим, вместо меня ты — Андрей Малахов. Вместо Шлыкова — Сеня Лебедев. Так скажи, Андрей, стоило ли нам столько думать, столько вкалывать, чтобы оставить вас... — Бондаренко поднял руку, в которой была зажата газета, — ...перед тем, с чего мы начинали когда-то? — И он снова с горькой усмешкой прочитал: — «Не держать в кубышке... Не проходить мимо хулиганства... Быть вежливым...» Выходит, за столько лет не научили мы вас быть вежливыми?

Волнение, с каким он произнес эти слова, обезоружило Юльку.

— Эх, Федотыч,— сказал наконец Андрей.— Ты перепутал меня с Симочкой из бухгалтерии. Быть вежливым? Уважать старость? Да, уважать! Книжки читать? Да, читать книжки! Учиться? Да, да, Федотыч! Я могу это повторить тысячу раз.

— Говори проще,— с усмешкой перебил Андрея Бондаренко.

— Хорошо. Ты еще в семнадцатом году добыл свое право быть культурным и образованным. Право, Федотыч! Это — первая стадия. А вчера началась вторая стадия, стадия обязанности. Теперь мы все обязаны быть такими.

И сердцем ты это почуял раньше, чем дошел умом. Ты ведь в пятьдесят лет сам-то учиться пошел...

Никогда Андрей не говорил так взволнованно и горячо. Юлька была убеждена, что мысли эти пришли к нему сегодня, может быть только сейчас.

— Мы начнем с немногого,— продолжал Андрей,— вернее, с немногих. Но те, кто начнут это движение, будут не только иметь возможность, но и считать для себя обязанностью жить так... Я не собираюсь, Федотыч, утверждать, что среди нас нет брака. Есть брачок. Ну что ж, «бракованным» обязанности прививать будем.

«Интересно,— подумала Юлька,— к которым он меня отнесет? — И усмехнулась про себя: — Мне, наверное, прививать будут...»

Глава тринадцатая

1

— Хорошо, я согласен вас поддержать,— сказал начальник депо Быстров, когда они все пятеро пришли к нему. Он бесстрастно оглядел их и попросил позвать Шлыкова и Цыганкова. Пока те не появились в кабинете, Быстров смотрел в окно, легонько постукивая карандашом по стеклу, и молчал.

Андрею пришлось повторить все с самого начала. Юлька ожидала, что Шлыков поздравит их или хотя бы обрадуется. Но он только обернулся к Цыганкову и спросил:

— Ну, что скажешь, мастер?

Цыганков отвечал осторожно, с непривычной для него обстоятельностью, перебирая пальцами кепочку, и Юлька поняла, что поддержки от мастера не жди. Он говорил, что дело, конечно, затеяно стоящее, что почин москвичей — явление положительное (он так и сказал: «положительное») и он, Цыганков, всей душой готов поддержать бригаду. Андрей Малахов и Куракин — ребята надежные. Мастер положил кепочку на край приставного столика, помолчал, собираясь с мыслями, и добавил, что, по его глубокому убеждению, начинать работу по-новому методу нужно в другом цехе. Например, в промывочном. А еще лучше в подъемке, где паровозы собирают из уже подготовленных узлов, но никак не в механическом цехе.

— Структура работы механического цеха,— говорил Цыганков,— сложилась не сегодня и не вчера, устоялась. Отработаны смены, да и практические возможности станков выбраны до конца (и за свой двенадцатилетний опыт он, Цыганков, немало видел всяческих начинаний). Новая ломка может разрушить эту привычную, надежную организацию труда. Полетят графики выхода паровозов, а кому, как не товарищу Быстрову, отвечать за это?..

— Что же ты предлагаешь? — хмуро перебил его Шлыков.

Цыганков пожал плечами, и Шлыков усмехнулся той понимающей усмешкой, которая поразила Юльку на митинге.

— Ты, Цыганков...— Шлыков помедлил,— трусишь. Носишь в кармане партийный билет и трусишь. Ты прекрасно понимаешь, что происходит сейчас в стране вообще и в нашем депо. Но ты, Цыганков, не за производство болеешь, ты за себя болеешь, за свое спокойствие. Вспомни тот день, когда тебя назначили мастером цеха. Единственной гарантией, что ты не завалишь работу, были тогда глаза твои и твой энтузиазм. Но тебе поверили.

Быстров нахмурился, но промолчал, предоставив Цыганкову одному отвечать парторгу.

— Вы можете думать обо мне что хотите, Константин Михайлович,— нервничая, возразил Цыганков.— Но ведь работать-то они собрались по общему наряду? Через месяц все это дело развалится. Вы первый же с меня три шкуры сдерете! «Трусишь»...— с обидой выдохнул он.

— Правильно,— сказал Шлыков.— Так я и сказал: «трусишь». И спуска тебе не дадим. Производство есть производство. А то, что они предлагают,— это не во имя производства? Да, им трудно будет сначала, и всем нам будет трудно. И если бы речь шла об одном-двух процентах к плану, я бы тоже поосторожничал. А речь идет о гораздо большем — о человеке... новом человеке, какого ни ты, ни я еще не знали.

Он замолчал.

— Хорошо,— сказал Быстров.— Попробуем.

Пока бригада работала в одну смену, в механическом цехе все время толклись люди. По одному, по два, а то и целыми группами приходили сюда из кузницы, подъемки,

арматурного, промывочного, электроцепа, подходили к станкам и подолгу простаивали за спинами ребят. Казалось, даже в самом процессе обработки деталей они искали чего-то нового, необыкновенного и, не найдя, вполголоса обменивались между собой замечаниями, посмеивались, пошучивали, покуривали, перечитывали обязательство, вывешенное Жорой Бармашовым на самом видном месте у дверей.

По дороге в депо, в столовой, когда шли со смены, все пятеро чувствовали на себе взгляды. Андрей переносил это спокойно, как будто ничего не произошло, Куракин на чью-нибудь шутку отвечал острым словом. Жора принимал все с важным видом. Лиза прятала глаза, а Юлька волновалась, и время от времени у нее замирало сердце.

Цыганков иногда, не выдержав, выходил из своей конторки и, постояв, покачиваясь на носках, нарочито громко обращался к посторонним, толпившимся в цехе:

— Нечего, нечего! Проваливайтесь... Люди работают, понимаешь, а они... Заведите у себя такое же и глазейте сколько влезет.

Постепенно в депо начали привыкать к тому, что существует бригада Малахова. Появилась и новая графа на доске показателей дневной выработки: «Бригада, борющаяся за право называться бригадой коммунистического труда (бригадир А. Малахов)».

2

В расчетах Малахова и Куракина самым важным была спаренная работа на поршневом станке. И именно с этого начались неприятности.

Малахов рассчитывал, что все детали, поступающие для обработки на тяжелых станках, будут передаваться бригаде. Но Цыганков делил их по-прежнему: сначала — Чекмареву, потом — бригаде.

— Мастер, нам этого мало, — заявил как-то Андрей.

— А что же, по-твоему, Чекмарева — токаря наивысшей квалификации — я должен держать на болтах и шпильках? Он тоже советский рабочий, а не кустарь-одиночка.

Андрей не стал спорить. Но ему и Жоре Бармашову пришлось по-старому работать на своих станках в одну смену.

Каждое утро Наташа выписывала мелом на доске пока-

затели прошедшего дня: «120 — Чекмарев. 103,6% — бригада, борющаяся за право называться бригадой коммунистического труда (бригадир А. Малахов)».

Потонуло в ворохе бумаг в производственном отделе и предложение об увеличении оборотов на Юлькиной «семерке». Андрею сказали, что «семерка» почти выработала свой ресурс и увеличить обороты на ней — это значит пойти на заведомую аварию.

Юлька по-прежнему работала на мелких деталях. Но, может быть, оттого, что она очень старалась и ей все чаще приходилось помогать Лизе, привычная работа выматывала Юльку к концу смены так, что уже не хватало ни сил, ни желания делать уроки. И она со страхом думала, что сегодня опять надо идти в школу и четыре часа слушать там рассуждения о сумме квадратов двух катетов, о плотности населения Африки и о том, как Иван Грозный взрывал крепостную стену Казани.

Вечером к ней приходил Пашка. Он не говорил: «Пойдем. Пора...» Он просто останавливался посреди комнаты и ждал, пока Юлька соберется. Только однажды он сказал хрипло и приглушенно, словно это вырвалось у него против воли:

— Думай, Юлька, думай!.. И Лизе скажи, чтобы думала. Буксы заедают... Мы на буксах можем выскочить. Приспособление к карусельному нужно.

Этот станок с громадной, медленно вращающейся планшайбой был мощным сооружением. Многопудовая букса, установленная на нем для обработки, казалась игрушечной. Уже одни очертания станка говорили о том, что, создавая эту машину, люди рассчитывали на смекалку тех, кто станет к нему.

О приспособлении к карусельному думали все. Юльке казалось, что оно рядом, стоит немного подумать, и схема его станет ясной и понятной до последнего болтика. А пока буксы, предназначенные на расточку, складывались штабелями возле Куракина, и каждое утро Наташа писала на доске показателей одни и те же цифры.

Хотя по утрам Андрей получал один общий наряд на всех, работа шла так, будто ничего не изменилось. Каждый работал сам по себе. Только изготовленные детали теперь принимал не Цыганков, а они сами друг у друга, всей группой, переходя от станка к станку.

Первым начал сдавать Жора. Как-то незаметно он сник

и притих. Однажды, позабыв о том, что включен станок, он распрямился и долго стоял, уставясь сквозь очки в пространство, не обращая внимания на то, что резец, дымя, уже не снимал стружку, а просто рвал металл. Потом Жора снял очки, подышал на них, протер стекла грязными от эмульсии пальцами, аккуратно сложил дужки, положил очки на край станины и пошел к выходу.

Юлька переглянулась с Куракиным. Когда Жора поправился с карусельным, Куракин резко дернул его за рукав и, повернув к себе, свистящим шепотом сказал:

— Забуксовал, мальчик?.. Думал, все тебе на блюдечке подадут с золотой каемочкой? Иди на место и не позорь мою седую голову. Ну!..

Жора покорно вернулся к станку.

В этот же день, после перерыва, Пашка Куракин нос к носу столкнулся с Чекмаревым у доски показателей. Чекмарев что-то насмешливо сказал ему. Пашка ответил.

Юлька с Лизой, возвращавшиеся из столовой, захватили конец перепалки. Надо было здорово задеть Пашку, чтобы он стал так кричать.

— Ты понимаешь, сволочь, над кем смеешься?.. Я согласен три месяца вообще ни копейки не заработать, только бы таким хапугам, как ты, решку навести!

Пашка вытянул руку с растопыренными пальцами, покрутил ею перед лицом Чекмарева.

— У тебя, Чекмарев, две дороги: или с нами, или... Имей в виду, ты не устоишь. Не устоишь! Все равно, как теленку в паровоз упереться! Понял?

Чекмарев трясущимися руками достал папиросу, закурил, постучал прокуренным ногтем по фанере:

— Здесь, между прочим, написано «не хамить»...

— Иди, иди! — оборвал его Пашка. — На том свете горячими угольками рассчитаемся!

Бригада Малахова могла бы наверстать упущенное неурочной работой. Такие возможности были даже при плановом ремонте, выявлялись непредусмотренные работы — то надо сменить поршневые кольца, то обработать сам поршень со штоком или другую сложную деталь.

В цехе уже обратили внимание, что на такие работы мастер никого из бригады Малахова не вызывал. Ребята злились, но молчали. Труднее всех доставалось Лизе —

она не справлялась с заданием. Куракин однажды чуть не заporол буксу, но вовремя выключил станок. Андрей хмуро поглядел на него, вытер руки ветошью и пошел к Цыганкову, машинально засовывая грязную ветошь в карман.

Сквозь стекло конторки Юльке было видно, как Цыганков размахивал руками, бил себя кулаком в грудь. Андрей, не глядя на него, слушал, упрямо склонив голову.

— А черт его знает,— говорил Цыганков, идя вслед за Малаховым к начальнику депо.— Кого из вас вызывать? Был Куракин, был Малахов, был Бармашов, а теперь — бригада. Как я буду вызывать всю бригаду?

От начальника депо мастер вернулся мрачнее тучи, и уже на следующую ночь внеочередную срочную работу выполнял Андрей.

Тот же неизменный поршень со штоком, и та же работа в одиночку. Юлька шла на работу, когда Андрей после ночной уходил домой. У проходной он молча пропустил мимо себя бригаду, кивнул всем и пошел. В открытые ворота хорошо была видна его ссутулившаяся фигура. И Юлька остро, до слез пожалела его.

Часов в десять утра в цехе появилась Зинка. Она пошарила по цеху глазами и, поджав губы, пошла прямо к Пашке.

— Где Малахов? Почему он сегодня не вышел на работу?

— Он свое отработал ночью,— ответил Пашка.

Зинка, повеселев и в то же время насторожившись, исчезла.

После обеда Лизе вдруг сделалось дурно. Неловко цепляясь за станок, она стала мягко оседать на пол. Юлька подхватила ее в последнее мгновение. Ей на помощь подоспел Куракин. Он повел Лизу к выходу из цеха, на воздух. Юлька выскочила следом за ними. С трудом ей удалось уговорить Лизу пойти в общежитие.

...В комнате Юлька помогла Лизе раздеться, уложила ее в постель, тепло укрыла одеялом. Лизу знобило.

Оставить ее одну в таком состоянии было нельзя. Юлька вспомнила, что Наташа взяла отгул, чтобы готовиться к зимней сессии в институте. Может быть, она сейчас у себя в комнате?

Тонкие двери комнат общежития легко пропускали звук, и когда в общежитии было тихо, разговор становился до-

стоянием всего коридора. Можно было слышать даже, как перелистывают книжку. Юлька, поднимаясь на второй этаж, еще издали услышала голоса в Наташиной комнате. Она обрадовалась, заспешила. Но потом круто остановилась, узнав говоривших по голосу.

Это были Андрей и Зинка.

Качнулась и поплыла перед Юлькиными глазами крашенная шаровой краской безликая стена коридора. За дверью, переплетаясь и сдваиваясь, звучали негромкие голоса, и не было для Юльки звуков в мире, кроме этих двух голосов. Она подумала, что мерзко стоять вот так у двери и подслушивать, но ноги точно пристыли к полу.

— Я заходила к тебе домой,— сказала Зинка.— А потом побежала тебе навстречу по той дорожке. Я же знаю, где ты ходишь...

Несколько секунд в комнате стояла тишина.

Мягко прозвучали за дверью чьи-то шаги. Прошелестела и замерла ткань.

— Ты молчишь?

Зинкин голос доносился теперь из другого конца комнаты. Юлька вспомнила, что там, в переднем углу, висит Наташино круглое зеркало, и представила себе, как Зинка неторопливо расчесывает гребнем свои распущенные волосы.

Андрей что-то сказал глухо, Юлька не разобрала.

— Ты сердишься, что я притащила тебя к себе?..

Так могла говорить женщина, хорошо знающая мужчину, с которым осталась один на один.

— Нет, Зинок. Я не сержусь.

Опять послышались шаги и замерли.

— Какой ты колючий да жесткий, давно не брился, что ли? — совсем тихо сказала Зинка.

Потом заговорила быстро и сердито:

— Ты не послушал меня, не послушал... Посмотри, какой ты стал! Измотался. Разве всех научишь?

— Ты ничего не понимаешь...

— Я все понимаю, Андрюша. Все!

— Глупая,— сказал Андрей.—Ничего не получается...— Он произнес это с удивительной для него беззащитностью, оборвав на полуслове.

— Андрюша, Андрюша... Милый ты мой... Брось ты это все, зачем тебе? А я-то...— Зинка не договорила.

— Мне трудно, Зинок. И жалко смотреть на ребят,—

сказал Андрей тем же усталым голосом.— Шлыков сегодня приходил, спрашивал. А что ему ответишь? Растерялись? Сдрейфили?

«Я сейчас уйду отсюда, я не имею права этого слушать»,— твердила Юлька про себя и... не двигалась с места.

— А ты знаешь, что им от тебя нужно, знаешь? — задыхаясь, сказала Зинка.

— Что? — машинально спросил Андрей.

И тут Зинка сорвалась на визг, который так портил ее:

— Они едут на твоём горбу! Они на тебе выскочить хотят, а ты...

Дальше Юлька слушать не стала, она повернулась и пошла. Теперь она знала, что за этой дверью ничего страшного для нее, Юльки, для Лизы, для Жорки не произойдет.

Глава четырнадцатая

1

Вечернее неяркое и, может быть, от этого особенно желанное солнце ломилось в окно цеха. Теперь впереди Юльки не стояла Лиза, и это пустующее место все время притягивало взгляд Юльки.

Поднимая глаза, она видела окна, Лизин станок и за ним стеклянную стену конторки. Положив на стол крепко стиснутые кулаки, там сидел задумавшийся о чем-то Цыганков. Он не чертил, не писал, не разговаривал по телефону. Лишь иногда сдувал со лба свисавшую прядь волос, но она снова падала ему на лоб, и, казалось, не было у Цыганкова другой заботы, как приучить волосы держаться ровно.

Фигура мастера и особенно его руки, лежащие на столе, все больше и больше раздражали Юльку. «Какой он ко всему равнодушный»,— с досадой думала она. Справа от нее, сгорбившись, устанавливал на своем карусельном буксу под расточку Пашка Куракин. Рядом с ним с эскизом в руках сидел на ящике для деталей Андрей. Юлька знала, что с приспособлением к Пашкиному станку у Андрея не клеилось, и Цыганков посмеивался над эскизом Андрея. «Изобретатели! — сказал он вчера.— Гидравлика! Пневматика! Станок на станке хотите построить. Да какое же начальство на это пойдет?..»

И в этом потоке обидных слов мастера Юлька смутно

угадывала его правоту. Приспособление в самом деле получалось сложным. Но что могла предложить она, Юлька?

В механический на расточку поступали буксы с паровозов разных марок. Буксы паровоза Е^а отличались размерами и весом от букс паровозов серии С_у. Приходилось протачивать буксы совсем старых выпусков. Встречались и совершенно не стандартные буксы с паровозов иностранных марок. Тем, кто занимался проточкой букс, приходилось затрачивать уйму времени на установку их в планшайбе карусельного станка, и Пашка Куракин всегда злился. Но как, как помочь ему?

Когда-то Юлька читала книжку про одного изобретателя. Речь шла о рессоре. Принятые в то время пружинные рессоры не везде подходили. Инженер перепробовал десятки сплавов, испытал бесконечное количество пружин, комбинируя их диаметры и сечения. Однажды, измученный бесплодными поисками, он стоял над рекой неподалеку от железнодорожного моста и курил. По мосту шел поезд. Мост прогибался под тяжестью поезда и пружинил. И одной догадки оказалось достаточно, инженер понял: нужен обыкновенный стальной лист. Тысячу раз он видел это, тысячу раз ходил по мосткам, переброшенным через ручьи, они прогибались под его тяжестью, пружинили, а он не придавал этому явлению никакого значения...

Вспомнив все это, Юлька поймала себя на том, что втайне завидует инженеру. Она остановила станок, встала в патрон ключ. Привычно повернув его, освободила обточенную деталь. Затем вложила в патрон новую болванку и, когда зажимала ее, посмотрела на кулачки. Сходясь от поворота ключа, они плотно обхватывали стальную болванку, закрепляя ее по центру. Сколько Юльке приходилось зажимать в патроне болванки и детали, и только сейчас она почему-то подумала, как просто у нее на станке. Вот так бы и у Пашки — поставить буксу, сжать ее кулачками, и никаких хлопот... «А почему бы и нет?..»

И вдруг отступило все то, что мучало Юльку в последние дни. Она с холодной отчетливостью поняла, что ухватилась именно за то, что нужно им для приспособления, — кулаки.

«Только кулаки», — еще раз подумала Юлька. Медленно выключила станок и пошла к Куракину, робко взяла его руку возле запястья и поднесла к его же лицу.

— Ты что? — не понял Пашка.

— Кулак... Ты можешь сжать кулак?

Пашка сжал пальцы.

Встретив удивленный взгляд Андрея, Юлька замолчала.

— Ну чего ты, Юлька? — сказал он.

— Может, это смешно, Андрей,— медленно проговорила она.— Как просто... На «семерке» у меня кулаки. Вот так бы и здесь... просто.

— Сравнила! — хмыкнул Пашка.— «Семерка» и карусельный!

Но тут Юлька увидела, что глаза Андрея радостно засветились. Он схватил ее за плечи, приподнял и осторожно поставил на пол.

— А что? Кулаки. Гидравлика и кулаки. Есть о чем подумать.

Все еще растерянная, Юлька не испытывала ни гордости, ни ликования...

Конечно, от Юлькиной догадки до изготовления окончательного варианта приспособления был долгий путь. Но крепкий орешек неожиданно дал трещину.

Остаток смены Пашка проспорил с Андреем у карусельного. Когда Юлька уже убирала инструмент, он подошел к ней и хитровато подмигнул. Не заходя в душевую и даже в общежитие, чтобы переодеться, Куракин отправился к Андрею домой.

А Юлька весь вечер провозилась с Лизой. То ее тошнило, то она мерзла, то принималась плакать.

— Ты что? — спрашивала Юлька.

И Лиза сквозь слезы отвечала:

— Боюсь. Умру я.

Юлька утешала ее, как могла, и чувствовала, что получается не очень-то убедительно: она сама смертельно устала. Но тут, прямо с мороза, неся в волосах и на воротнике иголки снега, появилась Наташа. «Удивительно, Наташка умеет всегда приходить в такую минуту, когда она больше всего нужна!»

Юлька устроилась на кровати, пригrelась и не заметила, как задремала. В комнате еще долго горел свет, шелестели Наташины шаги, ее одежда. Потом Наташа включила настольную лампу.

Юльке еще раз удалось победить дремоту. Настольная

лампа горела, но Наташа накрыла ее сверху полотенцем, и в комнате был полумрак. Сама Наташа уснула на Алевтининой кровати, не разобрав ее и не раздевшись, укрывшись своим пальто. Одну ладонь она подложила под щеку. Лицо у нее было спокойное, как у ребенка. Может быть, это слабый рассеянный свет размыл его черты, но оно показалось Юльке трогательно девчоночьим.

Юлька с радостью вернула бы назад последние двое суток и прожила их иначе: она не пошла бы искать Наташу, а просто договорилась бы с дежурной, чтобы та присмотрела за Лизой. Тогда не было бы этого ужасного чувства неловкости, словно она была поймана в момент, когда подглядывала в замочную скважину.

Наверное, Андрей начал о чем-то догадываться. Он несколько раз обращался к Юльке, что-то говорил ей (Юлька не поднимала головы), и в его голосе звучало беспокойство.

2

В субботу — день короткий. Юлька постаралась уйти сразу после смены: беспокоилась за Лизу и не хотела встречаться с Андреем.

Наташа собралась ехать в город. Готовясь к экзаменам, она все эти дни работала в краевой научной библиотеке.

— Ешь суп. Не знаю, как получилось. И чай горячий. Лиза уже поела, — сказала Наташа.

Юлька только села обедать, как в комнату вошла полная, пышущая здоровьем Горпина Бондаренко. После выезда на острова Юлька видела ее один раз, в день, когда ломали старую Хасановку.

Горпина развязала шаль, сняла пальто и оказалась в сиреневом с мелкими голубыми цветочками фланелевом платье. Ее каштановые поседевшие волосы были плотно уложены в узел на затылке.

— Ну, как вы тут живете? — певуче спросила она.

— Живем, тетя Горпина. Ничего живем, — ответила Юлька.

Горпина села прямо к Лизе на кровать.

— Ну-ка я на тебя посмотрю, — сказала она, откинув одеяло от ее лица. Поглядела на серо-землистое с пятна-

ми возле губ и на висках лицо Лизы, покачала головой и, обернувшись к Юльке, сказала:

— Иди-ка ты сейчас, голубушка, в душевую. Есть у вас душевая?

— Есть,— подтвердила Юлька.

— Подготовь там все, чтобы тепло было, но не жарко. Ей простуживаться нельзя. А пока мы там будем, комнату проветри. Давай, милая, вставай,— сказала она Лизе, нежными и сильными руками помогая ей сесть.

Лиза опустила на пол отекавшие ноги. Ее валенки сушились возле батареи. Горпина взяла их так же легко, как все, что она делала, встала на колени и обула Лизу.

Юлька подготовила душевую и вернулась в комнату.

Горпина, собирая Лизе белье, говорила:

— Нельзя до такого себя доводить... Нельзя.

Голос у Горпины звучный и негромкий, идущий из самой груди.

— Ребенок в доме — радость,— как бы про себя продолжала Горпина.— Это ж надо, маленький человечек появится! И все у него есть, как у взрослого: и ножки, и пальчики, и ноготочки.

— Умру я.

— Это ты сейчас так говоришь,— несколько не удивляясь, сказала Горпина.— Я их на своем веку нарожала, ой-ой! Первый раз тоже боялась. Федотыча своего извела...— Горпина усмехнулась застенчиво и лукаво.— Родишь как миленькая! Да еще радоваться будешь. Ну-ка, в доме солнышко появится! А помощников у тебя — хоть пруд пруди. Еще ссориться станут, кому пеленки стирать.

Лиза виновато улыбнулась. Горпина помогла ей встать.

Юлька открыла форточки и дверь.

Минут через сорок обе женщины вернулись из душевой. Горпина помогла Лизе устроиться поудобнее.

Потом они вдвоем пили чай. Говорили о чем-то совершенно незначительном. Лиза вскоре задремала, а Горпина молча сидела у нее в ногах. Когда Лиза уснула, Горпина поправила одеяло, подоткнула его с боков и, сказав, что зайдет еще вечером по пути в магазин, ушла.

Наташа на этот раз вернулась из библиотеки рано. За их окнами мерно поскрипывал снег. Кто-то ходил от крыльца общежития до угла, потом поворачивал обратно, изредка останавливаясь против окон.

Юлька с любопытством поглядела на Наташу.

— Ты позови его,— сказала она.

У Наташи от смущения порозовели уши.

— Третий вечер у библиотеки встречается. Ты не думай...

— А я и не думаю,— засмеялась Юлька.— Но ты позови его, холодно ведь.

— Да нет уж, поздно.

Наташа подошла к окну, постучала в стекло. Но снег еще минут двадцать скрипел под сапогами Егорова.

Ночью Юлька проснулась оттого, что в темноте кто-то громко жевал.

— Алевтина!

Алевтина отозвалась не сразу, ей надо было проглотить кусок.

— Ну чего тебе? — Голос ее прозвучал хрипло и сердито.

— Ничего. Ешь громко.

— Не твое ем, не бойся.

Юлька поднялась, шлепая босыми ногами, подошла к выключателю и зажгла свет.

Алевтина ела, примостившись на краешке стола.

— Та-ак... вернулась? — протянула Юлька.

— Вернулась,— ответила Алевтина, готовая к отпору.

Юлька редко видела ее в форменном платье — с суконным глухим воротником, с тусклыми металлическими пуговицами. Алевтина показалась ей уставшей, похудевшей. «Удивительно,— подумала Юлька,— а ведь она меня боится. Честное слово, боится!»

— Ты куда ездила? — спросила Юлька.

— За Урал...

Алевтина с опаской глядела на стоящую перед ней полураздетую Юльку. Понимая, что та не собирается ни ругаться с ней, ни спорить, как-то сразу сникнув, сказала:

— С опозданием на три часа пришли. В Сибири-то заносы снежные. Метелица.

Юлька улеглась в постель, отвернулась к стене и, уже засыпая, спросила:

— Опять привезла вещички сренбургские?.. Или что там у тебя?

— Ничего у меня нет,— буркнула Алевтина.

— А то смотри,— пригрозила Юлька.— А Лизку ты больше не трожь, слышишь? Не трожь!

...Все воскресенье, чуть ли не до девяти вечера, Куракин и Андрей работали над эскизом. Они даже охрипли от ругани и табачного дыма. Девушкам об этом рассказал Жора Бармашов, заглянувший к ним на минутку.

— В депо пошли, на натуре прикинуть, — сообщил он последнюю новость. — Если получится, Пашка останавливает станок и будет делать приспособление.

— Ой, как хорошо-то! — обрадовалась Юлька.

Горпина приходила в этот день еще дважды. Лиза при виде ее оживлялась, с радостной покорностью позволяла Горпине поить себя чаем с вишневым вареньем, успокоенная, засыпала.

На все это из своего угла угрюмо глядела Алевтина. Она не раскрывала рта и за весь день не сдвинулась с места — сидела, как деревянная, не переменяв даже платья.

— Ты умылась бы, что ли. Не бойся, не займу твоей койки, — сказала Наташа.

Алевтина исчезла минут на десять, вернулась в халате, умытая, с каплями воды в волосах.

К вечеру Юлька с Наташей одели Лизу и вывели ее погулять. Идти куда-нибудь далеко от общежития не решились, посидели в скверике рядом, дыша обжигающим морозным воздухом.

Почти в полночь к девушкам в комнату ввалился восторженный и возбужденный Жора.

— Порядок, — шепотом сообщил он. — Теперь сталь «полумагнитка» нужна. Иду к Быстрову, будить его иду!

3

Быстрова Жора, конечно, не разбудил: на улице был крепкий мороз, и, пока Жора бежал до быстровского дома, жар его поостыл.

Утром начальник депо сам пришел в механический. Чтобы решить вопрос о гидравлике, надо было снять со станка планшайбу. Да и вообще без инженерного заключения усовершенствование станка не могло быть осуществлено.

Дело осложнялось еще тем, что кончался год, с планом было по-прежнему туго, и начальник производственного отдела уперся. Он, правда, говорил, что приспособление ему нравится.

Быстров своей властью распорядился снять планшайбу. Направляясь к выходу, он задержался возле Юльки.

— Честно говоря, не ожидал от тебя, Гранина, — сказал он, изучающе поглядев на нее. — Если выйдет — деньги получите. Конечно, уже в новом году.

В обеденный перерыв бригада задержалась на несколько минут. Решили, что Малахов и Куракин займутся приспособлением, а Бармашов и Юлька будут выполнять работу по нарядам.

— Если мы все будем тыкаться возле карусельного, как телята, — сказал Андрей, — то полетит месячный план в цехе. Так что ты, Юлька, и ты, корреспондент, жмите на всю железку. Жмите так, будто завтра свету конец! — Он посмотрел на часы. — Пятнадцать минут на обед, пять на перекур и «по маши-и-нам»!

Потом Юлке эти двое суток вспоминались каким-то сплошным потоком. В бешеном ритме работы у нее появилось то, чего ей прежде так не хватало, — автоматичность движений. Уже не приходилось задумываться над тем, как снять резец, какой рукой лучше брать заготовку. Даже на замер готовой детали времени теперь уходило вдвое меньше, чем прежде.

Андрей занимался корпусом, Пашка — гидравликой и зажимными кулаками. Бармашову с Юлькой после смены предстояло выточить кучу разной мелочи по эскизам, которые вычертил Андрей. Тут были и болты, и шпильки, и шайбы, и еще всякая всячина, непривычная по размерам. Юлька первые детали для приспособления запорол. У Жоры дело пошло лучше, хотя значительно медленнее, чем на дневной работе.

В половине девятого Юльку разыскал вахтер и сказал, что на проходную доставлена для них еда. Ее принесла какая-то женщина, пухленькая, в платке, — вахтер не знал ее. Юлька позвала с собой Жору, и вдвоем они принесли в цех кастрюлю борща и чугунок с картошкой и мясом. Все было плотно укутано одеялом.

Ни Наташа, ни Алевтина так готовить не могли, и Юлька подумала: «Это Бондаренчиха сварила и отнести в депо заставила Алевтину».

Пришла вечерняя смена. Жору согнали с его ДИПа. Побродив с час по депо, он нашел себе свободный станок у

ремонтников. Андрей ушел в заготовительный гнуть корпус приспособления. Куракин в арматурном подбирал детали к гидравлике.

Домой Юлька ушла в двенадцатом часу ночи, вместе с вечерней сменой.

На другой день повторилось то же самое, и на третий. Когда слесарные работы были закончены, принялись растачивать гнездо корпуса. И тут электросварной шов дал трещину. Пашка, оказывается, варил его сам, и шов получился некачественный, не выдержал динамических ударов. Три часа Пашка зубилом вырубал брак. Теперь корпус варили электросварщики — и шов наконец получился.

В этот день Юлька вернулась домой особенно поздно. Ее окликнула дежурная:

— Возьми ключ! В вашей комнате никого нет.

— А Лиза? — замерла Юлька.

— Ее отвезли в роддом. Бондаренчиха и ваша жиличка. Врача вызывали...

Юлька не в силах была выговорить ни слова. Тетя Даша поспешила успокоить ее:

— Ничего страшного. Такое бывает...

Юлька взяла ключ от комнаты.

Дозвониться до роддома не удалось, все время слышались короткие гудки. Когда Юлька в очередной раз опускала трубку на рычаг, уличная дверь распахнулась, потянуло холодом, и в клубах морозного пара на пороге появилась закутанная до самых глаз Алевтина. Сразу же в дверях она заплакала, причитая и всхлипывая.

— Что случилось? — Юлька потрясла ее за плечи.

— Положили Лизавету в больницу. Еще с утра ей плохо было, — стала рассказывать Алевтина, грузно усевшись на кровать.

Говоря, Алевтина раздевалась. Делала она это долго, и, когда разделась, на кровати вырос целый ворох кофт, платков и платочков, которые она надевала, выходя на мороз.

Второго января у Наташи начиналась сессия в финансово-экономическом институте. Она только изредка, по пути в библиотеку, могла заходить в родильный дом с передачей для Лизы.

Раза два Юлька встречала вместе Бондаренчиху и Алевтину. У них царило полное согласие. Горпина что-то рассказывала своим певучим голосом, распоряжалась. Алев-

тина поддакивала и с необычной для нее старательностью выполняла любое распоряжение Горпины. Каждый вечер Алевтина, нагруженная тяжелыми сумками, ходила к проходной. Вахтер не пропускал ее на территорию депо, но относился к ней снисходительно и сам отправлялся в механический цех отыскивать Юльку.

Не из особой привязанности к ребятам из бригады таскала Алевтина каждый вечер эти сумки. Все дело было в Горпине. Алевтина прилипла к ней своим переменчивым, нестойким сердцем. Бывают такие люди, которым нужен более сильный по характеру человек, и они ищут его.

А ребята жали вовсю. Уже опробовали гидравлику, собрали корпус, изготовили несколько запчастей на всякий случай. Оставалось выточить и обработать зажимные кулаки. Сталь «полумагнитка» для них была получена, но обыкновенные резцы не брали ее. Быстров сказал, что в инструменталке есть специальные резцы, и приказал Цыганкову выдать их бригаде.

Андрея, не спавшего две ночи подряд, Куракин и Жора уговорили идти домой. В инструменталку отправился Пашка. Цыганков подписал требование, но Куракин вернулся без резцов.

— Вы же сами распорядились отдать их,— оправдывался перед мастером кладовщик.

— Да ты что, спятил? Кто приказал? Кому отдать? — изумился Цыганков.

Кладовщик нес какую-то чепуху. Цыганков разозлился не на шутку:

— Чтобы резцы были через десять минут!

— Да я что...— заморгал кладовщик.— Пришел, говорит: «Дай, дед, резцы. Работа встала». Ну, а я что, зверь, что ли? Пол-литра, правда, он сунул мне. До сих пор стоит, если не усохла.

— Какие пол-литра?! — заорал в бешенстве Цыганков.— Кто это пришел к тебе? Что ты мелешь?

— Я не мелю...— кладовщик обиделся, подозвал Чекмарева, сказал нараспев: — Гаврила, а Гаврила, отдай резцы. Куда ты их девал?

Цыганков, рукой отодвинув с дороги кладовщика, подошел к Чекмареву:

— Сколько ты резцов у него взял?

— Ничего я не брал! — огрызнулся Гаврила.— Болтает спяна!

Цыганков, брезгливо пятясь от Чекмарева, сказал Куракину:

— Идите. Я найду вам эти резцы. Самое большее через час.

Юлька с ненавистью смотрела на плоский затылок Чекмарева, на его хрящеватые, побелевшие от волнения уши. Вспомнила, каким было его лицо, когда он недавно ругался с Куракиным, и подумала: «Гадина».

После смены в цехе выдавали зарплату. Чекмарев получил деньги и старательно пересчитывал их. Юлька, стискивая в кулаке получку, подошла к нему вплотную. Чекмарев безразлично посмотрел на нее.

— С самого начала я не верила тебе, Гаврила. С первых дней моей работы здесь не верила,— сказала она.

Но Чекмарев, вместо того чтобы обидеться или выругаться, вдруг улыбнулся и подмигнул Юльке:

— Сколько ты получила сегодня?

Юлька, не ожидавшая такого оборота, машинально ответила:

— Шестьсот пятьдесят...

— А аванс?

— Четыреста.

— Итого, стало быть, тысячу пятьдесят за месяц.

Гаврила не переставал улыбаться. Он и в хорошие-то дни никому так не улыбался.

— А выработку вашей бригады ты не помнишь? Процент какой?

— Сто один и восемь,— чувствуя, как кровь отливает от лица, ответила Юлька.

— Ты извини меня,— еще шире улыбнулся он.— А когда по одному работали, сколько ты за месяц получала?

Словно загипнотизированная его улыбкой, Юлька совсем тихо, одними губами ответила:

— Семьсот сорок... семьсот семьдесят.

Как ей могло показаться, что Гаврила улыбается? Это же оскал, злой, беспощадный. У него были желтые от табака зубы, редкие и крепкие, как дубовые пеньки.

— Так что же ты, барахло, мне мозги полощешь?! Энтузиастка на чужой счет! Если я зарабатываю,— он поднес к самому Юлькиному лицу руки,— так вот ими... А тебе подачки дают и ты их берешь!

Он рассмеялся, резко оборвал смех и широко зашагал из цеха.

Метель началась еще утром. С Амура потянул пронзительный ветер. Тревожно дымилась снежной пылью дорога. Стройка тонула в белесых вихрях. Ветер поднимал поземку все выше, захватывал первые этажи зданий, по стеклам заструились белые змейки. А сейчас, в сумерках, на деповском дворе, залитом светом «юпитеров», метель металась и злилась, позванивая железом и гудя в брошенных паровозных котлах. Медленно, будто с трудом преодолевая ветер, прополз маневровый паровоз. Из трубы вырвался сноп искр, и метель вместе с дымом и снегом швырнула их в окно, за которым стояла Юлька.

Отправился в кузнечный доделывать корпус приспособления Куракин. Позади Юльки, за стеной, встал к ДИПу с новыми резцами Жора. А за этой метелью, где-то в глубине нахохлившегося поселка, спал смертельно уставший Андрей и ничего не знал.

У Юльки на «семерке» закреплена последняя деталь к приспособлению — хомутик. Но Юлька не могла работать. А может быть, Андрей вовсе и не спит? Может быть, его голос трудно и устало звучит за дверью Зинкиной комнаты, так же как неделю назад, и вся Юлькина судьба со всеми радостями и бедами, с Дмитровкой, с Гришей, с разрушенной Хасановкой опять висит на волоске?

Тогда она слышала все. А сколько могло быть таких случаев в жизни, сколько могло их быть, когда Юлька и не подозревала и не догадывалась, что вот в эту минуту решалась ее жизнь и даже то, в какую сторону она делает следующий шаг? Неподвижно глядя в окно, осыпанное снегом и вздрагивающее под напором ветра, Юлька мысленно произнесла те же самые слова, которые сказала ей когда-то Лиза: «Нет, это не для меня». Ей некого было винить.

Правым, убийственно правым оказался Чекмарев. «Он нехороший человек, — думала Юлька. — Но он прав». С холодной ясностью, как ей казалось, она сейчас видела и понимала людей и не находила себе места среди них. У всех жизнь как жизнь: учатся в школе, ходят в депо, создают свои семьи... А она только пытается догнать остальных, пристроиться как-то, хоть с краешку. Но ничего не получается.

Только что разошлась по домам смена. Юлька машинально дошла с группой рабочих до середины коридора и задержалась здесь. Она не чувствовала, что от окна дует. «Да, с этим ничего нельзя сделать».

Она оделась, повязала платок, натянула варежки и вышла на улицу. Брела поперек беснующейся метели, не замечая ее. Вокруг бесстрастно светились окна завьюженного поселка.

Ветер чуть было не сорвал с ее головы платок. Она подхватила его, но не завязала, а стала придерживать руками у подбородка.

Улица заканчивалась тупиком. В конце ее стоял новый дом, настолько высокий, что верхние этажи его терялись в снежной мгле.

Юлька остановилась. «Вот здесь живет Андрей». Постояла с минуту и вошла в подъезд. «Скажу ему все. И уйду». Внезапно ее обожгло: «А вдруг он в общежитии, у нее?» Но она уже стояла перед дверью.

Ей сразу же открыли, будто ждали.

Седаая женщина, держась одной рукой за косяк, отступила, пропуская Юльку. Не отряхивая снега ни с валенок, ни с пальто, Юлька шагнула в полутемный коридор. Дверь в дальнюю комнату была открыта, из нее падал свет. Юлька пошла на светившийся квадрат.

Чертежный столик, настольная лампа на нем. Еще стол, заваленный книгами, этажерка, стеллаж. Диван. Его край освещен настольной лампой, все остальное погружено в теплый, коричневый полумрак. На этом диване спал опрокинутый навзничь усталостью человек, к которому она так долго шла.

Он проснулся, сел, согнув под одеялом ноги. Юлька не видела его лица, оно было за кругом света...

Он повернулся к ней, а ей нечего было сказать ему, у нее просто не было слов. Ей не было дела до того, что ее приход сюда сейчас нелеп и непонятен ему, и его матери, и всякому, кто увидел бы ее, Юльку, в эту минуту. Ей на глаза попалась оранжевая Зинкина кофта, висевшая на гвоздике справа от двери. Она видела все до малейшей подробности: оттопыренный кармашек, и засученный рукав, и даже шляпку гвоздя в стене.

Юлька пошла обратно.

Ей показалось, что Андрей крикнул в след, но она не оглянулась.

На улице метель подхватила ее и потащила в темноту. Она не сопротивлялась ветру. Ей было легко идти, она не чувствовала тяжести своего тела.

Только возле насыпи Юлька поняла, что потеряла платок. Пыталась вспомнить, где... и не вспомнила.

Выйдя к путям, она подумала, что в такой вьюге не услышишь шума поезда, и пошла не между рельсами, как обычно, а рядом с насыпью, по бровке.

Ветер дул ей в спину, гнал все дальше и дальше от огней и жилья.

Вдруг сзади, из темноты, вырвался и загрохотал рядом тяжелый вагон, за ним катились длинные платформы. «С сортировочной горки», — успела подумать Юлька, оставившись, чтобы пропустить вагоны мимо...

Глава пятнадцатая

1

Юлька шла и шла. Кругом все было погружено в непроницаемый зыбкий мрак. И только впереди скупо брезжил рассвет.

Качалась под ней земля, кружилась голова. Ей казалось, что она взбирается вверх по такому крутому подъему, что если остановиться на мгновение, то увлечет вниз. Там холодная вода, которая тотчас сомкнется над ней.

«Я выберусь, — думала Юлька, — выберусь». Свет впереди дрогнул, медленно стал приближаться к ней. Вместе с ним приближался гул, словно в отдалении проходил поезд, слышался шорох веток, звон падающей воды.

Она сделала неосторожное движение и снова провалилась в темноту. Но ненадолго.

Юлька собралась с силами, снова потянулась к этому свету, открыла глаза и увидела прямо перед собой стену — белую, ровную стену с лампочкой посередине. «Это потолок!» — угадала она. Вместо гула поезда она услышала голос: кто-то говорил с ней. Лампочку вдруг заслонило человеческое лицо. Юлька еще не различала всех его черт, но это было вполне реальное лицо. И чьи-то громадные серые глаза, наполненные слезами.

Соленая капля упала Юльке на уголок рта. Губы чело-

века, склонившегося над ней, дрогнули, и знакомый Наташин голос сказал:

— Ну вот... будешь жить, Юлька!

И другой, мужской, голос в отдалении:

— Теперь пусть спит. Не мешайте ей, пусть она спит.

Юлька уснула. Уснула, а не провалилась опять в темноту.

Она думала, что спала недолго — может быть, полчаса, час. На самом деле с того момента, как миновал кризис, прошло трое суток. Но об этом она узнала потом, а пока, прикрыв веки, вслушивалась в полновесные, отчетливые звуки, наполнявшие комнату, весь дом. Вот кто-то прошел по коридору, звякнули кольца штор — кто-то открыл окно. На карнизе застучал клювом о жезл воробей. Урчала за окном машина. Наверху уронили на пол что-то тяжелое, ложка в стакане на тумбочке отрывисто звякнула.

Юлька думала, что она откроет глаза и увидит Наташу. Но вместо Наташи к ней подошла медсестра со шприцем в руках. Даже боль от укола была радостной. И звуки, и вечерний свет из окна, и боль, и запах йода — все означало жизнь.

— К вам пришли, — сказала медсестра. — Но вы не должны разговаривать. Доктор сказал, что вам еще нельзя разговаривать...

Юлька, соглашаясь, прикрыла глаза. А когда она снова открыла их, возле кровати стояла Наташа, предупреждающе приложив палец к губам. Юлька улыбнулась.

— Потерпи еще денек, — сказала Наташа. — Завтра все узнаешь. Я расскажу тебе.

На стене погасли последние блики солнца. Включили свет, неяркий, ровный — горела одна настольная лампа. Юлька, не отводя взгляда, всматривалась в милое до боли Наташино лицо.

Когда Наташа ушла и Юлька осталась одна, она попыталась вспомнить, что же произошло с ней? Был цех, Чекмарев. Была лестница на третий этаж. Метель. Выдвинувшийся из тьмы вагон...

Но что дальше?

В палате Юлька была одна. Вместо обычной тумбочки сбоку стоял небольшой столик, весь заваленный пакетиками, заставленный бутылками с уже свернувшимся молоком. По одному этому она догадалась, что лежит здесь давно.

На другой день врач — длинный, худой человек —

разрешил ей говорить. Но недолго, не утомляя себя.

И когда пришла Наташа, Юлька почувствовала, как много хочется сказать ей. Отдыхая после каждого слова, она спросила:

— Я давно здесь?

— Да. Ты здесь вторую неделю.

— Как там наши? — спросила Юлька. — Карусельный работает?

— Все в порядке.

Юлька глубоко и осторожно вздохнула. Она хотела спросить еще, нет ли писем от Гриши. Но Наташа сказала:

— Мы будем разговаривать так: я буду рассказывать, а ты показывай мне глазами, поняла или нет. Андрей нашел тебя у сортировочной горки и на руках принес в депо. Туда и «скорую помощь» вызвали. Тебя ударило.

— Да, возле самых путей, — подтвердила Юлька.

Наташа помолчала и сказала:

— Андрей почему-то себя виноватым считает. Так мне кажется.

Что могла сказать на это Юлька? Да, да, да... десять раз, сто, тысячу раз виноват! Виноват в том, что брал ее руки в свои, когда учил ее затачивать резцы; виноват, что встретился на острове, что нашел ее в заброшенном переулке; виноват, наконец, в том, что всегда, когда ей было трудно, он оказывался рядом...

Но сейчас она не могла так ответить Наташе. Все пережитое за минуты метели сделало Юльку старше. Она боялась, что Наташа не поймет ее, да и она-то сама не могла еще ответить себе: чего больше в ней сейчас — благодарности или обиды? Благодарности за вдохновение, за то, что поверила в себя?.. Или обиды?

Наташа не дождалась ответа.

— Знаешь, Юлька, если бы Миша подавал вагоны на горку быстрее, не разговаривать бы нам с тобой...

На немой вопрос Юльки Наташа ответила:

— Он подавал платформы с лесом. Одна доска свешивалась, и тебя ребром...

Движением руки Юлька попросила не продолжать.

— Как у тебя с ним?

— Он сейчас на улице, — не сразу сказала Наташа.

— Сколько лет ты еще будешь держать его на улице?

— Иногда я готова сама пойти к нему, — тихо ответила Наташа. — А потом вспомню все — и не могу!

Юлька накрыла ладонью Наташину руку.

— Если придешь в следующий раз, позови Мишу сюда.

Наташа помолчала, слегка улыбнулась и уже совсем другим голосом сказала:

— А у Лизы сын! Человек с серьезным мужским именем — Игорь! Весит четыре кило и успел Алевтине испортить юбку. Алевтину не узнаешь. Нянька. Отпуск специально взяла. — Наташа помолчала и добавила: — На той неделе ваши переходят работать в ночную, так что днем жди гостей.

Сквозь громадное умытое окно в палату смотрел солнечный день. На столе стояли цветы. Кто их принес и где можно было достать в середине февраля живые цветы? Они стояли в стакане, и пожилая няня каждый день меняла воду.

Юлька осторожно опустила голову на подушку и тихо засмеялась.

— Ты чего, худо тебе? — тревожно наклонилась над ней няня.

Юлька отрицательно покачала головой.

— Нет. Мне очень хорошо. Замечательно! А один злой человек сказал, что я никому на свете не нужна. И я было поверила ему...

Она не договорила и подумала вдруг: «А если бы Чекмарев сейчас сказал мне эти страшные слова, а? Я бы не поверила ему... Разве только эти цветы сделали его слова нестрашными? Мол, вот приносят — значит, я нужна тем, кто приносит их. Или компот... абрикосовый с косточками?.. Или то, что ребята ко мне сюда приходят?.. Нет. Ой, нет! И сказать так он мог лишь оттого, что сам слабый и жалкий очень».

Няня ждала, что Юлька скажет что-то еще, склонялась к ней с тревогой, но Юлька молчала.

«Живут люди. Строят дом. Сегодня дом, завтра дом, послезавтра — опять дом. И все? И точка? Но это же не так...»

И Юльке казалось, что сейчас она найдет слово, очень важное слово. Перед ней вставали в каком-то смещении то лицо Андрея там, в депо, когда он что-то придумывал к приспособлению, то Жора, то замаячило перед нею, расплываясь, полное ожидания, неуловимой тревоги и счастья лицо Лизы и залитые слезами ее глаза.

«Нет,— усмехнувшись, покачала головой на подушке Юлька.— Так не живут. Живут, когда не просто строят, а создают, создают все, к чему прикасаются. Дом. Паровоз. Хасановку... Человека — его создают тоже...»

В воскресенье пришли вдвоем Андрей и Жора. Волнение охватило Юльку, как только она услышала в коридоре их шаги. А что это именно их шаги, она не могла ошибиться.

Стараясь не греметь сапогами, Андрей двинулся к Юльке, сел, одной рукой взял Юлькину руку, другой дотронулся до ее лица.

— Одни глаза остались...— сказал он.

Больше всего Юлька боялась заплакать.

— Я здорово подвела вас,— сказала она, неловко усмехаясь.

— Ты об этом не думай, Юля,— ответил Андрей.— Мы тебя ждем... Пусть он подтвердит.— Андрей кивнул головой на Жору.

— Точно,— сказал Жора.— Подпись А. Малахова заверяю...

Когда они ушли, Юлька все-таки заплакала.

Были у нее Сеня Лебедев, Бондаренко с Горпиной. Лиза забежала мимоходом, передала записку. Приходили люди, которых Юлька знала только понаслышке.

Долго просидела у нее учительница Нина Павловна. Она была так же причесана, в том же платье, в каком ее привыкли видеть на уроках, и с той же усталостью в темных глазах.

— Вы ничего не знаете обо мне, Нина Павловна. Два-три раза в неделю на уроке видите меня. А я вам сейчас расскажу о себе... Все расскажу.

Юлька рассказала о дмитровском детдоме, о том, как провожала брата на службу и осталась одна. Рассказала о том, как ее впервые заставила задуматься о человеческих отношениях дружба Егорова с Наташей. Как умерла тетя Маша, не оставив после себя ничего, кроме предметов и вещей, необходимых только ей самой. Так Юльке показалось вначале. А потом, поразмыслив, она начала смутно догадываться, что человек — это не только то, что он после себя оставляет людям.

Юлькина откровенность нужна была ей самой. Она не смогла бы так говорить ни с кем другим.

Рассказывая, Юлька приближалась к тому месту, опасному, как узкая дощечка, переброшенная через весенний поток — к метели, к седой женщине, открывшей ей дверь квартиры на третьем этаже, к комнате Андрея. И она помедлила.

— Я шла в метель, Нина Павловна, не думала ни о чем и не понимала, для чего и зачем я иду. Мне казалось: я просто иду, и все. А сейчас я поняла: мне нужен был Андрей. Гаврила ударил меня в самое больное, и никого, кроме Андрея, я не могла и не хотела видеть. Ведь он вел и вел меня, тащил за собой все выше, я не искала у него утешения или подбадривания, но он мог сказать мне правду.

Юлька помолчала.

— Вы понимаете меня?

— Да, я тебя хорошо понимаю.

— Но это еще не все...— Юлька никогда еще ни про себя, ни в слух не говорила того, что сказала сейчас Нине Павловне, сказала раздельно и ровно, как о давно решенном и выверенном: — Я люблю его, Нина Павловна. И что бы ни случилось, я все равно его буду любить... Я теперь смогу...

Нина Павловна долго смотрела в окно, за которым мерцали звезды и редкие дежурные огни.

— Я завидую тебе,— сказала Нина Павловна.— Не молодости твоей, нет. Ты, Юлька, говоришь о своей сумятице, а я завидую. Это зрелость твоя, самая настоящая человеческая зрелость, трудная и ранняя. Этому просто нельзя не завидовать.— Нина Павловна улыбнулась и добавила: — Человек рождается дважды.

2

В солнечный февральский день за Юлькой приехал Андрей. Из стеклянного большого окна вестибюля она видела, как у подъезда остановилась голубая «Волга» с шашечками такси и как он вышел из машины. Темно-коричневая кожаная куртка была расстегнута, из-под нее виднелась белая рубашка с черным галстуком. Шапка сдвинута на самый затылок, на лбу — выбившаяся прядь темных волос. Он стоял посреди тротуара и смотрел вверх. У его ног лежали блики от никелированных колпаков на колесах «Волги».

Широкая улица поселка из окна просматривалась до самого Амура. Чернели на берегу перевернутые лодки, по ледовой дороге редкой цепочкой тянулись грузовые автомобили. За рекой, будто нарисованной голубой акварелью, вставал Хехцир. И стены домов, и сияющие солнцем окна, и пестрый людской поток на тротуарах — все излучало свет.

Юлька всю жизнь будет помнить и этот февральский день, и улицу, залитую солнцем, и машину у подъезда. И то, как Андрей идет сейчас по широким каменным ступеням наискосок.

Она сделала ему навстречу шаг, другой... Спустилась на одну ступеньку... Там они встретились.

До этого ей всегда приходилось смотреть на него снизу вверх, а сейчас, когда он стоял двумя ступенями ниже, его лицо было на уровне ее лица.

Так бывает: ты привык к человеку, он стал тебе дорог. Ты изучил его привычки. Ты знаешь, что его правое плечо чуть ниже левого, тебе знакома его манера резать хлеб, прижимая буханку к груди, и когда он берется за стул, ты знаешь, как он сядет, как будут лежать его руки. Но вдруг возникнет его лицо, обращенное прямо к тебе. И у тебя забьется сердце оттого, что резки морщины, опустившиеся от крыльев носа к широкому подбородку, что выгорели под солнцем кончики бровей, что открытый всем на свете ветрам невысокий лоб открыт и твоему взгляду, что от уголков глаз к вискам уже разбежались паутинки морщинок. И еще оттого, что нет в этих глазах прошлой спокойной твердости. Теперь их трепет, полувопрос и надежда обращены к тебе.

— Я, кажется, немного опоздал, — проговорил Андрей. — Тебя уже выписали?

— Да, — сказала Юлька. — Меня выписали, но ты не опоздал.

И перед тем как спуститься к нему, она на секунду зажмурилась, а потом раскрыла глаза и, сама не зная почему, посмотрела поверх головы Андрея торжествующе и гордо, так, как может смотреть человек, долго взбиравшийся в гору и наконец поднимающийся на самую вершину.

Он взял ее под руку и спустился с ней по лестнице. И когда она ступила на тротуар, солнце и воздух, который горьковато, едва ощутимо, но уже пахнул весной, гул людских голосов, стеклянный шорох снега, шуршание автомобильных шин, чвиканье воробьев на карнизе больницы

(такое звонкое, словно в горле каждого из них было что-то металлическое) — все это оглушило Юльку, и у нее начала кружиться голова.

Андрей усадил ее на заднее сиденье. «Волга» тронулась. Но после того, что Юлька пережила на ступеньках крыльца больницы, ей было тесно и душно в машине. Она сказала:

— Я так давно не ходила пешком.

Андрей внимательно поглядел на нее и, дотронувшись до плеча водителя, попросил остановить машину. Они медленно двинулись к перекрестку.

Показался поселок. По левую сторону от него открылась стройка. Но там уже ничто не напоминало о старой Хасановке: посередине пустыря над землей поднимался бетонный фундамент завода. Когда взошли на крыльцо общежития, у Юльки от волнения перехватило дыхание. Она даже пошатнулась, и Андрей поддержал ее.

— Что с тобой?

— Да так... — пробовала улыбнуться Юлька.

Сколько раз она бралась за медную, сотнями рук отполированную ручку входной двери, делая это машинально, а вот сейчас...

Андрей, кажется, понял ее. Сильным движением руки он распахнул дверь. Юльку обдало теплым запахом жилья с чуть заметной примесью паровозной гари, которую всегда вносили с собой деповские, и она переступила порог. Охваченная тревожным ожиданием чего-то нового, что она должна еще узнать, пошла Юлька по коридору, слыша за собой четкие шаги Андрея.

Свою комнату она охватила одним взглядом: конверт на тумбочке — письмо от Гриши. На двух табуретках возле Лизиной кровати — большая плетеная корзина: первая кровать маленького человечка. Юлька затаив дыхание приблизилась к ней. Ребенок спал.

Через несколько минут, когда вернется из детской кухни Лиза, Юлька узнает, что корзину, в которой лежит Игорек, достала Алевтина. Она тащила ее через весь город, потому что с такой ношей ее не пустили в битком набитый трамвай.

У Юльки никогда не появится любовь к Алевтине. Но придет такое время, и оно придет очень скоро, когда Юлька увидит в Алевтине не только женщину со злыми глазами, готовую на грубость, едва ей покажется, что кто-то посягает на ее права, на ее собственность. Юльке станет жаль

Алевтину, страшно жаль, и в этой жалости будет что-то мягкое.

Узнает она, что разобрannую детскую кроватку, прислоненную к стене (Юлька ее сразу увидела, как вошла), сегодня днем принес Пашка Куракин. Лиза, пряча заалевшее лицо, скажет: «Он сам. Я его не просила».

Все это будет потом. А пока... за спиной Юльки снимает кожаную куртку и кашне Андрей, а Юлька стоит над ребенком, спящим в корзине для белья. Тень от его ресниц падает на щеки. Алевтина сбоку глядит на Юльку опасливыми, настороженными глазками. Юльке очень хочется потрогать ребенка, но она не смеет.

Теперь она знает, что написать Грише. Она напишет о том, как много солнца здесь в марте и как пахнет талый снег, как в старой бельевой корзине спит маленький человек и что у него длинные ресницы.

Ей захочется сказать брату, что она долго цеплялась за землю ее и его детства — Дмитровку, а теперь обрела новую, продолжающую дмитровское поле, такую же желанную и знакомую, всю, от тополей вдоль дороги, ведущей в депо, от ровного рокота механического цеха до лица человека, который пришел сегодня за ней в больницу.

Может быть, она и не сумеет так написать. Скорее всего, не сумеет — громкими и бледными покажутся ей слова, потому что невозможно втиснуть в них солнце, запах весны, металлическое чвиканье воробьев на больничном карнизе, зеленые крапинки в глазах самого дорогого ей человека. И ту спокойную радость, которая вспыхивает всякий раз, стоит лишь вспомнить, что завтра утром по дороге, обсаженной пробуждающимися после зимы тополями, густым потоком пойдут деповские, и шаги, и голоса их будут царить над поселком.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая</i>	3
<i>Глава вторая</i>	16
<i>Глава третья</i>	28
<i>Глава четвертая</i>	40
<i>Глава пятая</i>	53
<i>Глава шестая</i>	61
<i>Глава седьмая</i>	68
<i>Глава восьмая</i>	77
<i>Глава девятая</i>	88
<i>Глава десятая</i>	104
<i>Глава одиннадцатая</i>	110
<i>Глава двенадцатая</i>	122
<i>Глава тринадцатая</i>	128
<i>Глава четырнадцатая</i>	135
<i>Глава пятнадцатая</i>	149

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Виктор Николаевич Александровский

ЮЛКА

Повесть

ИБ № 7932

Ответственный редактор
И. В. Пахомова

Художественный редактор
Н. З. Левинская

Технический редактор
М. В. Гагарина

Корректоры
А. А. Лазарева и Е. А. Сукьян

Сдано в набор 06.06.84. Подписано к печати 25.12.84. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 1. Шрифт академический. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 8,72. Уч.-изд. л. 8,74. Тираж 100 000 экз. Заказ № 5509. Цена 50 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сушеvский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Александровский В. Н.

А 46 Юлька: Повесть/ Рис. Ю. Реброва.— Изд. 2-е.—
М.: Дет. лит., 1985.— 158 с., ил.

В пер.: 50 к.

Повесть о заводской девчонке, ее трудовом крещении. Горячая, своенравная, она пройдет нелегкий путь, прежде чем станет полноправным членом коллектива. Большую роль в ее формировании сыграли товарищи по бригаде.
Действие происходит на Дальнем Востоке в 60-е годы.

А 4803010102—070 170—85
M101(03)85

Р2

50 коп.